

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

Книга III

КАВКАЗСКИЙ ВѢСТИНИКЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

№ 3.

М а р тъ.

1900 г.

ТИФЛИСЪ

Скоропечатня М. Мартиросянца, Михайловскій просп., № 81.

1900

Дозволено цензурою. Тифлисъ, 25-го января 1900 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. ВАМПИРЪ. Повѣсть изъ петербургской жизни (продолженіе).— <i>Н. Э. Гейнце</i>	1
II. РОМАНСЪ. Стихотвореніе— <i>М. Шевлякова</i>	26
III. БѢЛОВЪ. Разсказъ.— <i>Ивановича</i>	27
IV. ЮНОМУ ПОЭТУ. Стихотвореніе.— <i>П. А. Опочинина</i> . .	65
V. ПОЛОСА ЗЕМЛИ. Соч. <i>Раффи</i> . Переводъ съ армянскаго	67
VI. ВОДОПАДЪ. Романъ въ 2-хъ частяхъ (продолженіе).— <i>П. Опочинина</i>	73
VII. ПОДЪ РАЗВАЛИНАМИ. Разсказъ.— <i>Баграти</i> . Переводъ съ армянского	91
VIII. ДАВИДЪ ГУРАМИШВИЛИ И ЕГО ПОЭМА. —Проф. <i>А. Хаханова</i>	1
IX. БОЕВОЕ ПРОШЛОЕ СЪВЕРНАГО КАВКАЗА (окончаніе).— <i>В. С. К.</i>	19
X. ОЧЕРКИ БАКИНСКОЙ НЕФТИЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. — <i>Х. Вермишева</i>	31
XI. МІЦХЕТЬ И ЕГО СОБОРЪ „СВѢТИ-ЦХОВЕЛИ“ (продолженіе).— <i>А. Натроева</i>	44
XII. РУССКІЯ ПОСЕЛЕНІЯ НА КАВКАЗЪ. УРОЧИЩЕ ГОМБОРЫ. Этнографическій очеркъ.— <i>П. Басихина</i>	51
XIII. ПИСЬМА БЕТХОВЕНА (продолженіе)	62
XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — <i>Х.</i>	73
XV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ	81

XVI. КРИТИКА и БИБЛIOГРАФIЯ: Мельниковъ, А. М. Ино- городніе въ Кубанской области.— <i>E. B.</i> —Ізвѣстiя обще- ства археологiи, исторiи и этнографiи при казанскомъ уни- верситетѣ, т. XV, 1—5 в.— <i>Фаса.</i> —Мутазилиты. Догматико- историческое изслѣдованiе въ области ислама. Составилъ Н. Жузе— <i>Фаса.</i> —Le beau et sa loi l'esthétique nouvelle, par Azbel.— <i>XIII.</i>	91
XVII. СМѢСЬ.	100
XXIII. ПРИЛОЖЕНИЕ. Путешествiе кавалера Шардена. Пе- реводъ съ французскаго <i>Д. П. Носовича.</i>	—
ОБЪЯВЛЕНИЯ.	—

ВАМПИРЪ*.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ.

(Продолжение).

V.

Спускались сумерки.

Александровский садъ былъ почти совершенно пустъ.

Осенью петербуржцамъ не до прогулокъ; подстерье нѣсколько часовъ хорошей погоды трудно, а вообще петербургская осень гонить скорѣе въ домъ, не жели изъ дому.

Описываемый вечеръ, между тѣмъ, былъ очень хороши.

Какъ это зачастую бываетъ въ Петербургѣ, подуль вдругъ неизвѣстно откуда теплый вѣтерокъ, на нѣсколько часовъ превратившій осень въ раннюю весну.

— По дорожкѣ, ведущей къ фонтану, ходило двое молодыхъ людей.

---

* См. „Кавк. Вѣсти.“, № 2.

Одинъ быль нашъ знакомый пассажиръ конки, толкнувши такъ неосторожно и такъ прибыльно для нея Станиславу Осиповну Яцевичъ при выходѣ изъ вагона конки на Невскомъ, другой былъ молодой человѣкъ съ нерусскимъ типомъ лица.

Послѣдній говорилъ:

— Итакъ, ты влюбленъ, Бехтѣевъ, а я думалъ, что твоё несчастье застраховало тебя отъ этого зла.

— Ты очень ошибаешься! Я влюблена, сравнительно, чрезвычайно рѣдко.

— Но все же настолько часто, что успѣль спустить все свое состояніе.

— Я не любилъ тѣхъ женщинъ, на которыхъ спустилъ его,—отвѣчалъ Бехтѣевъ.

Грюнбергъ,—такъ звали второго молодого человѣка,—недовѣрчиво покачалъ головой.

— Право такъ,—продолжалъ Бехтѣевъ,—объясненіе этого заняло бы много времени. Я займусь имъ впослѣдствіи и разскажу тебѣ все съ полной искренностью. А сегодня давай говорить о другомъ, хотя бы, напримѣръ, о твоихъ успѣхахъ въ литературѣ! Твоё имя гремитъ!

— Но вѣдь и ты не можешь пожаловаться, твои картины сходять успѣшно съ рукъ. Ты зарабатываешь хорошия деньги, у тебя есть талантъ и ему начинаютъ отдавать справедливость.

— Да, люди, не знаяше меня при прежней обстановкѣ. А старые мои друзья отрицаютъ его.

— Это очень просто... Нѣть великаго человѣка для его лакея.

— Оставимъ, однако, это.

Бехтѣевъ вынулъ часы и посмотрѣлъ на нихъ.

— Не пора-ли намъ проститься?—спросилъ Грюнбергъ.

— Нѣтъ, еще половина шестого, а мы условились встрѣтиться ровно въ шесть.

— Такъ поговоримъ о твоей дульцине! Къ какому классу общества принадлежитъ она?

— Я этого не знаю.

— Какъ?

— Не знаю... Вотъ и все.

Этотъ странный отвѣтъ озадачилъ Грюнберга.

Онъ даже обидѣлся.

— Послушай, мой милый, я, право, не навязывался на твою откровенность,—замѣтилъ онъ не безъ примѣси колкости.—Встрѣтивъ тебя какъ-то разъ здѣсь, разсѣянно глазѣвшаго по верхамъ деревьевъ, я спросилъ, что ты дѣлаешь. Ты бы могъ мнѣ отвѣтить, что обдумываешь свою новую картину или размышляешь о потерѣ своего состоянія,—все это отклонило бы дальнѣйшіе разспросы. Ты же пустился со мной въ откровенность и объявилъ мнѣ, что ожидаешь женщину, которая тебя любить. Теперь же на вопросъ, сравнительно скромный, такъ какъ я не спрашиваю ни имени, ни адреса, — ты мнѣ отвѣчашь чуть ли не дерзостью.

Бехтѣевъ улыбнулся.

— Ты уже черезъ-чуръ обидчивъ... Я сказалъ тебѣ, что я ее не знаю, и я не солгалъ...

— И ты, встрѣчаясь съ нею уже почти полгода, не могъ развѣдать...

— Ничего...

— Какъ! ты долженъ-же знать—вдова-ли она, девушка, замужняя женщина, дама изъ общества или кокотка?

— Замолчи, не богохульствуй...

— О,—воскликнулъ Грюнбергъ,—это значитъ серіознѣе, чѣмъ я думалъ. Вспомни предметы своихъ прошлыхъ увлеченій.

— Это большая разница,—перебилъ его Евгений Игнатьевичъ,—такъ звали Бехтѣева,—я привязанъ къ ней самымъ чистымъ и честнымъ чувствомъ. Она даетъ мнѣ новые силы на трудъ. Когда я, просидѣвши дня три въ мастерской, ожидаю приближенія свиданія съ нею, мое рвение къ дѣлу доходитъ до громадныхъ размѣровъ. Я рисую, рисую. А на другое утро со свѣжими силами поправляю эскизы, набросанные мною съ лихорадочною торопливостью. Въ этихъ-то переходахъ отъ страшнаго волненія къ глубокому спокойствію заключается та сила, которую люди называютъ талантомъ... Не будь этихъ волненій, я бы не вынесъ тяжести моего положенія...

— Наконецъ, чортъ возьми, ты долженъ-же знать ея адресъ, такъ какъ вы назначаете свиданія другъ другу. Повторяю опять, я не требую отъ тебя полнаго отчета...

— Я радъ бы удовлетворить твоё любопытство, но, къ сожалѣнію, я знаю весьма немного. Я до сихъ поръ не имѣю понятія ни кто она такая, ни гдѣ она живетъ. Она даже скрываетъ отъ меня свое имя.

— Но вѣдь это романъ въ полномъ смыслѣ слова.

— Ну, да, это романъ.

— Разскажи, по крайней мѣрѣ, какъ ты съ ней познакомился?

— О, самымъ страннымъ образомъ.

— Я слушаю...

— Вотъ уже пошелъ годъ, какъ я ни съ кѣмъ не встрѣчаюсь. Ты мой единственный собесѣдникъ и другъ... Я занятъ цѣлый день въ моей мастерской. Съ осени прошлаго года я началъ ежедневно гулять по Англійской набережной. Вѣрный этой привычкѣ, я сидѣлъ разъ въ апрѣлѣ на гранитной скамейкѣ. Ночь была свѣтлая. Вдругъ я увидѣлъ женскую фигуру, лицо ея было за-

крыто густою вуалью. Рядомъ съ ней шелъ молодой франтовато одѣтый человѣкъ, одинъ изъ давно разошедшихся со мной тоѣарищей. Я не обратилъ было вниманія на эту пару, но до меня донеслись слова женщины:

— Кончите вы ваше преслѣдованіе, милостивый государь? Это просто безчестно...

— Вы такъ полагаете?—отвѣтилъ онъ ей.—Но какое вы имѣете право запрещать мнѣ ходить по этому тротуару?

— Какъ жаль, что здѣсь нѣть по-близости городового!—воскликнула она угрожающимъ тономъ.

— А что мнѣ можетъ сдѣлать городовой? Я имѣю право гулять гдѣ мнѣ угодно...

— Да, это несомнѣнно, и это право каждого,—замѣтилъ Грюнбергъ.

— Они поровнялись въ это время со мною. Женщина говорила:

— Вы употребляете во зло мое безсиліе избавиться отъ васъ, но будь со мною мужъ или другъ-защитникъ.

Меня глубоко тронулъ звукъ этого голоса.

Я немедленно всталъ.

— Онъ къ вашимъ услугамъ,—сказалъ я.

— А!—произнесъ сквозь зубы Иосифъ Самсоновичъ, —такъ звали Грюнberга.

— Франтъ, видимо, не узналъ меня. Онъ принялъ меня за одного изъ тѣхъ оборванцевъ нищихъ, которые проводятъ цѣлые ночи на этихъ гранитныхъ скалькахъ набережной. Онъ бросилъ мнѣ какую-то монету и весело сказалъ:

— Садись-ка, братъ, на прежнее мѣсто.

— Я не принялъ совѣта. Ты знаешь, что я очень силенъ. Я схватилъ наглеца за шиворотъ и перекинулъ

его на противоположный тротуаръ. Я былъ убѣжденъ, что женщина, воспользовавшись этой свалкой, уйдетъ, но, къ моему удивленію, она прехладнокровно стояла и смотрѣла на всю эту сцену. Я подошелъ къ ней.

— Теперь, если желаете, я могу проводить васъ, куда вы укажете,—сказалъ я ей.

Франтъ уже успѣлъ оправиться отъ своего паденія и бросился было къ намъ, но я принялъ угрожающую позу. Онъ постоялъ минуту, не зная, видимо, на что ему рѣшиться, но затѣмъ разсудилъ показать мнѣ кулакъ и быстро удалиться въ противоположную сторону.

Незнакомая дама громко расхохоталась.

— Этотъ смѣхъ удивилъ меня, но онъ мнѣ и понравился. Я вывелъ заключеніе, что она не труслива. Она была одѣта изысканно, но просто, разсмотрѣть-же лица ея я никакъ не могъ.

— Это интересно,—пробормоталъ Грюнбергъ.

— Мы пошли съ ней рядомъ.

— Я вамъ очень признательна,—сказала она мнѣ,—вы мнѣ оказали большую услугу.

— Такъ этотъ простой случай имѣеть въ вашихъ глазахъ серіозное значеніе,—спросилъ я шутливо.

— Очень серіозное,—сухо отвѣтила она.

Разговоръ оборвался.

— Скажите мнѣ, кто вы?—вдругъ спросила она.— Я обязана доказать фактически мою благодарность, скажите же мнѣ вашу фамилію.

Въ ея голосѣ слышалась по временамъ надменность, отъ которой меня бросало въ холодъ. Я сказалъ ей мою фамилію, конечно, безъ титула, отъ которого я въ сущности давно отказался. Сиятельный титулъ почти не примѣнимъ къ ремеслу живописца.

— Э, полно, мой милый,—сказалъ Грюнбергъ,—почему бы графамъ не заниматься дѣломъ.

— Да, я съ тобой согласенъ. Былъя рѣзкія сословныя различія отжили свое время. Однако, тѣмъ не менѣе, наши титулы ставятъ намъ громадныя преграды. Графу или князю не предосудительно дѣлать то и другое, но ему неприлично простое ремесло. Онъ можетъ быть писателемъ, художникомъ и проч., но только съ условіемъ не продавать свой трудъ. Если же этому графу или князю нечего кушать, то почему бы обществу не дать ему свободы зарабатывать хлѣбъ, не стѣсня его тѣмъ взглядомъ удивленія, съ какимъ его осматриваютъ съ головы до ногъ.

— Да, нельзя не признать, что въ твоей теоріи есть доля справедливости,—согласился Грюнбергъ.

Бехтѣевъ продолжалъ.

— Меня зовутъ Евгениемъ Игнатьевичемъ Бехтѣевымъ,—отвѣтилъ я ей,—но вы сильно ошиблись: я, право, не нуждаюсь ни въ какомъ вознагражденіи.

— Я вовсе не ошиблась. Я просто хотѣла попросить васъ зайти куда-нибудь выпить чашку кофе. Мы бы поговорили, а вы бы меня увидѣли... Если, конечно, ваше желаніе не расходится съ моимъ.

Я тотчасъ-же согласился.

— Но намъ придетсяѣхать... Здѣсь по-близости нѣть ни ресторана, ни кондитерской.

— Что-же, пойдемте,—сказала она.

— Я нанялъ извозчика и мы вскорѣ были въ отдельномъ кабинетѣ „Малаго Ярославца“. Она подняла вуаль. Я не могъ удержаться отъ возгласа восторга. Она была божественна, идеально прекрасна. Мы вошли въ ресторанъ въ десять часовъ и вышли изъ него въ половинѣ двѣнадцатаго. Она была повидимому веселаго характера, но ея брови хмурились или, вѣрнѣе сказать, совсѣмъ сдвигались при каждомъ вольномъ словѣ, а лицо принимало выраженіе угрозы. Я не видаль женщинъ

съ такимъ своеобразнымъ выражениемъ лица. Въ половинѣ двѣнадцатаго она дала понять, что намъ пора разстаться. Тогда я попросилъ сказать мнѣ ея имя.

— Это уже нескромность,—замѣтила она.

— Я ей не возражалъ. Я началъ чувствовать надъ собою власть.

— Но я вамъ обѣщаю,—продолжала она,—что вы меня увидите не позднѣе воскресенья, въ шесть часовъ, въ Александровскомъ саду, у фонтана, но это обѣщаніе я даю вамъ съ условіемъ.

— Скажите мнѣ его.

— Никогда не стараться наводить обо мнѣ какія-либо справки.

— Я стать протестовать.

— А,—сказала она,—какъ видно, вы хотите постѣдовать примѣру франта, отъ котораго вы меня защищали.

— Я прижалъ свои губы къ ея маленькимъ ручкамъ и обѣщалъ исполнить все, что она хотѣла, я сдержалъ свое слово,—добавилъ Евгений Игнатьевичъ.

— Какъ,—воскликнулъ Грюнбергъ,—и ты до сихъ поръ пребываешь въ томъ-же наивномъ невѣдѣніи.

— Да.

— Чудакъ...

— Я не знаю до сихъ поръ ея имени, но вместо того я знаю, что она меня любить.

— Любить?—усмѣхнулся Іосифъ Самсоновичъ.

— Да.

— И у тебя есть доказательство?

— Да, судя по тому, что люди разумѣютъ подъ словомъ доказательство.

— Однако.

— Я только три раза цѣловалъ ея руки.

— Немного.

— Но я чувствую, что она любить меня.

— А!—довольно таки иронически протянулъ Грюнбергъ.

VI.

— Повторяю тебѣ, это странная женщина,—продолжалъ Евгений Игнатьевичъ Бехтѣевъ.—Я увидѣлся съ нею черезъ нѣсколько днѣй, потомъ мы не разъ назначали свиданія на томъ же мѣстѣ, а зимой у Исаакіевскаго собора. Я видѣлъ постоянно въ ея дивныхъ глазахъ благосклонное чувство, но она возмущалась и говорила колкости за малѣшую двусмысленность. Такъ прошла вся зима, я былъ влюбленъ въ нее, какъ говорится по-уши, но не зналъ положительно ни степени, ни свойства ея расположенія.

Въ одинъ прекрасный день я сталъ убѣждать ее сказать мнѣ свое имя. Она мнѣ отвѣтила:

— Окрестите меня однимъ изъ именъ, которое вамъ нравится, я буду съ удовольствиемъ на него отзываться.

— Ея разговоръ былъ такъ-же загадоченъ, какъ ея личность, и въ немъ было много противорѣчій: иныя меня огорчали, другія пугали. Она подробно знала всю мою жизнь, исключая моего титула, а сама продолжала быть воплощенной загадкой. Ни разу, за все время, она не намекнула, что меня любить. Въ концѣ прошлаго мѣсяца мы поѣхали съ ней въ „Самаркандъ“. Садъ былъ пустъ по обыкновенію въ обѣденное время. За однимъ изъ столиковъ, впрочемъ, сидѣлъ господинъ, исторія котораго была мнѣ известна во всѣхъ отношеніяхъ. Я сталъ ей разсказывать его біографію. Это былъ банкиръ, достигшій извѣстности путемъ своего громад-

наго богатства, рекламой и выходками, свойственными всякому высокочку.

Она довольно продолжительно остановила на немъ свой взглядъ, чтобы лучше разсмотреть эту знаменитость.

Онъ это увидѣлъ и, вскинувъ на носъ золотое пенснѣ, окинулъ ее наглымъ взглядомъ.

Она сдвинула брови.

— Смотрѣть такимъ образомъ—величайшая дерзость,—сказала она мнѣ.—Подите и заставьте его извиниться.

— Я подошелъ къ банкиру, онъ сначала разсмѣялся на мое замѣчаніе. Я далъ ему пощечину и бросилъ на столъ свою карточку.

Онъ весь какъ-то съежился и, быстро позвавъ лакея, расплатился и исчезъ.

— Благодарю,—сказала моя собесѣдница,—вы меня убѣдили, что я вполнѣ могу положиться на васъ.

— Мы скоро тоже вышли изъ ресторана. На другой день банкиръ прислать ко мнѣ своего кассира; онъ просилъ убѣдительно не разглашать исторію и предлагалъ за это значительную сумму. Я отвѣтилъ, конечно, вполнѣйшимъ согласиемъ не прибѣгать къ огласкѣ и положительно отказался принять отъ него деньги; я прошиль передать ему мой искренній совѣтъ быть впередъ осторожнѣе. Когда я сообщилъ объ этомъ моей незнакомкѣ, она сказала:

— Я знала впередъ, что это такъ и кончится, вообще всѣ эти высокочки никуда не годятся, но этотъ доставилъ мнѣ давно желанный случай испытать ваше мужество, не подвергая васъ ни малѣйшему риску. Вы любите меня?

— Наконецъ-то!—воскликнулъ Грюнбергъ.—Что-же дальше? Не томи...

— На этомъ должно кончиться мое сообщеніе, я не имѣю права рассказывать дальнѣйшее... Могу только добавить, что мы любимъ другъ друга, но я и теперь не имѣю о ней никакихъ ясныхъ свѣдѣній. Я не знаю ни ея имени, ни положенія въ обществѣ, ну, словомъ, ничего...

— Ты просто сумасшедшій,—замѣтилъ Іосифъ Самсоновичъ.—Такое положеніе приводить безусловно къ двумъ рѣшеніямъ, или она интриганка и смеется надъ тобой, или-же она честная женщина, но въ тебѣ нѣтъ предпримчивости.

— Я самъ обѣ этомъ думалъ,—согласился Бехтѣевъ.

— Если ты обязанъ уважать ея тайну, то, право, обязательство подобнаго рода...

— Я не давалъ ей рѣшительно никакихъ обязательствъ,—перебилъ его Евгений Игнатьевичъ.

— Такъ что-же тебѣ мѣшаеть?

— Если бы ты зналъ, какъ она осторожна... Мы съ ней разстаемся всегда на какой-нибудь людной улицѣ, она всегда указываетъ, въ какую сторону пойдетъ и требуетъ, чтобы я шелъ въ противоположную. Она, вѣроятно, живетъ гдѣ-нибудь за Невой, но гдѣ, какъ это узнать?

— Очень просто... Надо прослѣдить за ней незамѣтно, издали...

— Средство простое, но вѣдь это предательство...

— Да, но ты клялся ей, что-ли, блуждать въ вѣчныхъ потемкахъ?

— Прощай, Грюнбергъ, сейчасъ шесть. Все это останется, конечно, между нами. Я на тебя полагаюсь.

— Безъ сомнѣнія, прощай.

— Они разстались, пожавъ другъ другу руки.

Грюнбергъ пошелъ къ выходу на Невскій проспектъ, но вдругъ остановился и крикнулъ Бехтѣеву:

— Въ будущую среду у меня соберутся нѣсколько
человѣкъ изъ моихъ знакомыхъ артистовъ и писателей.
Придешь или нѣтъ?

— Конечно, приду.

— Такъ помни мой новый адресъ: 11-я линія Васи-
льевскаго острова, д. № 9-й.

Іосифъ Самсоновичъ ушелъ.

Евгеній Игнатьевичъ сѣлъ на скамейку.

— Грюнбергъ правъ,—подумалъ онъ,—она меня зна-
еть, а я ее не знаю. Разочарованіе въ ней будетъ мнѣ
тяжело...

Онъ не успѣлъ окончить свою мысль.

По аллеѣ шла женщина.

Онъ пошелъ къ ней навстрѣчу.

— Здравствуйте, Евгеній Игнатьевичъ,—сказала она,
протянувъ ему руку.—Я явилась позднѣе условленнаго
времени и прошу извиненія.

— Это совершенно лишнее, такъ какъ вы пришли.

— Пришла, но могу удѣлить вамъ сегодня только
четверть часа.

— Вотъ это уже дурно и въ этомъ вамъ слѣдуетъ
просить извиненія...

— Но я обѣщаю отдать вамъ цѣлый вечеръ на бу-
дущей недѣлѣ. Мы поѣдемъ къ Фелисьену... А теперь
давайте руку, вы меня доведете до выхода изъ сада. Ну,
какъ идетъ работа?

— Не могу пожаловаться... Дѣло идетъ вообще не
совсѣмъ неудачно,—отвѣтилъ Бехтѣевъ,—я доволенъ
судьбою; жизнь летитъ незамѣтно, полная труда и вѣч-
ныхъ думъ о васъ...

— Когда я шла сюда, мнѣ показалось издали, что
съ вами разговаривалъ какой-то господинъ?

— Да, это мой пріятель, даже другъ.

— Онъ тоже художникъ?

- Нѣть, писатель.
- У васъ много друзей?
- Одинъ—Грюнбергъ.
- Знакомыхъ, родныхъ?
- Знакомыхъ мало... Родной одинъ зять... Мужъ моей бѣдной покойной сестры.
- Вы его посѣщаете?
- Нѣть. Я даже недавно узналъ, что онъ здѣсь, встрѣтивъ на улицѣ... Придется пойти къ нему свести нѣкоторые счеты. Но вы вѣчно сводите разговоръ на меня, а между тѣмъ мнѣ было бы пріятнѣе говорить объ васъ.
- Вы большой эгоистъ.
- Эгоистъ?
- Да... И я тоже... Мнѣ пріятно говорить объ васъ.
- Значитъ вы меня тоже любите.
- Кажется, что такъ... Вы мнѣ нравитесь, несмотря на то, что вы далеко неизящны въ вашемъ костюмѣ... Взгляните, пожалуйста, на вашу шляпу... Она потеряла совершенно форму, пальто тоже поношено. Такое отношеніе къ своей внѣшности возводится въ Петербургѣ на степень преступленія.
- Онъ грустно улыбнулся.
- У меня мало средствъ, чтобы тратить на туалетъ, но тѣмъ не менѣе я бы давно сдѣлался лучше, если бы не былъ увѣренъ изъ вашихъ-же словъ, что вы къ этому относитесь безразлично.
- Однако, это безразличіе не безпредѣльно,—возразила она.—Мнѣ было бы пріятно, если бы вы занялись болѣе своей особой.
- Это будетъ исполнено,—вздохнулъ онъ.
- Она какъ-то порывисто склонилась къ нему.
- Вы нуждаетесь въ деньгахъ?

— Къ чему этотъ вопросъ?

— Чтобы предложить ихъ вамъ; это очень просто.

— Вы сошли съума,—отрывисто отвѣтилъ онъ.

— Почему вы такъ думаете? Значить вы меня не любите... Я знаю, что мужчины поступаютъ нечестно, когда они принимаютъ такое предложеніе отъ продажныхъ созданий, но они въ полномъ правѣ принять эту услугу отъ своей невѣсты или своей жены, а изъ всѣхъ союзовъ, возможныхъ между нами, я могу допустить только одинъ брачный.

Этотъ болѣе чѣмъ прозрачный намекъ не разсѣялъ грустное раздумье Евгения Игнатьевича.

— Я люблю васъ безумно,—отвѣтилъ онъ ей,—но я не приступлю къ подобному вопросу, прежде чѣмъ не узнаю.

— Что я достойна чести быть вашей женой,—досказала она.

Онъ молчалъ.

— Вы въ этомъ убѣдитесь, когда настанетъ надобность. Въ настоящее время вамъ достаточно знать, что я честная женщина и что деньги, о которыхъ я сейчасъ говорила, безусловно мои.

— О, я въ этомъ увѣренъ, и если я отказываюсь, то это только въ силу принципа: жить только на свои средства.

— Замолчите, вы меня оскорбляете, нравственность мужчинъ и нравственность женщинъ расходится во многомъ. Мужчина, по моему, обязанъ ограничиться при выборѣ невѣсты только однимъ вопросомъ: любили вы другого? А я бы вамъ отвѣтила: никого, кромѣ васъ, и это было бы вполнѣ искренно.

— Мнѣ страшно и больно слышать ваши слова. Оставьте эту тему. Я думаю иначе и полагаю, что за-

коны нравственности должны распространяться безъ всякаго различія на мужчинъ и женщинъ.

Бехтѣевъ и его спутница дошли до выхода на Исаакіевскую площадь.

— Прощайте-же, мой другъ! — сказала незнакомка. — Приходите въ четвергъ въ шесть часовъ сюда же.

Она пошла по тротуару по направлению къ Галерной, позабывъ очевидно о тѣхъ предосторожностяхъ, къ которымъ прибѣгала при прежнихъ разставаніяхъ съ молодымъ человѣкомъ.

У Евгенія Игнатьевича явилась мысль прослѣдить ее.

Сказано — сдѣлано.

Онъ медленно пошелъ сзади, далеко пропустивъ ее отъ себя, но не теряя изъ виду.

Такъ онъ достигъ 11-й линіи Васильевскаго острова и замѣтилъ ворота, въ которыя она вошла.

Обождавъ нѣсколько времени, онъ осторожно приблизился къ дому и съ большимъ удивленіемъ прочелъ: „№ 9-й“.

— Какое совпаденіе. Она живетъ въ одномъ домѣ съ Грюнбергомъ.

Онъ нѣсколько минутъостоялъ въ раздумья и пошелъ назадъ медленнымъ шагомъ прогулки.

Когда незнакомка вернулась домой, — читатель, конечно, узналъ въ ней Конкордію Владиславовну Яцевичъ, — то не сказавъ ни слова горничной, дала ей понять, чтобы она не сердила ее своими услугами.

Ея умѣніе властствовать надъ всѣми окружающими было развито до грандіозныхъ размѣровъ.

Одно едва замѣтное движение бровей показало камеристкѣ, что ея госпожа находится въ дурномъ настроеніи духа и она постаралась скрыться съ ея глазъ неслышными шагами.

Она знала изъ опыта, что самый легкій шорохъ въ подобныя минуты доводилъ до неистовства раздражительность этой нервной загадочной натуры. Конкордія Владиславовна улеглась въ свое мѣсто любимомъ креслѣ.

— Имъ не понять меня,—неслось въ ея головѣ.—Я не люблю Осокина, мнѣ противенъ Станишевъ. Евгений объяснилъ мнѣ весьма вразумительно, что онъ прочно держится своихъ убѣждений. А вѣдь онъ любить меня, я найду въ немъ при случаѣ надежнаго защитника и онъ не будетъ ползать какъ рабъ у моихъ ногъ. А эти болваны! Они убѣждены, что колѣнопреклоненія, цѣлованія ботинокъ способны произвести на меня впечатлѣніе. Я имъ не запрещаю разыгрывать комедію, я пользуюсь ею для своихъ личныхъ выгодъ, что-же въ этомъ дурного? Развѣ это преступленіе? Разумѣется, нѣты! Мнѣ пришлось родиться въ практическій вѣкѣ, который измѣряетъ качество человѣка количествомъ его денежныхъ средствъ. Все мое богатство заключается въ моей красотѣ, и я, конечно, могла бы спекулировать ею и составить себѣ большое состояніе. Я этого не дѣлала и никогда не сдѣлаю, и мои обожатели относятся ко мнѣ съ глубокимъуваженіемъ. Моя красота служить мнѣ орудіемъ и, съ этой стороны, я подхожу близко къ многимъ женщинамъ, но лишь отличаюсь способомъ приводить это орудіе въ дѣйствіе. Конечно, между мной и продажными женщинами есть сходство. Я вѣдь тоже продажна, я зорко сторожу свою непогрѣшимость, но я это дѣлаю не столько изъ принципа, сколько изъ расчета. Я стараюсь создать себѣ прочное положеніе и тогда выйду замужъ за Евгения, конечно... Я изучила его, онъ человѣкъ недюжинный. Я сдѣлаюсь богатой и буду для него выгодной партіей. Онъ пойдетъ далеко подъ моимъ руководствомъ. Онъ очень щепетиленъ и можетъ полюбить только женщину,

уважаемую въ обществѣ и я пріобрѣту въ немъ почетное мѣсто. Но какъ онъ любопытенъ, этотъ Евгений! Это гадкое качество, но вѣдь ~~и~~ то сказать, мнѣ никто не мѣшаетъ выбрать другого. А все-таки, мнѣ кажется, что я люблю Евгения. Я буду доброю матерью и приимѣрною женою... Мои дѣйствія сводятся къ этой цѣли... Я только ради этого согласилась принять... Вообще у меня нѣть серіознаго повода бояться за будущее; у меня много шансовъ на семейное счастіе, каковъ бы ни былъ мужъ, избранный мною, но, вѣрнѣе сказать, у меня одинъ шансъ, но шансъ громадный! Это мое умѣнье подчинять моей волѣ самыхъ самостоятельныхъ и упрямыхъ людей.

Такъ размышиляла Конкордія Владиславовна Яцевичъ, лежа въ своемъ покойномъ креслѣ.

VII.

Съ тѣхъ поръ, какъ князь Сергѣй Сергеевичъ Осокинъ отыскалъ Конкордію Владиславовну Яцевичъ, онъ аккуратно пользовался ея разрѣшеніемъ бывать каждый день, являясь постоянно ни раньше, ни позже двѣнадцати часовъ.

Въ одно прекрасное утро онъ явился въ опредѣленное время.

Горничная ввела его въ будуаръ своей барыни.

Когда Конкордія Владиславовна вышла къ нему, онъ встрѣтилъ ее почтительнымъ поклономъ и взглядомъ обожанія, такъ какъ колѣнопреклоненія были запрещены.

— Я рада васъ видѣть,— сказала она,—такъ какъ намъ предстоитъ серіозный разговоръ. Садитесь, вотъ здѣсь...

Она указала ему на диванъ.

Князь съль.

— Я должна просить васъ сегодня объ услугѣ, которая составить крайній предѣлъ всему, что я вправѣ требовать отъ васъ.

— Что-же это такое? Что я долженъ отдать: состояніе, жизнь?

— Ни то, ни другое! Услуга, о которой я хочу васъ просить, покажется вамъ гораздо тяжелѣе потери состоянія.

— Говорите же скорѣе, что это такое?

Она сѣла рядомъ съ нимъ и взяла его руки самымъ дружескимъ образомъ.

— Вѣдь вы меня любите?—спросила она, пожимая ему руки.

— Къ чему этотъ вопросъ?—спросилъ вмѣсто отвѣта князь Осокинъ.

— Онъ вызывается громадностью жертвы, которую вы вынуждены принести.

— Мое состояніе въ вашемъ распоряженіи, честь и жизнь моя отданы всецѣло въ ваши руки и я не понимаю, чѣмъ еще я могъ бы доказать вамъ свою преданность.

— Вы должны сначала внимательно меня выслушать, а затѣмъ мы рѣшимъ, что дѣлать. Я должна вратиться къ давно прошедшему времени. Въ ту ночь, когда вы выгнали меня изъ дома, я нашла пріютъ въ усадьбѣ Станишева...

— Я этого не зналъ! Я нѣсколько разъ хотѣлъ спросить васъ, какимъ чудомъ спаслись вы отъ несомнѣнной гибели во время выюги, ушедши пѣшкомъ, не взявши ни лошадей, ни провожатаго, но мнѣ было совсѣстно и я не рѣшался на этотъ вопросъ.

— Григорій Константиновичъ влюбился въ меня до безумія,—продолжала между тѣмъ Яцевичъ,—но я не

отвѣчала на эту любовь, я ее отвергла, какъ отвергла и вашу. Моя мать пріучила меня смотрѣть съ благоговѣніемъ на мою красоту, вѣроятно, въ надеждѣ получить черезъ нее большія выгоды. Когда мнѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ, я тотчасъ-же поняла разсчетъ моей матери и твердо рѣшила достигнуть блестящаго положенія въ жизни, но не цѣною самопродажи, безъ уніженія моего самолюбія. Я хотѣла остататься честной женщиной.

Она повторила послѣднюю фразу, какъ бы желая отнять у Осоцкого всякой поводъ къ протесту.

Князь Сергеѣвичъ и не думалъ протестовать.

О молчаль.

— Убѣдившись вскорѣ, что я не соглашусь унить себя до роли его любовницы, Станишевъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе быть его женой. Я тоже отказалася ему, заявивъ, что онъ недостаточно богатъ для этого. Тогда въ его умѣ блеснула мысль убить свою дочь, вашу племянницу...

— Ужели Станишевъ хотѣлъ серіозно на это рѣшиться? Если этотъ умыселъ приходилъ ему въ голову, то намъ не приходится завидовать другъ другу. Мы стоимъ съ нимъ на степени совершенного равенства по части преступленія.

Въ его шутливомъ тонѣ слышалась грусть.

— Я опять безусловно отвергла его планъ, — продолжала Конкордія Владиславовна, — да онъ и не далъ бы ничего въ результатѣ. Вы были всегда вправѣ измѣнить завѣщаніе, между тѣмъ какъ жизнь Ольги приносila ему постоянный доходъ, такъ какъ вы обязались давать ему пятьдесятъ тысячъ на ея воспитаніе. Ему только слѣдовало отнять у нея возможность выйти замужъ до вашей смерти и потребовать отъ него отчета. Я ему указала, какъ на вѣрное средство, постараться

помѣшать развитію умственныхъ способностейъ ребенка, короче, сдѣлать дѣвушку настоящей идиоткой.

Князь Осокинъ до сихъ поръ хладнокровно слѣдилъ за ходомъ разсказа, принимая его за желаніе Конкордія Владиславовны поглумиться надъ нимъ, но когда онъ увидѣлъ, что въ немъ нѣтъ ничего похожаго на шутку, онъ просто испугался.

— Но вы говорите ужасныя вещи!—сказалъ онъ съ разстановкой.

— Увольте, пожалуйста, отъ вашихъ замѣчаній,— перебила его Яцевичъ.—Вашъ зять отдать Ольгу на мое попеченіе. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я держу ее взаперти и пугаю каждую ночь, входя къ ней закутанная въ простыню.

— Это страшное преступленіе.

— Да развѣ я повинна въ нарушеніи закона?—воскликнула она.—Что я, въ сущности, сдѣлала? Я дала вамъ совѣтъ не вѣрить безусловно предписаніямъ медиковъ и дать женѣ, для ея-же пользы, нѣсколько лишнихъ капель укрѣпляющаго лѣкарства. Я наряжаюсь въ простыню и щучу съ ребенкомъ... Это просто шалость. Вотъ если бы я какъ-нибудь иначе истязала ребенка, тогда другое дѣло... А я съ нею обращаюсь, какъ съ родной дочерью.

— Меня ужасаетъ вашъ взглядъ на это дѣло,— сказалъ князь задумчиво.—Но меня еще болѣе ужасаетъ сознаніе, что моя любовь къ вамъ не уменьшилась, послѣ того, что я отъ васъ услышалъ.

— Да вамъ и нѣть причины переставать любить меня!—возразила Конкордія Владиславовна.—Я желаю достигнуть намѣченной цѣли, но мое самолюбіе заставляетъ меня идти не тою дорогою, по которой другое приходятъ къ обеспеченію. Я, короче сказать, не честный человѣкъ, но я честная женщина.

— Все это тѣмъ не менѣе не давало вамъ права относительно Ольги.

— Я именно хотѣла поговорить о ней, такъ какъ сегодня ночью произошелъ случай, выдавшій меня головой; до сихъ поръ никто и не подозрѣвалъ о существованіи у меня дѣвочки... Ольга, испугавшись, когда я вошла къ ней въ простынѣ, бросилась съ постели къ окну, послѣднее было не заперто, она распахнула его и упала на дворъ.

— Со второго этажа? — испуганно воскликнулъ князь Осокинъ.

— Да... Но главное, что въ это время у живущаго въ этомъ-же домѣ литератора Грюнберга были гости, они выходили отъ него и онъ пошелъ ихъ провожать. Онъ поднялъ дѣвочку и отнесъ ее къ себѣ, крикнувъ мнѣ, что не оставитъ дѣла такъ и дастъ знать въ полицію. Мнѣ думается, что ему показалось, что я столкнула дѣвочку, между тѣмъ какъ я бросилась къ окну, когда она уже упала. Надо предупредить огласку.

— Но какъ?

— Вы ея родной дядя, вы имѣете право рѣшающаго голоса въ этомъ дѣлѣ. Подите къ Грюнбергу и уговорите его.

— Удивляюсь, Конкордія Владиславовна, какъ вы могли рѣшиться обратиться ко мнѣ съ такимъ предложеніемъ.

Она только взглянула ему прямо въ глаза и затѣмъ продолжала невозмутимо:

— Наконецъ, Станишевъ, какъ отецъ, выразить тоже свое мнѣніе. Вы условитесь съ нимъ, какъ повести это дѣло.

— Быть за одно съ Станишевымъ?! Теперь, когда я знаю, что вы хотите выдти за него замужъ! Ни за какая блага!

— Вы можете быть совершенно спокойны: я никогда не сдѣлаюсь женою Станишева и я предлагаю вамъ вступить съ нимъ съ соглашеніе съ исключительною цѣлью замять все это дѣло.

— Если это такъ, я исполню ваше желаніе,—отвѣтилъ князь Осокинъ.

— Это еще не все... Станишевъ не имѣетъ своего состоянія. Вы должны обезпечить его лично. Клянусь, вамъ, я не выйду за него никогда.

— Согласенъ и на это, я дамъ ему сто тысячъ, если вы поклянетесь прекратить съ нимъ знакомство.

— Это еще не всѣ мои требованія,—замѣтила Конкордія Владиславовна.—Я не люблю Станишева, но не желаю лгать, я также равнодушна и къ вамъ.

— Я уже успѣлъ освоиться съ этой горькой дѣйствительностью и просилъ не взаимности, а только позволенія видѣть васъ ежедневно.

— Нѣтъ, это невозможно, такъ какъ я люблю другого...

— Вы любите, Конкордія! — воскликнулъ князь, блѣднѣя.

— Да и я желаю сдѣлаться достойной моего избранника во всѣхъ отношеніяхъ. Къ несчастью, онъ былъ вчера въ числѣ гостей Грюнберга и участвовалъ во всей этой исторіи... Онъ открылъ мое убѣжище... Но онъ любить меня и съ помощью вашей, князь, и Станишева я возстановлю въ его глазахъ мою репутацію. Онъ повѣрить и вамъ, и мнѣ, такъ какъ онъ любить меня... Но мнѣ нужна и ваша матеріальная помощь.

— Располагайте мною.

— Вы мнѣ дали недавно двѣсти тысячъ рублей. Ихъ вполнѣ достаточно для моихъ личныхъ надобностей, но ихъ не хватить на двоихъ.

— Сколько вамъ еще надо?

Она молча смешила его презрительнымъ взглядомъ.

— Вы должны помочь моему избраннику.

— Да вы меня считаете совершеннымъ дуракомъ! — крикнуль разгневанный князь Осокинъ.—Вы, вѣдь, отлично знаете, что я вѣсъ люблю и рѣшаешься требовать, чтобы я сознательно отрубилъ себѣ голову и стала бы способствовать успѣху соперника. Вы сильно ошибаетесь. Любовь моя къ вамъ не довела меня до идиотизма.

— Такъ вы меня не любите настолько, чтобы принести въ жертву свое счастіе?

— Нѣть, безусловно, нѣть!

— Хорошо! Перестанемте говорить объ этомъ!— перебила она.—Я придаю себѣ слишкомъ много цѣны, чтобы унизить себя повтореніемъ разъ неисполненной просьбы. Я больше не прошу, я вамъ просто приказываю...

Князь сдѣлалъ жестъ протеста.

— Не перебивайте меня, князь, вы знаете, что я этого не люблю. Человѣкъ, внушившій мнѣ чувство любви и уваженія, слишкомъ самолюбивъ и не захочетъ пользоваться моимъ состояніемъ! Онъ долженъ имѣть собственныя и свободныя средства и въ этомъ случаѣ я полагаюсь на вѣсъ, князь.

— Назовите мнѣ прямо мою роль въ этомъ дѣлѣ,— сказалъ Сергѣй Сергеевичъ отрывистымъ, недовольнымъ голосомъ.

— Вы напрасно волнуетесь!—замѣтила спокойно Конкордія Владиславовна.—Ваша роль въ этомъ дѣлѣ, какъ вы сейчасъ выразились, роль далеко не сложная. Человѣкъ, о которомъ я говорю—художникъ, живеть своимъ трудомъ. Вы должны доставлять ему заказы, соѣдѣствіе, рекомендациіи.

— Отдать лично вамъ все свое состояніе? Я сей-часъ это сдѣлаю,—продолжалъ между тѣмъ онъ.

— Нѣтъ!—сказала она презрительно,— мнѣ не нужны ни вы, ни ваше состояніе. Я теперь приказываю: не въ качествѣ женщины, проявляющей власть надъ влюбленнымъ мужчиною. Я просто отдаю приказаніе судьи подсудимому. У меня есть улика—и я васъ погублю, если вы не исполните моего приказанія.

Князь Сергѣй Сергѣевичъ былъ возмущенъ до глубины души.

— Вы низкое созданіе! — воскликнуль онъ съ презрѣніемъ.

— Пусть будетъ по вашему: я гнусное созданіе. Я сознаюсь въ этомъ и сбрасываю маску. Судьба васъ поставила на пути моей жизни, васъ надменныхъ, порочныхъ, пресыщенныхъ людей, и я вами воспользовалась безъ угрызенія совѣсти, какъ средствомъ создать себѣ блестящую будущность. Это мое прошедшее. Настоящее произвело перемѣну въ моемъ образѣ мыслей, но вы въ моихъ рукахъ и должны покориться.

— Ни за что! — отвѣчалъ рѣшительно князь.

— Ну, если вы желаете огласки и скандала, поступайте какъ знаете. Я, конечно, погибну, но я ни въ какомъ случаѣ не погибну одна. Я выведу всѣхъ на чистую воду. Вѣдь вотъ вы-же убили вашу жену и подтвердили письменно, что совершили это ужасное преступленіе.

Князь Сергѣй Сергѣевичъ поблѣднѣлъ.

— Вы воплощенный демонъ! — прохрипѣль онъ.

— Да, я демонъ для васъ и для подобныхъ вамъ, но буду для него ангеломъ-утѣшителемъ,—добавила она съ невыразимой нѣжностью.

Ее перебилъ раздавшійся звонокъ.

Она торопливо обратилась къ князю.

— Ну, что-же исполните вы мое приказаниe, отвѣчайте скорѣй: да или нѣтъ? Это, вѣроятно, Станишевъ или Грюнбергъ.

На лѣстницѣ послышались шаги.

Руки князя тряслись отъ сильнаго волненія.

— Положеніе страшное и безъ малѣйшаго выхода! —простональ онъ.

— Ну, такъ, да или нѣтъ?—повторила Конкордія Владиславовна.

— Я буду, какъ и прежде, послушенъ вашей волѣ!—произнесли съ трудомъ его блѣдныя губы.

— Это будетъ удобнѣе для васъ и для меня!—замѣтила она.

— Но вы мнѣ позволите любить васъ, какъ и прежде?—спросилъ онъ робкимъ голосомъ.

— Какъ вы смѣете предлагать мнѣ условія? Вы теперь потеряли на нихъ всякое право.

Горничная раздвинула портьеру.

— Господинъ Станишевъ! —должила, она пропуская его почтительно въ будуаръ.

Н. Э. Гейнце.

(Продолженіе будетъ).

РОМАНСЪ.

Не спрашивай, не мучь меня допросомъ,
За что и почему тебя я разлюбилъ?..
Въ тиши ночей надъ этимъ-же вопросомъ
Уже я слезы лилъ...

Нежданное явилось охлажденье,
Я чувства этого никакъ не ожидалъ.
Но разлюбивъ, разсвѣявъ всѣ сомнѣнія,
Я какъ дитя рыдалъ...

Томился я у ногъ твоихъ страдая,
Улыбку звать твою, ловилъ твой каждый взглядъ.
Въ земной любви искалъ блаженство рая,
Но въ ней нашелъ лишь адъ.

Хотѣла ты казаться равнодушной,
Я-жъ изнывалъ въ тоскѣ, страдая и любя,
Но мигъ одинъ—и, разуму послушный,
Я разлюбилъ тебя.

Мих. Шевляковъ.

БЪЛОВЪ.

Раэсказъ.

Въ прошломъ году, когда только что былъ напечатанъ въ газетахъ известный циркуляръ 12 августа, мнѣ случилось быть въ обществѣ, где толковали о вѣроятности прекращенія войнъ.

По привычкѣ называть утопіей все, чего нѣть и не было, многіе называли утопіей и идею вѣчнаго международнаго мира. Говорили, что война въ крови людей; что въ самомъ гуманномъ человѣкѣ сидитъ звѣрь, который требуетъ отъ времени до времени удовлетворенія своей хищной натурѣ и это удовлетвореніе даетъ война.

— Позвольте не согласиться,—замѣтилъ помалчивавшій до тѣхъ поръ старый отставной капитанъ,—вотъ на счетъ того, что война въ крови человѣка. Я двадцать лѣтъ служилъ въ военной службѣ, на войнѣ бывалъ, присматривался къ впечатлѣніямъ солдатъ и офицеровъ, за собой наблюдалъ—и, по моему, какъ разъ наоборотъ—въ натурѣ человѣка даже грубаго отвра-

щеніе къ убійству ко всякому, въ томъ числѣ и на войнѣ. Солдатъ не по охотѣ убиваетъ на войнѣ, а потому, что это его служба, его долгъ. По этому долгу онъ и стрѣляеть, и въ штыки идетъ. А разспросите-ка солдата и офицера, что они чувствуютъ. Еще пока въ стрѣлковой цѣпи—ничего: выпалилъ и не знаетъ, что сдѣлала пуля, а какъ увидишь кровь изъ раны, которую ты причинилъ, какъ услышишь хрипѣнье и стоны раненыхъ,—скверно, тошно дѣлается и себя всѣмъ сердцемъ ненавидишь. Вспомнить потомъ бываетъ страшно, такъ вотъ и кажется, что совѣсть задушитъ... позабыть стараешься, а забыть этого нельзя... Убійство претитъ человѣку и у нѣкоторыхъ отвращеніе къ войнѣ поразительное... Мне случилось,—обратился онъ ко мнѣ,—прочитать вашъ разсказъ „Степанъ Ежикъ“. Не знаю, выдумали вы такого солдатика или видѣли, а я такихъ зналъ и солдатъ, и офицеровъ... Вотъ хоть-бы прaporщикъ Бѣловъ, у меня въ ротѣ служилъ, въ родѣ вашего Степана Ежика.

— Разскажите про него,—просили капитана утомившиеся споромъ.

— Толку не выйдетъ... въ двухъ словахъ не изложишь... а все какъ слѣдуетъ разсказать не сумѣю, да и долго... А вотъ не разскажетъ ли намъ Ивановичъ про прaporщика Бѣлова.

— Да вѣдь онъ не знаетъ его.

— Не знаетъ, а можетъ узнать... Если пожелаете,—обратился онъ ко мнѣ,—я къ вамъ зайду и принесу цѣлую связку материала. Тамъ и мой дневникъ и въ немъ больше всего о Бѣловѣ—любилъ я его... есть и его замѣтки. Такъ вотъ вы познакомитесь со всѣмъ этимъ и изобразите прaporщика Бѣлова и напечатайте. А сначала намъ прочитайте—у меня вечеринку устроимъ.

Разобравши съ въ материалахъ, доставленныхъ мнѣ капитаномъ, я заинтересовался Бѣловымъ, и вотъ мой разсказъ о немъ.

I.

Офицеры только-что получили третное *) жалованье и многие остались у полкового казначея играть въ карты.

На кожаномъ старомодномъ диванѣ подъ большой кѣткой, гдѣ тосковалъ захудалый соловей, сидѣлъ старшій полковой докторъ, лысый съ маленькими дерзкими глазками и толстыми губами. Не торопясь, тасовалъ онъ карты, потомъ щелкалъ колодой по столу съ словами: „штось готовъ“ и оглядывалъ ставки понтеровъ. На столѣ лежала сторублевая и много мелкихъ бумажекъ.

Офицеры, нѣкоторые безъ мундировъ, понтировали съ возбужденными лицами, имѣвшими хищное выраженіе, вызываемое игрой; раздавались восклицанія: „уголь... транспортъ съ кушемъ... на перепе...“, потомъ наступала на нѣсколько секундъ тишина, прерывавшаяся проклятіями „анафемской тройкѣ“, которая „подкузмила“, или благословеніями тузу, выигравшему по рублю на очко.

Хозяинъ, старый холостякъ съ сѣдоватыми баками, не игравший въ карты, не пивший водки и не любивший женщинъ, — за что и былъ избранъ полковымъ казначеемъ,—сидѣлъ рядомъ съ банкометомъ, слѣдилъ за игрой и курилъ трубку. Пришли новые гости: полковой адъютантъ и новичокъ прaporщикъ съ голубыми глазами и

*) Въ то время, къ которому относится этотъ разсказъ, жалованье офицерамъ выдавалось три раза въ годъ, по истеченіи каждыхъ 4-хъ мѣсяцевъ.

съ застѣнчивостью уѣздной барышни. Въ полной парадной формѣ онъ напоминалъ тѣхъ пажей, которыхъ въ операхъ играютъ женщины.

— Господа, нашъ новый товарищъ, прапорщикъ Бѣловъ,—сказалъ полковой адъютантъ.

Всѣ познақомились съ новичкомъ, подавая ему руку и называя свою фамилію. Когда эта церемонія кончилась, Бѣловъ былъ красенъ, какъ макъ, и тяжело дышалъ. Онъ не зналъ, что ему дѣлать и вертѣлъ въ рукахъ свой новенький киверь съ султаномъ, взглядывая то на столъ, гдѣ шла игра, то на дверь, въ которую ему очень хотѣлось убѣжать.

Хозяинъ дружески взяль его за талію, подвель къ столу, гдѣ была водка, колбаса и сыръ и сказалъ:

— Закусите, молодой человѣкъ. Водки не предлагаю,—думается мнѣ, что вы еще не научились ее пить.

— Да... я не пью...

— Прекрасно дѣлаете—расхода и непріятностей меныше, здоровьяя больше.

— Прапорщикъ долженъ пить!—раздалось точно громогласная команда на полковомъ ученыѣ.

Проигравшійся толстякъ Никоновъ, командиръ той роты, въ которую былъ зачисленъ Бѣловъ, подошелъ къ несчастному прапорщику и, тяжело отдуваясь, обдалъ его сивушнымъ дыханіемъ.

— Прапорщикъ долженъ пить,—повторилъ онъ.

— Я не пью,—сказалъ Бѣловъ.

— Безъ возраженій! Кто я и кто вы? Я—штабсъ-капитанъ,—онъ ударилъ себя кулакомъ,— я вашъ ротный командиръ, а вы—курица не птица, прапорщикъ не офицеръ.

Никоновъ налилъ двѣ рюмки водки.

— Ну, выпьемъ!

— Извините... я никогда не пиль... я не могу.

— Приказываю!

Бѣловъ поблѣднѣлъ и рѣшительно отвѣтилъ:

— Я не буду пить.

— Что такое?! Пироги, жаркое! Бунтъ противъ ротнаго командира? Подъ арестъ! Подъ судъ!

— Ну, дѣдушка, ты молодого человѣка не обижай, —вступился казначей.

— А зачѣмъ онъ не пьетъ!

— Не想要 и не пьетъ... А ты лучше посмотри, кто тамъ у двери.

— Какого дьявола смотрѣть,—сказалъ Никоновъ и обернулся.

У двери стоялъ, вытянувшись, желтолицый денщикъ.

— Ваше благородіе, барыня приказали, чтобы вы безпремѣнно шли домой,—произнесъ онъ скороговоркой.

— Провались, чертова кукла!—заревѣлъ штабсъ-капитанъ.

Денщикъ исчезъ за дверью, а вмѣстѣ съ нимъ и вся бравурность ротнаго командира. Онъ молча выпилъ двѣ рюмки водки, отыскалъ въ углу свою саблю, надѣлъ ее и, подавая руку Бѣлову, сказалъ:

— Вы меня обидѣли, но я не сержусь... заходите ко мнѣ по-просту.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ Бѣловъ и опять покраснѣлъ, а Никоновъ тяжело вздохнулъ и ушелъ.

— Вы не подумайте, что дѣдушка злой,—сказалъ казначей Бѣлову,—добрѣйший человѣкъ... только погреѣмѣть любить, когда выпьетъ.

— Громъ, но не изъ тучи, отозвался кто-то за игорнымъ столомъ.

— И задастъ-же ему лупку Капитолина Марковна, —замѣтилъ банкометъ.

Бѣловъ сидѣлъ въ уголку у стола съ закусками и обдумывалъ, какъ бы ему уйти незамѣтно, ни съ кѣмъ не прощаясь. Къ нему подошелъ поручикъ Снѣжковъ, надушенный пачулями, съ черными усами, концы которыхъ на погибель мѣстныхъ барышень были при помоши фиксатуара вытянуты въ длинныя стрѣлки.

— Итакъ, вы не пьете водки?—спросилъ онъ.

— Не пью.

— Очень дурно! Но это еще полбѣды... А скажите, пожалуйста, какъ вы на счетъ клубнички. Блондинокъ предпочитаете или брюнетокъ.

Бѣловъ вспыхнулъ и сталъ смотрѣть въ окно на улицу.

— Я васъ спрашиваю, прaporщикъ Бѣловъ, почему вы не отвѣчаете?

— Это неприличный разговоръ.

— Ха-ха-ха!—загрохоталъ Снѣжковъ,—да мужчины вы? Можетъ быть, вы mademoiselle Бѣлова? Въ такомъ случаѣ у насъ будетъ другой разговоръ. Mademoiselle Бѣлова, любите-ли-вы цвѣты, напримѣръ, резеду или, можетъ быть, предпочитаете тюльпаны?

Бѣловъ молчалъ и растерянно оглядывался, какъ кошка, загнанная собакой, на заборный столбъ. А поручикъ съ усами-стрѣлками приставалъ къ нему.

— Вы какъ думаете о барышняхъ?.. Неземные существа... добродѣтельныя, недотроги? Какъ-же!.. Повѣрте мнѣ, онѣ любятъ, чтобы нашъ братъ съ ними не церемонился... Если вы будете передъ ними вздыхать, да умилительно жать ручки при прощаньяи, такъ онѣ васъ за дурня сочтутъ... У всѣхъ у нихъ одно на умѣ.

— Стыдно такъ говорить о женщинахъ,—произнесъ Бѣловъ и у него даже шея покраснѣла, а голосъ дрожалъ отъ волненія.

Поручикъ Снѣжковъ захохоталъ.

— Первый разъ вижу такого офицера! Ей Богу-яё, вы—mademoiselle Бѣлова... Признайтесь мнѣ по секрету.

Въ это время дверь съ громомъ отворилась и раздалось крѣпкое русское словцо.

— Вотъ и профессоръ сквернословія,—сказалъ хозяинъ.

Новый гость огляделъ комнату и, увидя Бѣлова, подошелъ къ нему.

— Нашего полку прибыло,—сказалъ онъ,—честь имѣю рекомендоваться, поручикъ Кардиналовскій.

Онъ украсилъ эту фразу нѣсколькоими непечатными словами и подалъ руку Бѣлову. Тотъ назвалъ свою фамилию.

— Очень пріятно познакомиться,—продолжалъ Кардиналовскій.—Ну, докторъ, держитесь крѣпче, король по полтинѣ очко.

Бѣлову хотѣлось заткнуть уши, чтобы не слушать русской соли, изобильно посыпавшейся за игорнымъ столомъ съ приходомъ поручика Кардиналовскаго.

— А что-же вы не курите,—сказалъ Бѣлову хозяинъ.

— Я не курю.

— Ну, вотъ это ужъ негодится, чтобы офицеръ не курилъ.

Бѣлову стало досадно, что у него нѣть ни одного качества, необходимаго офицеру.

— Я, можетъ быть, стану курить,—сказалъ онъ, какъ-бы извиняясь передъ казначеемъ, и, чтобы не продолжать разговора, перешелъ къ игорному столу.

— Можетъ быть, хотите поставить карту?—спросилъ его мрачный, уже проигравшійся капитанъ Андроновъ.

— Я не знаю этой игры,—ответилъ Бѣловъ.

— Тутъ и знать нечего. Выбрать карту, назначить

кушъ, только и всего. Выйдетъ ваша карта направо— проиграли, налѣво—выиграли.

Бѣловъ съ любопытствомъ слѣдилъ за таліей. Банкометъ убилъ нѣсколько небольшихъ картъ и съ досадой положилъ налѣво десятку.

— Моя десятка дана,—весело сказалъ широколицій капитанъ.

— Бастуй,—совѣтовалъ ему сосѣдъ.

— Нѣть, погнусь дальше.

— Чудакъ!.. Мало тебѣ, что дали пятую карту отъ трехъ рублей. Вѣдь это 72 цѣлкача. Бери и пойдемъ домой.

— Онъ и шестую дастъ.

— Ну, это еще мы будемъ посмотрѣть,—сказалъ банкометъ.

— Говорю тебѣ, бастуй...

— Погоди... По моему такъ: либо рыбку сѣсть, либо на коль сѣсть...

Кардиналовскій цинично состриль.

— Есть ужъ у тебя рыбка—72 рубля. Не забастуешь теперь, сядешь на коль, помяни мое слово. Ну, не глупо-ли разсчитывать на шестую карту.

— И двѣнадцать даютъ, — сказалъ капитанъ, выбирая карту.

— А я вамъ совѣтую попробовать счастья,—говорилъ Бѣлову мрачный Андросовъ,—вы непремѣнно выиграете.

Бѣлову хотѣлось поставить карту, но онъ не рѣшался.

— Почему вы такъ думаете?—спросилъ онъ.

— Въ первый разъ всегда выигрываютъ. Ей Богу, поставьте карту.

— Ну, хорошо, я попробую,—сказалъ Бѣловъ.

— Господа, прaporщикъ Бѣловъ хочетъ понтировать,—громко объявилъ Андросовъ.

— Сдѣлайте одолженіе,—отозвался банкометъ.

— Такъ вотъ вы қакой,—улыбаясь, замѣтилъ казначей,—не пьете, не курите, а въ картишки того... Не ожидалъ...

— Въ тихомъ омутѣ черти,—сказалъ Кардиналовскій.

— Я такъ только... я попробую...—проговорилъ Бѣловъ, чувствуя, что его щеки горятъ.

Банкометъ приготовилъ штось и обратился къ широколицему капитану.

— Ну-съ, такъ какъ-же?.. Или рыбку съѣсть, или на колъ съѣсть?

— До полутораста рублей,—сказалъ капитанъ и положилъ на столъ девятку.

— Прекрасно!.. А ваша карта, молодой человѣкъ,--- обратился докторъ къ Бѣлову.

— Дама,—сказалъ онъ и еще больше покраснѣлъ.

— О женщинахъ говорить не想要, а ставить на даму, это подозрительно,—сказалъ поручикъ съ стрѣльчатыми усиками.

— Дама изъ Амстердама,—сказалъ банкометъ, а какой кушъ, позвольте узнать?

Бѣловъ, волнуясь, вынулъ изъ кошелька пять рублей и положилъ ихъ на карту.

Докторъ пристально посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Господа, сей юноша будетъ игрокомъ.

— Почему ты знаешь,—спросилъ Кардиналовскій съ обычной непечатной приправой.

— По глазамъ вижу,—отвѣтилъ банкометъ съ вариацией той-же приправы и перевернулъ колоду картъ.

Лицо его сдѣлалось серіознымъ: девятка капитана беспокоила его. Онъ отодвинулъ немного верхнюю карту—валета, за нимъ показались четыре пиковыхъ очка.

— Девятка... ей Богу, девятка...

Докторъ снялъ валета, подъ нимъ была десятка.

— Ну, теперь девятку убьеть,—сказалъ поручикъ, совѣтовавшій капитану забастовать.—Отчего не поставилъ десятку, имѣлъ бы полтораста рублей.

— Онъ и девятку дастъ.

— Ну, это еще либо будетъ, либо нѣть, либо баба, либо дѣдъ,—говорилъ банкометъ и въ его быстро бѣгавшихъ глазахъ росло беспокойство. Онъ снялъ десятку, изъ-подъ нея выглянула червонная девятка.

— Вотъ она, голубушка,—сказалъ докторъ и улыбка хищной радости появилась на его лицѣ.

— Не вывезла проклятая,—пробасилъ капитанъ.

— И по дѣломъ! Никогда ты не можешь выиграть... Пять картъ даютъ, а тебѣ мало.

— А ваша дама выиграла,—сказалъ банкометъ Бѣлову,—извольте получить пять рублей. Я, господа, бастую.

— Ну, полно.

— На сей разъ предовольно... Выигралъ больше ста рублей... Чего мнѣ еще... Я не такой жадный, какъ Степанъ Ивановичъ,—подсмѣивался докторъ надъ капитаномъ и сталъ сводить счеты.

Офицеры разошлись; ушелъ и Бѣловъ, очень довольный тѣмъ, что его дама выиграла.

II.

Старинный домъ съ полинявшей крышей прятался отъ улицы за полисадникомъ. Рядъ сиреней тянулся вдоль рѣшетки. За ними была высокая разноцвѣтная стѣна мальвъ, которыхъ обыватели попросту называли рожами за ихъ большие круглые цветы. А за мальвами поближе къ дому пестрѣли клумбы и клумбочки съ пионами, колокольчиками и яркокрасной барской спѣсью.

Въ этомъ домѣ за полисадникомъ жила маленькая семья Бѣловыхъ: Костя и Настя, ихъ мать Марья Степановна, вдова-капитанша, и няня Сергеевна. Домъ Бѣловой былъ точно маленькой монастырь. Никто не ходилъ въ него; только въ большиѣ правдники послѣ обѣдни отворялась его скрипучая калитка и во дворъ входилъ высокій отставной поручикъ, братъ Бѣловой, и медленно, какъ бы крадучись, направлялся къ крыльцу. Костя и Настя прозвали дядю тигромъ за его походку и сердитое лицо, напоминавшія имъ картинку, на которой былъ нарисованъ тигръ, подкрадывающійся къ сернѣ.

Въ атмосферѣ мира, любви и ласки прошли первые дѣтскіе годы Кости. Съ сестрой онъ жилъ дружно; мать и няня были кроткія, добрѣйшія существа. Костя не зналъ что такое обида, ему никогда не приходилось защищать себя, онъ не слыхалъ ни слова о неизбѣжности борьбы въ жизни. Когда онъ ушибался, няня не говорила ему: „прибей негодный стулъ, какъ онъ смѣль тебя зашибить“, а прикладывала мѣдный пятакъ къ ушибленному мѣсту, говоря: „не плачь, все пройдетъ“. А если ушибъ былъ значительный, то Сергеевна открывала свой сундукъ и приглашала Костю: „а, ну-ка, посмотри, что у меня есть“, и румяное яблоко или коврижка, оказывавшіеся въ сундукѣ, заставляли Костю позабывать боль.

Въ домѣ Бѣловыхъ никогда не было слышно браны и крика. Дѣтей не наказывали за шалости, а только стыдили и угрожали наказаніемъ, въ видѣ лишенія какого-нибудь удовольствія. „Няня въ лѣсь не поведетъ“, — была самая страшная угроза.

Любилъ Костя комнату матери: во-первыхъ, въ ней былъ комодъ, гдѣ хранились всякия сласти для дѣтей, во-вторыхъ, очень хорошо въ ней было по субботамъ и

на канунѣ всякаго праздника. Въ сумерки тамъ зажигали лампадку и Костѣ нравился ея огонекъ и игра лу-чей кроткаго свѣта на фольговыхъ ризахъ образовъ. Прикурнувъ рядомъ съ сестрой на лежанкѣ изразцовой печки, онъ мечтательно глядѣлъ на мерцающую лампадку и слушалъ слова матери о томъ, какъ хорошо быть добрымъ. Костя чувствовалъ прелесть мира и доброты въ эти поэтическія сумерки, когда въ окно были видны догорающая заря и вечерняя звѣздочка. И всѣ люди представлялись ему милыми, добрыми. Другихъ дѣтей, кромѣ сестры, онъ не зналъ, а няня разскавывала ему, что есть дурныя дѣти—уличные мальчики: они постоянно кричатъ и дерутся, и когда выростутъ, ихъ сажаютъ въ острогъ, а благородныя, дворянскія дѣти всегда ведутъ себя хорошо и другъ друга не обижаютъ.

Костя былъ очень доволенъ, когда мать сказала, что отдастъ его учиться въ дворянскій институтъ. Ему было любопытно посмотретьъ, какія комнаты въ большомъ бѣломъ домѣ, который онъ видѣлъ, когда ходилъ гулять съ няней. Онъ радъ былъ и тому, что познакомится съ мальчиками: ему хотѣлось узнать, какія у нихъ игры.

Однажды мать пришла домой очень веселая и объявила Костѣ, что онъ принять въ институтъ. Съ радостнымъ волненіемъ Костя ожидалъ понедѣльника.

Наконецъ, этотъ день наступилъ. Костя заплакалъ, прощаясь съ сестрой: онъ не увидитъ ее цѣлую недѣлю; но мать и Сергѣевна увѣрили его, что недѣля пройдетъ незамѣтно и что въ воскресенье, когда его отпустятъ домой, будетъ сладкій пирогъ. Костя пошелъ въ институтъ, воображая, что тамъ такие же добрые мальчики, какъ его сестра, и такие же любящіе, ласковые учителя, какъ его мама и Сергѣевна.

Но едва затворилась за Костей тяжелая дверь ин-

стигута, мальчику стало жутко. Швейцарь въ мундирѣ показался ему сердитымъ, а на лицѣ надзирателя не было ласки. Молча онъ взялъ Костю за руку и ввелъ въ темный коридоръ, по сторонамъ которого были двери; за ними раздавалось точно жужжаніе и иногда вырывались рѣзкіе возгласы.

Холодно и непривѣтливо было въ этомъ темномъ коридорѣ.

Надзиратель отворилъ одну изъ дверей и впустилъ Костю въ первый классъ. Учитель спросилъ фамилію новичка, записалъ ее въ журналъ и велѣлъ Костѣ сѣсть на первую скамейку и повторять вмѣстѣ съ другими острова Европы. Костѣ понравилось, какъ цѣлый классъ звонко выкрикивалъ: „Великобританія, Ирландія, Зеландія“.

Прозвенѣлъ звонокъ и передъ Костей открылась жизнь, совсѣмъ не похожая на ту, къ которой онъ привыкъ въ родномъ домѣ любви и ласки.

Какой-то мальчикъ ущипнулъ его. Костя удивился и сказалъ:

— Больно!

— Для того и щиплютъ, чтобы было больно,—отвѣтилъ забіяка и ущипнулъ Костю еще разъ.

Мальчики со смѣхомъ обступили новичка, ему тот-чась-же показали, гдѣ живетъ ай, сдѣлали вселенскую смазь; кто-то предложилъ запустить ему въ носъ гусара. Костя заплакалъ, вошелъ надзиратель и спросилъ, кто его обидѣлъ.

— Домой хочу, — говорилъ Костя, всхлипывая.

— Кто тебя трогалъ, я ему уши нарву, — сказалъ надзиратель.

— Никто не трогалъ, — отвѣтилъ Костя, испугавшись этой страшной угрозы обидчикамъ.

Въ „большую перемѣну“ Костю переодѣли въ ка-

зенное платье. Въ большой комнатѣ, гдѣ стояли огромные шкапы, было холодно и сумрачно. Старикъ гардеробщикъ сердился: Костя такой маленький, что ни одна курточка на него не приходится. Наконецъ онъ нашелъ подходящую: она была съ мѣдными пуговицами и краснымъ кантомъ на воротникѣ. Гардеробщикъ надѣлъ ее на мальчика, застегнулъ на всѣ пуговицы, обдернулъ и сказалъ: „какъ разъ впору“.

Костѣ показалось, что онъ точно застылъ въ этой курткѣ. Ему было неловко, тѣсно, воротникъ давилъ шею. Онъ съ тоской поглядѣлъ на свою домашнюю синюю рубашку, которую гардеробщикъ свернулъ и сунулъ въ ящикъ огромнаго шкапа.

Въ два часа уроки кончились и мальчиковъ повели рядами въ столовую. Костѣ дали тарелку супу, но ему не хотѣлось есть. Онъ оглядывался, инстинктивно отыскивая ласковаго взгляда, который онъ всегда встрѣчалъ дома, когда няня наливала ему на тарелку лапшу и она такъ смѣшино тянулась длинными нитями. Но никто не обращалъ на него никакого вниманія, а мальчикъ, сидѣвшій напротивъ, показалъ ему фигу.

— Быть, не зѣвай,—строго сказалъ надзиратель.

Послѣ обѣда началось „гулянье“—старшіе ученики ходили попарно, младшіе играли „въ половушки“. Костя и не думалъ объ игрѣ: онъ боялся мальчиковъ, встрѣтившихъ его такъ недружелюбно, боялся и этой огромной залы съ множествомъ оконъ, безъ занавѣсокъ, безъ цвѣтовъ, безъ мебели.

Съ одной изъ стѣнъ сурово смотрѣлъ на дѣтей какой-то генералъ, изображенный во весь ростъ въ полной парадной формѣ. Зала представилась Костѣ холодной пустыней и въ ней дѣйствительно было холодно.

Костя робко прижался у окна. Глядя на улицу, онъ думалъ о томъ, какъ недалеко родной домъ и какъ

тамъ теперь хорошо: тамъ тоже пообѣдали, мать прилегла отдохнуть, Настя играетъ на изразцовой лежанкѣ; Сергеевна затопила печку, весело трещать въ ней дрова. Онъ всѣми мыслями и чувствами перенесся домой и съ завистью слѣдилъ за какимъ-то чиновникомъ, который шелъ по улицѣ въ ту сторону, гдѣ этотъ милый домъ. Но уединиться въ тоскѣ о домѣ было невозможно.

Кто-то дернулъ Костю за курточку такъ сильно, что онъ чуть не упалъ. Онъ обернулся—передъ нимъ было нѣсколько мальчиковъ. Они смеялись, показывали ему языкъ и кричали:

— Плакса... дѣвчонка!..

Костя не понималъ, почему вмѣсто сочувствія къ горю, которое такъ угнетало его, надъ нимъ издѣваются.

— Скучно безъ мамы,—сказалъ онъ и слезы показались на его глазахъ.

Это усилило веселость мальчиковъ; дождемъ посыпались насмѣшки, вмѣстѣ съ щипками. Не столько отъ боли, сколько отъ горькой обиды Костя зарыдалъ. Подошелъ надзиратель, мальчики разсыпались, какъ вспугнутые воробы.

— Кто тебя прибилъ?

— Домой хочу, домой,—повторялъ Костя, заливаясь слезами.

И въ этихъ слезахъ такъ громко звучало дѣтское горе, что надзиратель почувствовалъ его.

— Въ воскресенье пойдешь домой,—сказалъ онъ.

Это была такая свѣтлая, радостная мысль, что Костя пересталъ плакать.

— Твоя мама придетъ къ обѣднѣ, — продолжалъ надзиратель,—и возьметъ тебя домой, а если ты будешь плакать, то и въ воскресенье останешься въ институтѣ.

— Я не буду плакать,—сказалъ Костя.

— Ну, вотъ и хорошо, значитъ ты умница.

Къ надзирателю подбѣжалъ какой-то мальчикъ и, плача, сказалъ:

— Петровъ опять дерется.

— Позови ко мнѣ Петрова,—сказалъ надзиратель.

Въ сопровождениі товарищей, Петровъ шелъ очень неохотно, не предвидя нечего хорошаго отъ бесѣды съ надзирателемъ.

— Ты зачѣмъ прибилъ Иванова?

— И не думалъ даже... онъ вретъ...

Надзиратель схватилъ Петрова за ухо и, повторяя: „не дерись, не дерись“, дергалъ то въ одну, то въ другую сторону.

— Становись въ уголъ,—заключилъ онъ свою расправу и обратился къ Костѣ: ежели кто нибудь тебя обидитъ, ты мнѣ только скажи, я ему лупку задамъ.

Костя былъ пораженъ происшедшай сценой и подумалъ, что онъ никогда не будетъ жаловаться, чтобы съ нимъ не дѣлали. Ему стало жаль Петрова и онъ участливо спросилъ его.

— Тебѣ больно?

— Убирайся къ черту!—раздраженно отвѣтилъ Петровъ.

Костя отошелъ въ недоумѣніи и сталъ наблюдать игру мальчиковъ.

— Что за удовольствіе въ такой игрѣ,—думалъ онъ, —каждый наровить ударить другъ друга по болынѣ.

Онъ сравнивалъ съ этой игрой свои мирныя игры съ сестрой и думалъ о воскресеньѣ.

Вдругъ бѣготня прекратилась и въ залѣ внезапно наступила тишина, а лица мальчиковъ сдѣлались серіозными, испуганными. Въ залу вошелъ высокаго роста блондинъ съ пухлыми щеками. Это былъ инспекторъ.

Костя еще болѣе съежился, замѣтивъ, что этотъ напугавшій всѣхъ человѣкъ направляется къ нему.

— Скучно?—спросилъ онъ Костю, оглядывая его курточку, и въ этомъ вопросѣ было не то участіе, не то иронія.

Костя не почувствовалъ той теплоты въ сердцѣ, какую возбуждаетъ искреннее участіе, какой-то страхъ овладѣлъ имъ.

— Привыкнешь; учись прилежно, веди себя хорошо, а не то будетъ чикъ-чикъ.

Съ этими загадочными для Кости словами инспекторъ отошелъ отъ него, оставивъ запахъ духовъ.

— Это что такое?—раздался вдругъ визгливый возгласъ,—опять пуговица оторвана!.. Ну, пойдемъ, пойдемъ...

Костя увидѣлъ, что инспекторъ пошелъ къ дверямъ и за нимъ рыдающій мальчикъ. Смутный ужасъ охватилъ Костю; позабывъ свою застѣнчивость, онъ спросилъ одного изъ товарищѣй:

— Что это значитъ?

— Дуракъ,—отвѣтилъ тотъ, — сѣчь повелъ.

Чрезъ минуту Костя услышалъ доносившіяся изъ коридора крики мальчика и взвизгиванія розогъ. Онъ закрылъ уши руками и забился въ уголъ. Прозвенѣлъ звонокъ, зала опустѣла, а онъ все стоялъ въ углу, боясь пошевелиться.

— Ты что-же, не идешь уроки учить,—сказалъ надзиратель,—не слыхалъ, что-ли, звонка?

Костя молчалъ.

— Пойдемъ, теперь надо учить уроки на завтра.

Онъ взялъ Костю за руку и повелъ въ „занимательную“, такую-же непривѣтливую большую комнату, уставленную партами.

Послѣ занятія былъ чай, но какой невкусный, неин-

тересный... Чай безъ шумящаго самовара, безъ звона чайныхъ ложечекъ... Стаканы съ жидкимъ чаемъ были разставлены рядами, точно шеренги новобранцевъ, и возлѣ нихъ—куски кислой булки. И ни одного ласковаго слова, ни одной привѣтливой улыбки, которыми такъ хороши былъ чай въ столовой родного дома. А послѣ чая опять было гулянье въ холодной залѣ, потомъ „второе занятіе“ и молитва, послѣ которой воспитанники тѣмъ-же военнымъ порядкомъ, рядами, пошли въ дортуары.

Надзиратель показалъ Костѣ его кровать съ дощечкой на жѣлѣзномъ прутьѣ съ надписью „Константинъ Бѣловъ“ и сказалъ: „раздѣвайся и ложись спать.“

Костя легъ подъ сѣроѣ байковое одѣяло и долго не могъ заснуть. Конграстъ минувшаго дня съ той жизнью, которую онъ зналъ до тѣхъ поръ, спуталъ всѣ его представленія о людяхъ и наполнилъ тоской и страхомъ его сердце.

— Здѣсь всѣ бываютъ другъ друга,—думалъ онъ,—мальчики дерутся, надзиратель бьетъ, инспекторъ сѣчеть.

Живо вспомнились ему вавизгиванія розогъ и крики несчастнаго мальчика, у котораго оборвалась пуговица на курточкѣ.

И какъ разъ въ эту минуту въ дортуарѣ вошелъ инспекторъ, въ сопровожденіи надзирателя. Костя закрылъ глаза, чтобы не видѣть этого человѣка, сразу возбудившаго въ немъ отвращеніе и страхъ. Когда онъ рѣшился посмотретьъ, инспектора уже не было. Ночникъ горѣлъ на окнѣ, сумерки окутывали длинную спальню.

— Семь лѣтъ такой жизни,—подумалъ Костя,— я умру здѣсь...

И ему захотѣлось, чтобы наступившая ночь тянулась долго-долго, всѣ эти семь лѣтъ... Можно лежать покойно, никто не трогаетъ, не видишь драки, не

слышишь слезъ и этого страшнаго визга розогъ. Вдругъ онъ вспомнилъ, что въ воскресенье его отпустятъ домой; минувшій день со всѣмъ его горемъ заслонился этой радостной мыслью и съ ней Костя крѣпко заснулъ.

Громкій звонокъ заставилъ его проснуться. Солдатъ шелъ по дортуару и непрерывно звонилъ. Первый разъ Костю будили такимъ грубымъ нечеловѣческимъ голосомъ. Вспомнилъ онъ, какъ няня будила его, когда онъ уже не спалъ, а только лѣнился: „вставай, лѣнтиганчикъ... мама ужь чай пьетъ; посмотри, солнышко сѣтьти.“ Онъ притворяется, захрапить насрочно и вдругъ расхохочется. А теперь звонокъ грубо кричитъ: „вставай, вставай“ и звонить, звонить, точно дразнить, даже больно отъ его назойливаго звона. Окна еще черныя, ночь не прошла, а надо уже вставать.

— Вставайте, сони, вставайте лѣнтия!—покрикивалъ надзиратель, сдергивая одѣяла съ тѣхъ, кто не проснулся.

Костя сталъ одѣваться и подумалъ, что у этой недѣли не будетъ воскресенья; оно казалось ему далекимъ недосягаемымъ, какъ свѣтлая звѣздочка; онъ не дождется его, онъ умретъ въ этомъ холодномъ домѣ, гдѣ нѣть любви и ласки, гдѣ все такъ холодно: и воздухъ, и люди.

III.

Но воскресене пришло своимъ чередомъ. Звонокъ разбудилъ воспитанниковъ позже обычновеннаго, когда въ окна глядѣла уже не ночь, а зимнее, ясное утро. Костя сталъ торопливо одѣваться; на его табуреткѣ вместо будничной курточки лежалъ мундиръ съ краснымъ воротникомъ и мишурными нашивками.

— Воскресене, воскресене,—думалъ Костя и все, казалось ему, повторяло это радостное слово, даже у

звонка какъ будто пропалъ его грубый голосъ и онъ весело кричалъ: „вставайте, сегодня воскресенье“.

Въ девять часовъ началась обѣдня въ институтской церкви. Костя оглянулся, чтобы узнать, пришли ли за нимъ его мать. Онъ увидѣлъ ее въ ряду другихъ нарядныхъ дамъ и затрепеталъ отъ радости.

— Не оглядывайся, а то домой не пойдешь,—шепнуль ему надзиратель.

Костя страшно хотѣлось еще разъ взглянуть на мать, но онъ не сдѣлалъ этого, чтобы не лишиться счастья, отъ предвкушенія котораго прыгало его сердце. А пѣвчіе отбивали по складамъ: „и-же хе-ру-ви-мы“, облака дыма поднимались изъ кадильницы и цѣпочки ея такъ весело звенѣли. Костя слѣдилъ за облаками дыма, расплывавшагося струйками въ полосахъ солнечнаго свѣта, протянувшихся отъ каждого окна чрезъ всю церковь. Онъ молился и въ то же время желалъ, чтобы поскорѣе окончилась обѣдня.

И вотъ онъ бѣжитъ по лѣстницѣ съ отпускнымъ билетомъ, въ которомъ написано, что онъ „учился и велъ себя отлично“ и что онъ „уволенъ въ домъ матери до девяти часовъ вечера.“ Она ожидала его въ приемной. Какъ хороши ея поцѣлуи и улыбка!..

— Пойдемъ, мама, пойдемъ!—торопить ее Костя.

Суровый швейцарь отворяетъ дверь и Костя, задыхаясь изъ счастья, бѣжитъ по ступенькамъ крыльца.

— Не торопись, упадешь,—говорить мать.

Но развѣ можно не торопиться на волю. Эта холдная, бѣлая тюрьма осталась уже за нимъ и Костя чувствовалъ себя, какъ птичка, только что вылетѣвшая изъ клѣтки.

— Мамочка, какая прелестъ! - восклицалъ онъ.

— Что, мой милый?

— Все, все!..

Прелестна была для Кости эта улица съ знакомыми домами, и легкій морозецъ, и звонъ соборнаго колокола, и извозчикъ съ заиндивѣвшей бородой, ъхавшій на встрѣчу на бѣлой лошади. А прелестнѣе всего мама: она остановила этого извозчика и они поѣхали.

— Милая, милая мамочка, шепталъ Костя, а снѣгъ хрустѣлъ подъ полозьями и бѣжало на встрѣчу знакомые дома весело улыбались. Вотъ и милая сирени въ полисадникѣ, всѣ серебристыя отъ инея. Въ окнѣ— лицо Нasti, а у воротъ Сергеевна, подживающая своего любимца; на дворѣ Андреичъ съ щетинистыми усами подметалъ снѣгъ, высыпавшій за ночь; онъ поздравилъ Костю „съ пріѣздомъ.“

Атмосфера любви охватила мальчика теплыми волнами; позабылъ онъ прошлую недѣлю, какъ будто она никогда не повторится; вернулось утраченное счастье и онъ весь отдался ему, оно стало еще дороже, чѣмъ прежде.

Какъ тебѣ понравился институтъ?—спросила его мать за чаемъ.

Костя поблѣднѣлъ и отвѣтилъ дрожащимъ голосомъ:

— Мамочка, не говори объ этомъ...

Мать почувствовала, какъ тяжела была для Кости минувшая недѣля и поспѣшила сказать, что онъ и Настя поѣдутъ кататься.

Блаженный день промелькнулъ, какъ всегда мелькаютъ блаженные дни. Вечеромъ дѣти играли въ карты и Костя, позабывшій объ институтѣ, смѣялся, что няня каждую игру остается мельникомъ. Вдругъ мать его, поглядѣвъ на часы, сказала.

— Накрываютъ, Сергеевна, на столъ, Костѣ пора уже въ институтъ.

Костя замолчалъ, положилъ карты и умоляющими глазами смотрѣлъ на мать.

— А знаешь что, мой милый,— заговорила она,— къ слѣдующему воскресенью я приготовлю тебѣ сюрпризъ; угадай, какой?

— Я не приду въ слѣдующее воскресенье домой,— сказалъ Костя и слезы звучали въ его словахъ,— я умру тамъ, мамочка...

— Не говори такъ, Костя... Чѣмъ тебѣ не нравится институтъ?

— Ахъ, мама! Ты не знаешь. Тамъ дерутся, сѣкуть, тамъ страшно. Дорогая мамочка, не отвози меня туда...

Костя зарыдалъ и прижался къ матери. Настя тоже заплакала, глядя на брата.

Марія Степановна сама готова была расплакаться, но овладѣла собой и когда рыданія Кости перешли въ тихія слезы, ласково заговорила:

— Послушай, милый... Ты умный мальчикъ, пойми, что тебѣ необходимо учиться, всѣ мальчики учатся... Тебя не будутъ наказывать, если ты будешь вести себя хорошо и учиться. Я понимаю, что тебѣ скучно тамъ, но что-же дѣлать, мой дорогой... Тебя приняли на дворянскій счетъ, а у меня нѣть средствъ учить тебя дома. Завтра я приду тебя навѣстить... принесу яблочковъ, какія ты любишь; а до воскресенья всего шесть лней и не замѣтишь, какъ они пробѣгутъ... а на Рождество на двѣ недѣли отпустята.

Костя молчалъ и плакалъ. Вошла Сергѣевна съ тарелками, увидѣла слезы своего любимца и запечалилась.

— Уговори его, Сергѣевна, не想要去 inи-
ститутъ,—сказала Марія Степановна.

— Костя умный, онъ пойдетъ,—ответила Сергѣевна, разставила тарелки и ушла.

Черезъ минуту она вернулась съ большимъ пряникомъ.

— Посмотри, Костя, что я тебѣ припасла.

Но пряникъ не произвелъ обычнаго эффекта. Костя

даже не улыбнулся и угрюмо молчалъ, вытирая слезы кулакомъ.

Стали ужинать. Костя ничего не ъѣлъ. Всѣ были печальные и не говорили ни слова. У Кости мелькнула надежда, что мама и Сергѣевна пожалѣютъ его, оставятъ дома и тогда всѣмъ сдѣлается весело и онъ сладко заснетъ и грубый звонъ не разбудитъ его завтра, когда въ окно будетъ смотрѣть черная ночь... Онъ размечтался: проснется онъ не отъ звонка, а отъ привѣтливаго шума самовара въ соседней комнатѣ, отъ шепота няни и матери и, когда откроетъ глаза, увидитъ синие цветы на изразцахъ печки...

Марья Степановна посмотрѣла на часы.

-- Пора ъѣхать, - сказала она-seriozno—милый Костя, не огорчай меня, будь умникомъ... Сергиевна одѣнь его, онъ умный мальчикъ...

Сергиевна неохотно повиновалась. Растропыривъ ширину Кости, она тихо подошла къ нему и хотѣла всушнуть въ рукава его руки. Но Костя отчаянно закричалъ.

Въ первый разъ въ немъ вспыхнуло чувство самозащиты. Онъ позабылъ, что передъ нимъ любимая няня, онъ видѣлъ только врага... Онъ оттолкнулъ ее, такъ что старушка чуть не упала, и, забившись въ уголь между столомъ и диваномъ, горько заплакаль отъ жгучей обиды: и няня, и мама не любятъ его, если хотятъ отправить его въ ненавистный институтъ. Онъ слышалъ новыя уговариванья „быть умникомъ“, но отъ этихъ уговариваний еще обильнѣе текли дѣтскія слезы. Въ первый разъ онъ чувствовалъ себя вполнѣ одинокимъ.

Между тѣмъ старинные стѣнныя часы зашипѣли и пробили девять разъ. Марья Степановна рѣшительно встала и, выйдя въ соседнюю комнату, позвала Сергиевну. Начался разговоръ полголоса. Костя съ замиранiemъ

сердца прислушивался и почувствовалъ, что готовится для него что-то роковое. Сергеевна прошла черезъ комнату, надѣвая на голову свой сѣрий платокъ.

— Костя, милый мой, умоляю тебя, поѣзжай,—сказала Марья Степановна.

— Не поѣду, не поѣду!—отчаянно закричалъ Костя.

На лѣстницѣ раздались тяжелые шаги и скрипъ сапогъ.

Костя зналъ этотъ скрипъ; до сихъ поръ онъ всегда былъ предвѣстникомъ какого нибудь удовольствія: скрипѣли сапоги Андреича, который нерѣдко приносилъ Костѣ какую нибудь самодѣльную игрушку. А теперь отъ этого скрипа Костѣ стало страшно. Вошла Сергеевна, а за ней Андреичъ... На его лицѣ не было ласковой улыбки, съ какой онъ обыкновенно говорилъ съ Костѣй; въ рукахъ его была не игрушка, а ненавистная институтская шинель и фуражка съ краснымъ околышемъ.

— Не хорошо, Костя,—сказалъ онъ строго,—умные мальчики такъ не дѣлаютъ, одѣвайся, будь молодцомъ.

— Не хочу, не хочу!—закричалъ Костя

Съ ожесточеніемъ онъ сталъ толкать и кусать Андреича, пытавшагося всунуть его руки въ рукава шинели.

— Такъ вотъ ты какой... кусаешься,—сказать Андреичъ.

И Костя почувствовалъ, что желѣзныя руки охватили его и понесли изъ комнаты... Ему казалось, что эти руки раздавятъ его и онъ перестанетъ сопротивляться. Черезъ минуту Андреичъ съ своей ношей сидѣлъ уже въ саняхъ и крикнулъ извозчику: „пошелъ“. Морозный вѣтеръ подулъ въ лицо Кости, развернулись двѣ линіи

фонарей, а тамъ, гдѣ онѣ кончаются, стоялъ холодный домъ, спрятавшись въ ночной тымъ.

Андреичъ закуталъ Костю въ шинель, мальчикъ только отчаянно плакалъ; у него мелькнула мысль сжечь институтъ, чтобы отъ него освободиться.

— Стыдно такому большому мальчику плакать,—сказалъ Андреичъ.

Но Костя не чувствовалъ стыда.

— Если будешь плакать, тебя высѣкнуть,—пригрозилъ Андреичъ.

Костя замолчалъ.

— Не говори тамъ, что я плакалъ,—попросилъ онъ.

— Не скажу... такъ-то вотъ лучше...

А бѣлый домъ уже появился изъ мрака... вотъ и фонарь у крыльца, съ которого такъ радостно сбѣжалъ Костя въ это утро. Извозчикъ остановился.

— Ну, будь молодцомъ,—сказалъ Андреичъ,—а я тебѣ къ воскресенью новую игрушку смастерю.

Костю не обрадовало это обѣщаніе. Отворилась тяжелая дверь и онъ вошелъ въ нее, угнетенный бѣдой, съ которой ему нельзя бороться.

IV.

Въ то время всѣ педагогическіе вопросы разрѣшались розгами. Каждую субботу въ институтѣ бывала баня, т. е. генеральная порка. Инспекторъ обходилъ классы, вызывая въ коридоръ всѣхъ, получившихъ въ теченіе недѣли единицу, и долго отчаянныя дѣтскіе крики раздавались изъ карцера. Сѣкли не только по субботамъ. Рѣдкій разъ, когда инспекторъ заходилъ въ классы или въ „занимательную“, дѣло обходилось безъ розгъ: онъ умѣлъ отыскать оторвавшуюся пуговицу,

тесемку, высунувшуюся изъ-подъ курточки, и съ хищной радостью взвизгивалъ: „розогъ!“

Въ классахъ дрались учителя, действуя линейками, кулаками и дланью.

— Тупа главы твоей вершина,—говорилъ математикъ, держа за пуговицу ученика, не приготовившаго урока,—потребна для нея дубина въ три аршина и, стукнувъ мальчика по головѣ книгой или линейкой, ставить ему единицу, а самого его на колѣни.

— Опять ляудо,—кричалъ желчный латинистъ,—я тебѣ говорилъ: „лявдо, а не ляудо“... и, схвативъ за ухо ученика, дергалъ его въ обѣ стороны, приговаривая: „лявдо, лявдаре...“

А въ свободное отъ занятій время, въ такъ называемыя „гулянья“ и „перемѣны“, ученики дрались между собой и безпрестанно гдѣ нибудь слышались дѣтскій плачъ и затрешины водворявшихъ миръ педагоговъ.

Костя, не знаяшій до тѣхъ поръ не только побоевъ, но и грубаго слова, чувствовалъ себя точно въ адѣ въ этой атмосфѣрѣ битья всякаго рода... Онъ уединялся и отъ надзирателей, и отъ учениковъ въ какой нибудь укромный уголъ, а лѣтомъ въ заднюю аллею институтскаго сада и мечталъ о жизни, основанной на мирѣ и любви. Онъ находилъ ее по воскресеньямъ въ родномъ домѣ и видѣлъ ее за синимъ небомъ. Передъ нимъ рисовался чудный, благоухающій садъ, озаренный тихимъ „не вечернимъ“ свѣтомъ... Ручейки бѣгутъ съ кроткимъ журчаньемъ и прячутся въ вѣчно свѣжей травѣ; поютъ не умирающія птицы на роскошныхъ деревьяхъ, въ тѣни которыхъ обновившіеся люди съ счастливыми улыбками на добрыхъ лицахъ... Нѣть обиды, нѣть страданій и слезъ... всюду сіяніе любви и ласки.

Религіозность Кости, созданная въ семье, развилась въ институтѣ въ страстное чувство... Постоянно одино-

кій, подъ страхомъ ежеминутно грозящихъ на казаній, онъ утѣшался молитвой. Много доставалось ему за религіозность отъ товарищей, но чѣмъ больше приходилось терпѣть, тѣмъ дороже она становилась для Кости.

Въ институтскомъ саду была уединенная куртина и въ ней за кустами бузины старая скамейка безъ спинки. Сидя на ней, Костя мечталъ о каникулахъ, о прогулкахъ съ сестрой въ лѣсъ, о всенощной въ Крестовой церкви, гдѣ такие чудесные пѣвчіе. Всоминалась ему эта маленькая церковь, огромные подсвѣчики, дрожащіе круги огней около толстой свѣчи съ золотыми разводами, а вверху ея малиновая лампадка и въ ней привѣтливый малиновый огонекъ... Хорошо чувствовалъ себя Костя среди чужихъ людей, казавшихся ему братьями. Онъ смотрѣлъ на хоры. Вотъ регентъ, почтенный лысый священникъ поднялъ руку въ широкомъ синемъ рукавѣ и махнулъ...

„Множество содѣянныхъ мною лютыхъ“ грянуль хоръ и замолкъ... „Мно-же-ство“ повторили одни басы, какъ будто отклинулось горное эхо. И вдругъ развернулась музыкальная картина страшнаго суда... Какъ громовые раскаты, какъ трубы архангеловъ гремѣли басы; стоны грѣшниковъ слышались въ партіитеноровъ... Волна звуковъ достигла грознаго fortissimo всего хора и разсыпалась мольбами и струйками слезъ, а басы все гудѣли, но уже глухо, какъ громъ въ удаляющейся тучѣ.

Трепеть охватывалъ Костю, но онъ думалъ, что милостивый Богъ всѣхъ проститъ и никого не пошлетъ на муку вѣчную.

И какъ-бы въ отвѣтъ на эту надежду хоръ перемѣнялъ тонъ; нѣтъ уже зловѣщихъ аккордовъ, звучить радость, что гроза миновала. На фонѣ басовыхъ нотъ, какъ радуга на черной тучѣ, обрисовалась тема дискан-

товъ: „но надѣяся на милость“; весь хоръ подхватилъ слова надежды и заключилъ картину страшнаго суда тихимъ аккордомъ о „великой милости.“

— Вотъ онъ... Ату его!—раздалось за кустами бузины.

И нѣсколько мальчиковъ обступили скамейку, гдѣ мечталъ Костя.

— Оставьте меня, что вамъ надо,—просилъ онъ.

— Маменькимъ сынокъ!.. постникъ, монахъ!—кричали мальчики, щипали и толкали его...

Вдругъ съ Костей случилось что-то необыкновенное, въ груди его точно загорѣлось; мальчикъ, схватившій его за ухо, закричалъ и отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ, потомъ вскочилъ и съ крикомъ: „Бѣловъ прибиль“ побѣжалъ жаловаться. Послѣ этого случая Костю стали меньше обижать.

„Надо значитъ самому драться, чтобы тебя не били“,—думалъ онъ, но держаться этого правила не могъ: оно было противно его мирной натурѣ.

Какъ счастливъ былъ Костя, оканчивая курсъ, освобождаясь отъ жизни на военномъ положеніи и отъ учебниковъ. Подъ конецъ курса они стали для него противны, какъ лѣкарство. Съ отвращеніемъ училъ онъ страницы о побѣдахъ Александра Македонскаго, Наполеона, не понимая, за что ихъ такъ величаютъ историки, когда они всюду приносили страданія и смерть. Отъ хронологіи сраженій, вступленій на престоль разныхъ королей и императоровъ у него становилось сумрачно въ головѣ и тоскливо въ сердцѣ. Ни одинъ учитель не показалъ ему настоящей науки; вместо ея живого слова онъ слышалъ только мертвую рѣчь учебниковъ. Онъ окончилъ курсъ съ отвращеніемъ къ наукѣ. И когда мать спросила его, хочетъ ли онъ поступить въ университетъ, онъ рѣшительно отвѣтилъ: „ни-за-что“. Уни-

верситетъ представлялся ему такимъ-же холоднымъ, страшнымъ домомъ, какъ институтъ, съ такимъ-же уныніе наводящимъ ученьемъ. Онъ молча слушалъ попечителя института, который, вручивъ ему медаль съ надписью „преуспѣвающему“, сталъ уговаривать его поступить въ университетъ.

— Это ваша прямая польза, молодой человѣкъ,— говорилъ попечитель.

А Бѣловъ слушалъ и вспоминалъ, какъ „для его пользы“ его заставили промучиться въ ненавистномъ институтѣ и радовался, что теперь онъ уже самъ себѣ хозяинъ и никто не можетъ схватить его въ охапку и отвести въ университетъ. И когда стариочекъ попечитель окончилъ свою рѣчь и спросилъ: „ну, какъ-же вы думаете, молодой человѣкъ?“ то Бѣловъ покойно отвѣтилъ:

— Я не пойду въ университетъ.

— Быть можетъ, вы не имѣете средствъ,—сказалъ попечитель,— дворянство вамъ дастъ стипендию.

— Я не поступлю въ университетъ, напрасно уговариваете,— повторилъ Бѣловъ.

Стариочекъ развелъ руками, вздохнулъ и сказалъ:

— А я вамъ всетаки и на прощанье скажу, не портите своей карьеры... безъ университета далеко не уйдете...

Первое время по окончаніи курса Бѣловъ вовсе не думать о томъ, что онъ будетъ дѣлать,—онъ наслаждался свободой. А между тѣмъ надо было рѣшить этотъ вопросъ. Маленькия деньги, оставшіяся Марѣ Степановнѣ послѣ мужа, были уже прожиты. Бѣлову надо было зарабатывать средства къ жизни, надо было „поступить на службу“. Одинъ дальний родственникъ обѣщалъ опредѣлить его въ казеннную палату. Но прежде чѣмъ онъ исполнилъ это обѣданіе, судьба Бѣлова устроила совершенно неожиданно.

V.

Былъ праздникъ. Семья Бѣловыхъ, вернувшись отъ обѣдни, пила чай. Въ комнатѣ было весело отъ солнечныхъ лучей и пахло цвѣтами липы изъ сосѣдняго сада.

— Къ намъ тигръ идетъ,—сказала Настя, взглянувъ въ окно.

— Ахъ, Настя! Онъ можетъ услышать,—укоризненно замѣтила Марья Степановна.

— Нѣтъ, мамочка! Онъ еще далеко, на той сторонѣ улицы. А ты, Костя, не дѣтай при немъ гримасы, а то я расхохочусь.

— У меня будетъ серіозное лицо... смотри, какое...

Дѣвушка взглянула на брата и звонко расхохоталась.

— Оба вы уже взрослые, а держите себя, какъ дѣти,—сказала Марья Степановна.—Замолчи Костя, дядя сейчасъ войдетъ и можетъ обидѣться.

Настя умолкла и только лицо ея продолжало смѣяться. Стукнула дверь и въ комнату тихонько, какъ-бы крадучись, вошелъ тигръ.

Это былъ высокій отставной поручикъ съ щетинистыми рыжими усами, придававшими свирѣпый видъ его добродушному, изрытому оспой, лицу.

— Здравствуйте, сестрица!—заговорилъ онъ.—Съ окончаніемъ курса, молодой человѣкъ!.. Здравствуйте, прелестная племянница!.. Вы хорошиете не по днямъ, а по часамъ... Скажите, сколько юношей ранено этими лазурными очами... „Ахъ, очи, очи голубые, вы изсушили молодца“, пропѣлъ онъ басомъ и щелкнулъ каблуками по старой привычкѣ, говоря съ барышнями, звенѣть шпорами. Поправивъ свои усы, тигръ сѣлъ.

— Не въ службу, а въ дружбу, дорогой племянни-

чекъ,—сказалъ онъ, вынимая изъ кармана шелковый кисетъ съ табакомъ Жукова,—дайте старику трубочку.

Бѣловъ всталъ и принесъ изъ соседней комнаты трубку съ длиннымъ чернымъ чубукомъ.

— Спасибо, молодой человѣкъ.

Тигръ набилъ трубку и вынулъ изъ кармана зажигательное стало.

— Я васъ не обезпокою, сестрица.

— Конечно, нѣтъ, курите на здоровье.

— Питаю надежду, что и очаровательная племянница разрѣшилъ мнѣ выкуриТЬ трубочку.

— Нечего спрашивать, дядя,—весело отвѣтила дѣвушка.

— Хотя, конечно,—продолжалъ тигръ,—молодой дѣвицѣ свойственно нюхать... ахъ, извините, это слишкомъ грубо... не нюхать, а обонять, вдыхать ароматъ роы, резеды... но съ другой стороны она должна пріучаться и къ табачному дыму, ибо, вы, конечно читали: „Алина матери сказала: „мнѣ миль Альсимъ“.

— Ахъ, дядя!.. Вы всегда что нибудь такое скажете. Но причемъ-же тутъ табачный дымъ?..

— Очень ясно. Вашъ Альсимъ, конечно, будеть офицеръ, а офицеръ безъ табаку все равно, что дьяконъ безъ кадила.

Онъ навелъ фокусъ стекла на трубку и голубой дымокъ побѣжалъ изъ нея. Тигръ сильно затянулся и выпустилъ дымъ колечками.

— И какъ это время бѣжить, даже удивительно,—заговорилъ онъ,—давно-ли Константинъ Петровичъ былъ Костя, вотъ такой малюсенький.

— Да, время идетъ скоро,—согласилась Марья Степановна,—вотъ онъ уже и на службу скоро поступить.

— Въ университетъ, значитъ, не думаете?

— Нѣтъ.

— И прекрасно дѣлаете! Оно, конечно, для карьеры университетъ необходи́мъ, но за то вы тамъ душу свою погубите.. Представьте себѣ, сестрица, я встрѣтилъ на этихъ дняхъ студента, сынка Аграфены Васильевны. Она наша дальняя родственница.. Ея дѣдушка былъ троюродный племянникъ нашего дѣдушки.. или нѣть, позвольте, нашъ дѣдушка.. ну, да однимъ словомъ седьмая вода на киселѣ.. не въ томъ дѣло... Такъ вотъ сынокъ Аграфены Васильевны въ прошломъ году поступилъ въ университетъ.. Прекрасный былъ юноша и что-же бы вы думали..

Онъ наклонилъ къ сестрѣ и прошепталъ:

— Ни черта, ни Бога, говорить, нѣть.. Ей Богу!— продолжалъ онъ громко,—вольномыслie, безвѣrie со всѣми пороками клубятся въ университетѣ, какъ дымъ на пожарѣ. Да-съ!!

Онъ сдѣлалъ сердитое лицо, затянулся и выпустилъ облако дыма, какъ бы желая наглядно показать, какъ вольномыслie и безвѣrie клубятся въ университетахъ.

— Да-съ!—повторилъ онъ,—конечно, не наше дѣло разсуждать о правительствѣ, но ежели взять съ одной стороны эти проекты освобожденія крестьянъ, а съ другой университеты, то позвольте васъ спросить, что же изъ этого выйдетъ.

Марья Степановна знала, что стоитъ только подать брату реплику по этому вопросу и тогда конца не будетъ его негодованію по поводу слуховъ объ освобожденіи крестьянъ; поэтому она промолчала. А тигръ продолжалъ:

— Я такъ думаю, сестрица, что всѣ эти крестьянскіе комитеты кончатся ничѣмъ... Невозможно, чтобы такая твердыня, на которую вѣка опиралась могущественная имперія, могла быть поколеблена. Не будетъ этого! Умру помѣщикомъ!—воскликнулъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу.

Онъ прошелся по комнатѣ, потомъ сѣлъ, прибавилъ табаку въ трубку и заговорилъ покойно.

— Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ... Это именно про университеты сказано... Мнѣ это истолковалъ отецъ Акиндинъ, протоіерей Мироносицкой церкви. И это вѣрно... А потому ваше намѣреніе, Константинъ Петровичъ, не поступать въ университетъ заслуживаетъ всяческой похвалы и уваженія. Поучились семь лѣтъ, медальку получили, чего-же еще?.. Пора и на службу царю и отечеству...

— Арсеній Ивановичъ обѣщалъ опредѣлить его въ казенную палату,—сказала Марія Степановна.

Глаза тигра широко раскрылись. Онъ вскочилъ и трагически воскликнулъ:

— Сохрани Господи!..

Нѣсколько секундъ продолжалась эффектная пауза, потомъ тигръ заговорилъ, точно крупный дождь забаранилъ по желѣзной крышѣ.

— Въ казенную палату!.. Въ стрекулисты!.. Столбовой дворянинъ, сынъ капитана заткнетъ перо за ухо... запачкаетъ пальцы чернилами, сядеть рядомъ съ какой нибудь приказной крысой, отъ которой воняетъ архивной пылью... Сынъ капитана будетъ штафиркой. Да, ей Богу-же, пусть онъ лучшіе пареную грушу продаетъ!

Настя едва удержалась отъ смѣха и стала смотрѣть въ окно, чтобы дядя не обидѣлся.

— И вы сестрица на это согласны!—воскликнулъ онъ съ негодованіемъ

— Какъ Костя захочетъ, такъ и сдѣлаетъ, онъ ужъ не ребенокъ.

— Помилуйте!.

Опять посыпались презрительныя словечки: штафирки, стрюцкіе, стрекулисты. Громкая солдатская пѣсня остановила этотъ градъ.

Рота возвращалась съ парада.. Козыремъ выступалъ молодой ротный командиръ, гордо поглядывая въ окна домовъ, на барышенъ. Рота пѣла „Фонарики“.

— Вотъ это истинную правду поюты!—заговорилъ тигръ, — какъ разъ про то, что я сказалъ... Прислушайтесь, Константинъ Петровичъ...

Отбивая рукой тактъ пѣсни, тигръ сталь басомъ подиѣвать солдатскому хору:

„Приказное твореніе,
Чернильная душа,
Въ чернилахъ все имѣніе,
А денегъ ни гроша...“

Онъ притопнулъ и съ особенной экспрессіей, отчеканивая каждое слово, повторилъ:

„Въ чернилахъ все имѣніе,
А денегъ ни гроша...“

— Какая дурная пѣсня,—замѣтилъ Бѣловъ,—зачѣмъ эти обидныя выраженія... Чиновникъ такой-же человѣкъ, какъ и офицеръ...

— Извините!—воскликнулъ тигръ, — совсѣмъ не такой... Порода разная... Орелъ, напримѣръ, парящій надъ сиѣжными вершинами, или мокрая курица съ поджатымъ хвостомъ подъ заборомъ... Развѣ это одно и тоже?.. Левъ, потрясающій воздухъ пустыни благородныи ревомъ, или какой-нибудь поросенокъ, котораго тащутъ, чтобы приколоть...

Онъ такъ смѣшно представилъ, какъ визжить поросенокъ, что всѣ засмѣялись, потомъ затянулся и выпустилъ три кольца дыма.

— Военная служба хорошая,—сказала Марья Степановна,—но она не для Кости, у него слабое здоровье.

— А вы знаете, что съ нимъ будетъ въ казенной палатѣ?—зловѣщимъ голосомъ спросилъ тигръ и сѣ-

жалъ страшное лицо,— черезъ полгода онъ получитъ галопирующую чахотку.

— Сохрани Богъ,— испуганно прошептала Марья Степановна.

— Да-съ!.. Галопирующую чахотку,— повторилъ тигръ,— знаете-ли вы, что это такое? Въ три мѣсяца и нѣть человѣка... Это разъ... А; во-вторыхъ, знаете-ли вы, сестрица, что дѣлается съ позвоночникомъ у всѣхъ этихъ стрекулистовъ?

— Не знаю.

— То-то вотъ и есть. Спина у нихъ выгибается, оттого они и держаться прямо не могутъ... Черезъ нѣсколько лѣтъ параличъ и кондравка. Спросите доктора, коли не вѣрите... Знаете, сестрица, что опредѣлить его въ казенную палату все-равно, что уложить въ могилу.

— Я ни къ чему не принуждаю Костю, я ему и не совѣтовала ничего, какъ самъ знаетъ.

— А на счетъ военной стужбы я вамъ вотъ что скажу,—горячился тигръ,— военная служба отъ всѣхъ болѣзней вылечиваетъ... Ей-Богу! У нась въ полку былъ юнкеръ... замухрышка, желтый какъ лимонъ, кашляетъ, сморкается, сапитъ... взглянуть на него совсѣстно... плюгавый... И что-же вы думали? Послѣ первого лагерного сбора такимъ здоровякомъ сталъ, такимъ молодцомъ, что въ него сразу три барышни влопались. Помилуйте... Ученье на чистомъ воздухѣ, гимнастика, сонъ въ падаткѣ... мускулы стальными дѣлаются, легкіе работаютъ, какъ кузнечный мѣхъ. Спина, какъ тополь, грудь колесомъ... Лицо загорѣлое, мужественное, глаза съ огнемъ. Да что говорить, военная служба это одинъ восторгъ!..

Лицо тигра оживилось отъ воспоминаній. Онъ поставилъ трубку въ уголъ и продолжалъ бравурнымъ тономъ.

— Вы только вообразите, Константинъ Петровичъ!.

Утро.. рано ранехонько.. роса еще на травѣ.. А полкъ ужъ выстроился развернутымъ фронтомъ и ждетъ командира.. Вотъ онъ подъѣзжаетъ на бѣломъ конѣ.. Молодчина.. усы какъ рога у буйвола.. глядить юпитеромъ.. Полкъ не шелохнется, не дышетъ.. и вдругъ точно громъ: „здравія желаемъ ваше во-во-во“...

Настя опять высунулась въ окно, чтобы скрыть свой смѣхъ.

Тигръ ничего не замѣчалъ, увлекаясь воспоминаниями.

— Начинается ученье.. Живая громада движется, какъ одинъ человѣкъ.. чувствуешь въ себѣ силу этой громады... духъ захватываетъ..

Сторонитесь, штафирки, рраздавимъ! „Колонна храбрая впередъ, равненіе направо-о!“

Онъ сдѣлалъ жѣсть, какъ будто взмахнулъ саблей, и, выпятивъ грудь, прошелъ по комнатѣ, потомъ скомандовалъ: „кругомъ“ и молодцовоато повернулся..

— Вспомниль — весело стало,—заключилъ онъ свое военное упражненіе и сѣлъ.

— А потомъ я еще вотъ что скажу вамъ, дорогой племянничекъ..

— Время къ тому идеть, что начнете вы заглядываться въ какіе нибудь глазки голубые, очи огневыя..

— Зачѣмъ, братецъ, объ этомъ говорить,—сказала Марья Степановна...

— Что-же тутъ предосудительного... Константина Петровичу восемнадцать лѣтъ... совершенно естественно, что онъ скоро влюбится.

— Никогда этого не будетъ,—сказалъ Бѣловъ и покраснѣлъ.

— Такъ я вамъ и повѣрю... Ха-ха-ха! Не уйдете отъ этой грозы... „Безумно жаждать твоей встрѣчи“,—запѣлъ онъ вдругъ съ такой уморительной экспрессіей,

что Настя не выдержала и расхохоталась, а возвращавшаяся съ базара баба, обвѣшанная лукошками, покрасневшими отъ бывшей въ ней малины, остановилась и съ любопытствомъ прислушивалась.

— И вотъ представьте себѣ, дорогой племянничекъ, что вы волей-неволей влюбились и идете къ ней... Какъ вы полагаете, все-ли равно идти къ ней въ сюртукъ или въ мундирѣ, въ глупомъ цилиндрѣ или въ киверѣ съ гербомъ и султаномъ, съ перомъ за ухомъ или съ саблей при портупеѣ? Большая разница... Офицеръ „пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ“, а стрекулиstu въ цилиндрѣ, извините за выраженіе, кукишъ... Ей-Богу, Константинъ Петровичъ, поступайте въ военную службу... Благородное, рыцарское дѣло!.. А еще и то примите въ разсчетъ... Сколько вы будете получать въ палатѣ?.. Больше пятнадцати рублей вамъ на первыхъ порахъ не дадутъ... переписчикомъ прокорпите нѣсколько лѣтъ или какимъ-нибудь регистраторомъ, рапортистомъ, протоколистомъ... (Онъ презрительно подчеркивалъ эти слова). А въ военной службѣ вы сразу будете получать больше тридцати рублей... А тамъ съ каждымъ чиномъ прибавка... Ротой будете командовать... столовыя, фуражныя... Ей-Богу, поступайте въ военную службу, — повторилъ онъ и взглянулъ на часы.

— Ого!.. Заболтался я у васъ... Пора и домой... прощайте, сестрица! Прощаите, очаровательная племянница!.. Честь имъю кланяться, господинъ офицеръ.

Онъ щелкнулъ каблуками, поклонился по военному и ушелъ.

— Ахъ, какъ онъ смѣшилъ,—сказала Настя, когда дверь за нимъ затворилась.

Бѣловъ ничего не сказалъ, но на другой день утромъ онъ куда-то ушелъ и вернулся къ обѣду очень веселый.

— Мамочка,—сказалъ онъ,—я скоро буду получать
болѣе тридцати рублей въ мѣсяцъ.

— Арсеній Ивановичъ устроилъ тебя въ палатѣ?

— Нѣтъ, я поступаю въ здѣшній полкъ... Я уже
подалъ прошеніе.

— Ну, что-же, я очень рада, если ты такъ рѣшилъ.

— Ты будешь офицеромъ!.. Ахъ, какъ это хорошо!..
— закричала Настя.

Вошла Сергеевна накрывать на столъ. Ей въ два
голоса сообщили новость.

Она улыбнулась, взглянула на своего любимца и
сказала:

— Слава тебѣ, Господи!

Хвачовичъ.

ЮНОМУ ПОЭТУ.

Твоимъ стихамъ, о, юный мой поэтъ,
Всегда восторженно я внемлю!...
И лишь прошу... храни одинъ завѣтъ:
Не зарывай таланта въ землю.

Людскимъ кумирамъ и земнымъ богамъ
Не продавай ты вдохновенья,
Лишь къ вѣчной красотѣ и къ небесамъ
Направь души своей стремленья.

Враждѣ хвалебнымъ гимномъ не кади
И не зови на битву съ ложью...
Стихомъ въ сердцахъ заблудшихъ пробуди
Любовь, добро и правду Божью.

Онѣ укажутъ людямъ свѣтъ зари
И тихій миръ даруютъ миру,
А ты... вражды оружья не бери,
Когда въ рукахъ имѣешь лиру.

Она—оружье мирное любви,—
Слагая за враговъ молитву
И не купая струнъ своихъ въ крови,
Всегда побѣдой кончитъ битву.

Отъ зла святую лиру сохранивъ
И жизни совершивъ дорогу,
Поэты!.. отрадныхъ думъ и чувствъ прилившъ^ь
Ты вознесешь смиренно къ Богу.

Какъ рабъ, который много возвратилъ
Монетъ, принявъ одну монету,
Ты скажешь: „душу я не хоронилъ,
Она стихомъ неслась по свѣту...“

„Творецъ!.. Ты въ душу мнѣ талантъ вдохнулъ,
И къ той душѣ я пріобщаю
И души тѣхъ, кого мой стихъ вернулъ
Отъ зла къ добру, отъ ада къ раю“.

П. Опочининъ.

ПОЛОСА ЗЕМЛИ.

СОЧИНЕНИЕ РАФФИ.

Переводъ съ армянского.

На крутой равнинѣ, где разбросано было множество деревень, гордо возвышался посреди прекрасного зеленаго лѣса великолѣпный замокъ, своими минаретами, зубчатыми стѣнами и башнями говорившій о рыцарской славѣ живущаго тамъ князя.

Этотъ замокъ, со своими мраморными фонтанами, окнами изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, аллеями, окруженными вѣчно цвѣтущими кустами, вполнѣ отвѣчалъ персидской утонченной роскоши.

Замокъ принадлежалъ сыну владѣтельного хана, Ризабеку, который послѣ смерти своего отца унаслѣдовалъ всѣ его богатыя имѣнія. Женщины и девушки ближайшей армянской деревни толпою приходили съ ранняго утра работать въ садахъ замка; молодой князь часто присутствовалъ при этомъ, развлекаясь бесѣдою и шутками.

Однажды утромъ, когда работали женщины, по

обыкновенію появился Риза-бекъ. Гуляя по аллеямъ, онъ приблизился къ куртинѣ, гдѣ одиноко работала моло-денькая женщина.

— Кто твой мужъ?—спросилъ ласково бекъ.

— Вашъ слуга Мартироſь,—отвѣчала она, покрас-нѣвъ.

— Отчего ты такъ плохо одѣта?

— Таковъ костюмъ бѣдняка, господинъ мой.

— Вотъ тебѣ деньги, купи себѣ новыя платья!—сказалъ бекъ, подавая ей нѣсколько золотыхъ монетъ.

Соня, такъ звали женщину, растерялась.

— Возьми-же!—повторилъ бекъ.

— На что мнѣ, господинъ мой, новое платье; вѣдь я изо дня въ день живу черною работою,—отвѣчала Соня.

— Если хочешь, я прикажу освободить тебя отъ работы и будешь ты жить, какъ госпожа?

— Я не могу не помогать своему мужу.

— И отъ этого избавлю тебя!

Она молчала.

— Не возьмешь этого золота?

— Нѣть, не могу!

— Почему?

— Такъ, не могу...

* * *

Соня и мужъ ея Мартироſь были бѣдные кресть-яне. Все ихъ богатство заключалось въ парѣ козъ, мо-локомъ которыхъ питались они, въ прялкѣ, на которой Соня вытягивала шерстяныя нити для продажи, и за-ступа, съ которымъ каждое утро Мартироſь отправлял-ся на деревенскую площадь и стоялъ тамъ съ поник-шей головой, ожидая, пока кто-нибудь изъ болѣе бога-

тыхъ сосѣдей найметь его за нѣсколько абасовъ *) работать на своихъ поляхъ. Несмотря на такую тяжелую жизнь, они были счастливы тѣмъ, что могли пользоваться спокойнымъ сномъ въ своей убогой хатѣ. Но и это счастье рѣдко давалось имъ.

Однажды Мартироса позвали къ молодому Риза-беку. Подходя къ замку, бѣдный крестьянинъ замиралъ отъ страха, но увидѣвъ веселое лицо бека, немного успокоился и поклонился ему до самой земли.

— Чѣмъ ты занимаешься, Мартиросъ?—спросилъ привѣтливо Риза-бекъ.

— Какое-же занятіе у бѣдняка, господинъ мой, сегодняшній заработка съѣдаю завтра,—отвѣчалъ крестьянинъ, опять низко кланяясь.

— Ты сильный и здоровый мужчина, Мартиросъ! ты можешь имѣть свой плугъ и свою полосу земли, гдѣ и будешь работать!

Не переставая кланяться, Мартиросъ отвѣтилъ:

— Милый ага**), гдѣ мнѣ, бѣдному человѣку, взять все это?

— Глупецъ!—гордо перебилъ его бекъ,—кто-же изъ подвластныхъ мнѣ армянъ богатъ? Но я даю имъ землю, отпускаю сѣмена и все, что нужно земледѣльцу, этимъ они живутъ!

— Вы всегда милостивы къ своимъ слугамъ, господинъ мой!

— Поэтому я и позвалъ тебя. Я знаю, что ты хороший работникъ и не хочу, чтобы ты жилъ бѣдно; иди къ старостѣ, онъ по моему приказанію выдастъ тебѣ все нужное

— Дай Богъ тебѣ долгую жизнь, ага, пусть Гос-

*) Абасъ=20 коп.

**) Ага—господинъ.

подъ отниметъ часть моей жизни и прибавить къ твоей.

* * *

Было начало весны. Пѣснь Мартироса уже раздавалась въ полѣ, гдѣ онъ пахалъ свою полосу. Черезъ нѣсколько недѣль пашня его зазеленѣла, съ каждымъ днемъ подростали тонкіе стебельки, но вмѣстѣ съ этимъ незамѣтно росли и проценты на его вексель, данный сыну хана.

Прошло лѣто, наступила осень. Мартироſъ сжаль свой хлѣбъ, смолотилъ, и уже чистое зерно лежало на гумнѣ. Онъ радостно смотрѣлъ на плоды своихъ трудовъ, забывъ, что все это не принадлежитъ ему.

Но вотъ пришелъ управляющій бека, вымѣрилъ зерно, десятую часть взялъ какъ плату за землю, часть вмѣсто налога, еще часть взялъ взамѣнъ даннаго сѣмени и часть взамѣнъ процентовъ; такимъ образомъ на гумнѣ остался только саманъ и столько зерна, что его не хватило бы даже на зимнее пропитаніе. Бѣдный крестьянинъ вернулся домой совсѣмъ печальный.

— Что съ тобой?—спросила жена.

— Такъ, не въ духѣ...—отвѣчалъ Мартироſъ.

— Скажи, что случилось? боленъ, что-ли?

— Эхъ, что разсказывать, весь годъ работалъ, измучился, въ концѣ концовъ опять остался съ пустыми руками!

И Мартироſъ рассказалъ своей женѣ, какъ его ограбили.

— По крайней мѣрѣ съ долгомъ-то расплатился?—спросила жена.

— Долгъ остался въ томъ-же видѣ, въ какомъ и былъ,—отвѣчалъ, глубоко вздохнувъ, Мартироſъ.

— Что-же теперь будешь дѣлать?
— Посмотримъ, можетъ быть въ будущемъ году, дасть Богъ, заработка и отданъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. За деревней, прижавъ къ груди ребенка, стояла Соня. Она со слезами на глазахъ провожала своего мужа въ чужія страны.

— Пойду, Соня, буду таскаться изъ края въ край, постараюсь заработать денегъ, избавлю тебя и ребенка отъ рабства у кредитора,—сказалъ несчастный крестьянинъ и, поцѣловавъ въ послѣдній разъ своего сына и жену, пустился въ путь.

* * *

Была темная ночь. Соня одиноко и печально сидѣла въ своей хатѣ и нетерпѣливо ожидала своего брата, Казара, который приходилъ на ночь къ сестрѣ, чтобы не оставлять ее одну.

— Ахъ, что-же это онъ не идетъ? Никогда онъ такъ не опаздывалъ!..—подумала она.

Въ то же время близъ хаты послышались незнакомые голоса:

— Джабаръ!—прошепталъ одинъ изъ нихъ,—ты знаешь по-армянски; подойди, постучи въ дверь и прикинься Казаромъ, котораго сейчасъ мыбросили въ оврагъ.

— А вы, Аббасъ и Насиръ,—сказалъ тотъ-же голосъ,—стерегите у двери: если кто-нибудь придетъ, уложите его вашими кинжалами.

Джабаръ приблизился къ двери и постучалъ.

При этомъ стукъ Соня вздрогнула.

— Кто тамъ?—спросила она.

— Это я!—послышался голосъ Казара.

Соня поспѣшно отворила дверь, но въ ужасѣ отскоч-

чила: передъ ней стоялъ человѣкъ, закутанный съ ногъ до головы въ черное.

Онъ быстро вошелъ въ хату и сбросилъ свое покрывало. Соня тотчасъ узнала въ немъ Риза-бека.

— Я надѣюсь, что ты будешь настолько добра, Соня, что примешь хорошо своего ночного посѣтителя.

Соня, хотя дрожала отъ ужаса, но собравъ всѣ свои силы, отвѣчала:

— Что вамъ надо въ такой поздній часъ и въ хижинѣ одинокой женщины?

Юноша подошелъ къ ней ближе.

— Любовь меня привела сюда, Соня! ты знаешь что такое любовь?

— Любовь! — повторила она твердо, — любовь привела тебя въ хижину той женщины, которая ненавидитъ тебя!

— Ты... меня... ненавидишь?.. Но почему?

— Причинъ много!... ты обманулъ моего мужа и подвелъ его подъ гнетъ долговъ, ты заставилъ его покинуть свою семью въ нищетѣ и отправиться въ чужие края.

— Но вѣдь все это я сдѣлалъ изъ любви къ тебѣ, я нарочно постарался удалить его.

— Удалить того, кого я никогда не могу забыть?

Юноша не любилъ медлить, онъ подошелъ и грубо обнялъ свою жертву. Но она съ необычайною ловкостью выхватила изъ за пояса бека кинжалъ и вонзила ему въ грудь. Онъ свалился на землю, даже не вскрикнувъ. Соня поспѣшно схватила изъ колыбели своего ребенка, выбѣжала въ другую дверь хаты и съ быстротою скрылась въ ночной тьмѣ.

* * *

По дну узкаго оврага бѣжала женщина, направляясь къ сосѣдней деревнѣ. Мальчуганъ, котораго она прижимала къ груди, жалобно пищалъ.

Она замѣтила на склонѣ сосѣдней горы огонекъ и направилась туда.

— Наконецъ-то дошла!—сказала она, переводя духъ, и постучалась въ дверь одной изъ хижинъ. Дверь отворилась, на порогѣ показался со свѣтильникомъ въ руки старецъ и при видѣ неожиданной гостьи въ ужасѣ воскликнулъ:

— Ай, Соня, это ты?...

— Я,—отвѣчала Соня и вошла.

Старецъ былъ ея отецъ. Черезъ нѣсколько минутъ все семейство проснулось и окружило Соню, чтобы узнать причину такого неожиданного прихода ея.

— На тебѣ слѣды крови! — воскликнулъ въ ужасѣ отецъ.

— Я убила бека!—сказала Соня..

При этихъ словахъ двери хижины раскрылись и появилась толпа ханскихъ слугъ.

— Мы погибли!—воскликнулъ несчастный старецъ.

М. Г.-Д.

ВОДОПАДЪ*.

(Продолжение).

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТИХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

IV.

Въ Тифлисѣ, въ домѣ генерала Владимира Павловича Полтавина, за чайнымъ столомъ, въ ярко освѣщенной, но просто, безъ роскоши, обставленной столовой собралось небольшое общество наиболѣе близкихъ родныхъ и друзей этого старого кавказскаго ветерана.

Самъ хозяинъ дома въ длинномъ, поношенномъ генеральскомъ сюртукѣ сидѣлъ во главѣ стола и, положивъ обѣ руки на чистую бѣлоснѣжную скатерть, тихо барабанилъ пальцами по столу какой-то очень равномѣрный, быстрый и веселый тактъ. Это былъ коренастый и здоровый старикъ лѣтъ подъ 70 съ совершенно бѣлыми, но густыми, коротко остриженными волосами на головѣ и съ такою-же бородою вокругъ загорѣлаго и

---

* См. „Кавк. Вѣстн.“, № 2.

морщнистаго, но живого и энергичнаго лица съ большими, бойкими темносѣрыми глазами.

У другого конца стола, гдѣ стоялъ возлѣ на табуретѣ громадный, высокій и старомодный, но ярко вычищенный мѣдный самоваръ, разливала чай младшая дочь Полтавина Тамара, миловидная маленькаго роста брюнетка съ такими-же, какъ и у отца, бойкими и веселыми глазами. У самой середины стола сидѣла ея мать Софья Луарсабовна Полтавина, принадлежавшая къ старинному грузинскому роду князей Гумбатіонъ-Георгіяни, женщина лѣтъ пятидесяти, но еще красивая и стройная, изящно одѣтая, съ большими, совершенно черными, по-модному причесанными волосами. Противъ нее помѣстилась старшая сестра ея княгиня Кетевана Луарсабовна Руиспирова, тоже хорошо сохранившаяся, но значительно болѣе старая женщина въ грузинскомъ национальномъ костюмѣ съ большимъ желтоватаго отблеска брильянтомъ на темнозеленомъ атласномъ тавсакрави *). Рядомъ съ ней сидѣлъ мужъ ея, высокій, стройный старикъ съ длинными, густыми сѣдыми усами подъ большимъ горбатымъ носомъ, одѣтый также въ грузинскій национальный костюмъ, князь Захарій Кайхосровичъ Руиспировъ, или по-просту, какъ всѣ его звали, князь Шакро. По другую сторону княгини Руиспировой сидѣла двоюродная сестра ея, совершенно сѣдая, но еще красивая, румяная и нарядная барыня, Нина Багратовна Лубанова, урожденная княжна Ксанидзѣ, предсѣдательница общества распространенія полезныхъ знаній среди грузинъ и извѣстная въ Тифлисѣ энергичная устроительница всевозможныхъ баловъ, спектаклей и живыхъ картинъ. Мужъ ея инженеръ путей сообщенія тайный совѣтникъ Василій Васильевичъ Лубановъ, извѣстный талантливый строитель многихъ кавказскихъ дорогъ, всю

*) „Тавсакрави“—одна изъ принадлежностей грузинскаго женскаго головного убора, а именно: особаго рода цвѣтная лента, окаймляющая верхнюю часть лба.

свою жизнь прослужившій на Кавказѣ, былъ также однімъ изъ самыхъ популярныхъ людей въ Тифлісѣ. Маленький, довольно полный, съденькій старичокъ съ оживленными, быстро бѣгающими изъ стороны въ сторону карими глазами онъ сидѣлъ тутъ-же, за этимъ родственнымъ столомъ, гдѣ всѣмъ имъ было такъ тепло и уютно. Лубановъ, безостановочно шевелясь, ерзая на стулѣ, посмѣиваясь и прихлебывая свой чай, сидѣлъ возлѣ хозяйки дома, а съ другой ея стороны пускалъ громадные клубы дыма, куря толстую папиросу, товарищъ Лубанова и одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей дома Полтавиныхъ, тоже старый и заслуженный кавказскій инженеръ, по національности полякъ, Станиславъ Казимировичъ Юшкевичъ. Это былъ плотный, средняго роста, красивый старикъ съ густою сѣдою бородою, загорѣлымъ лицомъ и умными глубокими темными глазами. Оба они, и Лубановъ, и Юшкевичъ, еще безусыми молодыми людьми прямо со студенческой скамьи прѣѣхали на Кавказъ, тогда еще полутикій и „погибельный“, и сдѣлались главнѣйшими пionерами дорожного и вообще инженернаго дѣла на этой окраинѣ, полюбивъ ее какъ свою вторую родину. Лубановъ былъ одновременно и опытный практикъ, и ученый кабинетный инженеръ, извѣстный въ литературѣ своими научными трудами по техникѣ и кавказовѣдѣнію. Неоднократно онъ командировался кавказскими намѣстниками за границу для изученія дорожного и строительного дѣла въ культурныхъ странахъ Европы и для совмѣстныхъ работъ съ лучшими европейскими инженерами. И много въ теченіе своей плодовитой и неутомимой дѣятельности на Кавказѣ онъ провелъ образцовыхъ шоссейныхъ дорогъ

Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы,
Да цари орлы,

до того знаменательного времени, когда ему же выпало на долю производить первыя изысканія по проведенію

на Кавказъ желѣзныхъ путей и стать руководителемъ постройки первой кавказской желѣзной дороги. Юшкевичъ, наоборотъ, былъ лѣнивъ на кабинетную работу. Остроумный, веселый, почти до нахальства смѣлый и неустрашимый, склонный къ кутежамъ, онъ любилъ общество и безшабашную, боевую, походную жизнь старого Кавказа. Всю свою молодость Юшкевичъ посвятилъ проведенію подъ мѣткими пулями непокорныхъ кавказскихъ горцевъ временныхъ дорогъ и тропинокъ, по которымъ черезъ горные лабиринты неутомимыя русскія войска проникали въ недоступныя гнѣзда своего фанатичнаго и дикаго непрѣятеля. Не довольствуясь этимъ, онъ въ качествѣ любителя всегда участвовалъ въ набѣгахъ и перестрѣлкахъ, въ опасныхъ рекогносцировкахъ и въ кровопролитныхъ схваткахъ рядомъ съ другими боевыми героями кавказской войны не разъ мчался подъ градомъ пуль на шальномъ конѣ съ винтовкой въ рукахъ, съ громадной папахой на головѣ и съ косматой буркой на плечахъ. Никогда не терявший своего остроумія и своей веселости, Юшкевичъ былъ душою тѣхъ дружескихъ бесѣдъ, которыя вели между собою эти неустрашимые воины послѣ какой-нибудь жаркой схватки, расположившись вокругъ пылающаго костра на какой-нибудь пустынной вершинѣ Дагестана и согрѣвая себя пуншемъ и глинтвейномъ. Онъ былъ всегда желаннымъ дамскимъ кавалеромъ на импровизированныхъ балахъ во временныхъ штабъ-квартирахъ, куда прямо изъ-подъ пуль собирались беззаботно танцевать и веселиться закаленные въ бояхъ воины, проявляя ту обостренную жизнерадостность, которая только и возможна въ людяхъ, не знающихъ будуть-ли они завтра пользоваться благами жизни и здоровья. Сколько разъ этимъ самымъ кавказскимъ дамамъ того времени приходилось сегодня видеть смертельно раненымъ на носилкахъ того, кто еще вчера такъ весело танцевалъ и такъ беззаботно объяснялся въ любви.

Давно уже потухли эти костры, давно уже смолкли послѣдніе залпы кавказской войны, давно уже отошли въ область преданія эти беззаботно веселыя пляски въ пороховомъ дыму. Многіе и очень многіе изъ доблестныхъ героевъ того времени уже лежали въ забытыхъ могилахъ, другіе тихо доживали свой вѣкъ на покой въ Тифлисѣ и въ другихъ губернскихъ городахъ Кавказа, съ мирнымъ добродушіемъ грѣясь въ ласковыхъ лучахъ столь любимаго ими южнаго солнца и любуясь жемчужнымъ силуэтомъ ими покоренныхъ снѣжныхъ вершинъ, заботливо окаймляющихъ вѣчно ясную лазурь родного неба. Наконецъ, третыи изъ боевыхъ генераловъ и офицеровъ сумѣли быстро преобразиться въ мудрыхъ и дальнихъ администраторовъ, умѣлою рукою осторожно и бережно насаждая первые зачатки европейской культуры въ покоренныхъ районахъ и прочно въ нихъ укрепля мощные устои русскаго государственного строя. И съ какою отцовскою и братскою любовью эти старые кавказскіе герои, и въ качествѣ административныхъ дѣятелей, и въ качествѣ простыхъ обывателей, относились къ покореннымъ народностямъ, къ этимъ вчерашнимъ врагамъ своимъ, къ ихъ вѣрованіямъ, обычаямъ и преданіямъ!.. Сколько изъ среды этихъ самыхъ народностей они нашли себѣ умныхъ сотрудниковъ и преданныхъ друзей и какъ скоро, благодаря такому сердечному отношенію побѣдителей къ побѣженнымъ, эти дикия племена поняли, что не къ ихъ горю, а къ ихъ счастью измѣнило имъ оружіе, что не къ рабству и не подъ ярмо, а, наоборотъ, къ возможности мирно и свободно развивать свои нравственные національныя силы и свое материальное благосостояніе привели ихъ тѣ узы, которыми они навѣкъ сочетались съ настолько-же могучимъ, насколько и любвеобильнымъ русскимъ племенемъ! Старые боевые қавказцы, всѣ, отъ генераловъ и до солдатъ, безъ различія національностей стихийно и инстинктивно понимали, что цѣль и задача кав-

казской войны вовсе не побѣда сильнаго надъ слабымъ ради эгоистическихъ и материальныхъ интересовъ, а побѣда просвѣщенія и прогресса надъ невѣжествомъ и косностью ради великой цѣли пріобщенія еще дикихъ племенъ къ общеевропейской гуманной культурѣ. Вотъ почему такъ легко обратились по окончаніи войны боевые генералы въ мудрыхъ администраторовъ, неустранимые офицеры въ заботливыхъ чиновниковъ и храбрые солдаты въ мирныхъ хлѣбопашцевъ, которые основали села рядомъ съ покоренными аулами и сдѣлались добрыми сосѣдями своихъ вчерашнихъ враговъ. Вотъ почему заслуженные қавказскіе старики въ послѣднюю эпоху не враждебно, а съ сердечными симпатіями относились къ великому дѣлу примѣненія къ Кавказскому краю главнѣйшихъ реформъ Императора Александра II. Это-то и было началомъ достиженія той завѣтной мечты, той святой цѣли, которая одушевляла ихъ въ военное время и ради которой они окропляли своею кровью будущія роскошныя нивы и пастища.

Къ такимъ именно старымъ боевымъ қавказцамъ, всѣми силами честныхъ душъ своихъ любившимъ Кавказъ и принимавшимъ близко къ сердцу всѣ его интересы, принадлежалъ и самъ генералъ Полтавинъ и тѣ четверо его товарищѣ генераловъ, которые рядомъ съ нимъ сидѣли за чайнымъ столомъ.

Это были: во-первыхъ, извѣстный своими блестящими побѣдами герой, армянинъ по національности, генераль-отъ-инфanterіи князь Григорій Аветовичъ Сусановъ, рослый мужчина съ очень смуглымъ лицомъ, чрезвычайно длиннымъ носомъ, узенькимъ лбомъ и густыми коротко остриженными совершенно черными волосами. По наружности у него былъ видъ очень свирѣпый и тупой, напоминавшій обликъ хищной птицы, но на самомъ дѣлѣ это былъ человѣкъ, хотя вспыльчивый, упрямый и очень мало образованный, но въ сущности добродушный и не лишенный мѣткаго природнаго ума

и свойственной армянамъ хитрости. Всѣмъ извѣстною его отличительною чертою была по-истинѣ изумительная молчаливость. Онъ могъ по нѣсколько часовъ ни-чѣмъ другимъ не проявлять своего участія въ общей бесѣдѣ, какъ только тѣмъ, что когда кто-нибудь скажетъ что-нибудь смѣшное, онъ вдругъ фыркаль на низкой басовой нотѣ, но уже черезъ секунду лицо его опять принимало обычное, неподвижно свирѣпое и тупое выраженіе. О лақоничности военныхъ распоряженій князя Сусанова сохранилось нѣсколько анекдотовъ, которые онъ слушалъ съ видимымъ удовольствіемъ, когда кто-нибудь ихъ при немъ разсказывалъ. Во-вторыхъ, своякъ Полтавина, мужъ умершей сестры Софы Луарсабовны, генераль-лейтенантъ Константинъ Кузьмичъ Касьяновъ, по образованію артиллеристъ, человѣкъ начитанный, умный и либеральный. Онъ разновременно занималъ на Кавказѣ отвѣтственные административные должности, но, какъ дѣятель слишкомъ ужъ самосто-ятельный, увлекающійся и неуживчивый, въ концѣ-концовъ, несмотря на свои несомнѣнныя служебныя заслу-ги, остался не у дѣлъ. Въ-третьихъ, генераль-лейтенантъ Исаакъ Амбарцумовичъ Теръ-Варшапетовъ, продолжав-шій еще командовать дивизіей, хорошо сохранившійся старикъ съ красивымъ армянскимъ лицомъ, ровный, спо-койный и что называется себѣ на умѣ и, наконецъ, въ-четвертыхъ, генераль-маиръ князь Илья Ивановичъ Джавріевъ, безшабашный грузинъ, весельчакъ и кутила, облысѣвшій и весь красный отъ неумѣренного упо-требленія вина. Добродушный князь Илико, какъ его почти всѣ звали въ Тифлісѣ, былъ общимъ любимцемъ, благодаря чему онъ продолжалъ жить въ свое удо-вольствіе, несмотря на то, что давно уже прокутилъ всѣ свои наслѣдственные имѣнія и былъ долженъ мѣст-нымъ купцамъ-армянамъ нѣсколько сотъ тысячъ руб-лей. Эти кредиторы-купцы были также его самыми близ-кими пріятелями и по старой привычкѣ продолжали его

ссужать деньгами, несмотря на то, что онъ давно ужъ пересталъ имъ платить даже и тѣ лихвенные процен-ты, которыми они его въ свое время, дѣйствительно, разорили, не говоря уже о капитальныхъ суммахъ дол-га, для возврата которыхъ у князя уже рѣшительно не оставалось никакихъ ресурсовъ. Съ другой стороны его дружескимъ отношеніямъ съ армянами-кредиторами нисколько не мѣшало также и то, что онъ ихъ со свой-ственнымъ ему добродушiemъ громко и прямо въ лицо банилъ, приписывая имъ свое разореніе и называя ихъ „армяшками“ и ростовщицами. Тѣмъ не менѣе онъ все-таки былъ со всѣми съ ними на ты и очень любилъ проводить время въ ихъ компаніи и вмѣстѣ съ ними кутить въ тифлисскихъ садахъ. Они при этомъ всегда охотно за него платили и не иначе его называли какъ „нашъ князь“. Въ концѣ концовъ, если только не счи-тать его векселей на громадныя суммы, которые онъ подписывалъ не читая и которые въ сущности не стои-ли ни единой копѣйки, то едва-ли даже при самыхъ слож-ныхъ бухгалтерскихъ расчетахъ можно было бы разрѣ-шить вопросъ, кто съ кого больше перебралъ денегъ: князь Илико со своихъ кредиторовъ, или-же эти послѣд-ние съ него? По всей вѣроятности дѣло въ итогѣ све-лось, что называется, на квитъ, такъ какъ векселя уже окончательно потеряли значеніе долговыхъ обязательствъ и сохранились друзьями-кредиторами исключительно лишь въ качествѣ пріятныхъ сувенировъ о дорогомъ со-бутыльнике. О боевыхъ подвигахъ князя Илико, дока-зывающихъ его до глупости доходящую храбрость, со-хранились разсказы какого-то чисто легендарного хара-ктера. Въ одномъ изъ наиболѣе жаркихъ сраженій, гдѣ князь Джавріевъ, какъ и всегда, неизвѣстно для чего скакалъ впереди всѣхъ, онъ получилъ тяжкую рану въ ногу, послѣдствиемъ чего была ампутація этой ноги. Ему придѣлали весьма неискусно деревянную ногу, на кото-рой онъ съ трудомъ передвигался при помощи косты-

ля. Этимъ печальнымъ эпизодомъ, который, впрочемъ, никакъ не повліялъ на его неизмѣнную беззаботную веселость, была, разумѣется, исчерпана его военная карьера, послѣ чего, числясь по кавказскимъ войскамъ и получая весьма приличное отъ казны содержаніе за прежнія заслуги, онъ исключительно предался праздности и кутежамъ.

Сидѣлъ за чайнымъ столомъ и еще одинъ генераль, отставной, по національности татаринъ, Ибрагимъ-бекъ-Таштемурбековъ. Онъ началъ свою карьеру въ качествѣ переводчика по вольному найму при начальникѣ одного изъ отрядовъ. За храбрость и за оказанныя услуги онъ былъ произведенъ въ офицеры, но тѣмъ не менѣе и далѣе, лишь числясь въ строю и получая чины и ордена, онъ по прежнему продолжалъ исполнять главнымъ образомъ обязанности переводчика. Но кромѣ того, на него часто возлагались и совсѣмъ особыя порученія по хозяйственной и по дипломатической части, порученія иногда весьма серіозныя и рискованныя. Генералы привыкли къ нему относиться съ полнымъ довѣріемъ и въ сущности Ибрагимъ-бекъ этого довѣрія вполнѣ и заслуживалъ. Благодаря своей расторопности, находчивости и безграницной преданности русскимъ интересамъ на Кавказѣ, онъ неоднократно оказывалъ въ критическія минуты неоцѣнимыя и незабвенные услуги, ловко предотвращая грозящую опасность, выводя изъ затруднительныхъ положеній, давая удачные, полные здраваго смысла, совѣты и сообщая важныя свѣденія. Правда, когда на него экстренно возлагались денежныя порученія интендантскаго свойства, какъ напримѣръ, быстрая доставка перевозочныхъ средствъ, или какихъ-нибудь продуктовъ, то онъ не забывалъ и собственнаго своего кармана, но въ горячее военное время къ подобного рода невиннымъ грѣшкамъ никто съ строгостью контрольныхъ чиновниковъ и съ педантизмомъ неподкупныхъ ревизоровъ не относился, ибо о представлениі

какихъ-либо оправдательныхъ документовъ тогда не могло быть и рѣчи, да и времени не было заниматься слѣдствіями, дознаніями и цифровыми выкладками. И самъ Ибрагимъ-бекъ на себя, да и всѣ начальники на него въ подобныхъ случаяхъ смотрѣли какъ на вѣрнаго и умѣлого подрядчика, который долженъ-же имѣть и свою выгоду. Важно было то, что когда Ибрагимъ-бекъ скажетъ: „да, сдѣлаю“, такъ ужъ онъ непремѣнно сдѣлаетъ и сдѣлаетъ хорошо. „Возьми себѣ тысячу, да сдѣлай пользы на двѣ и Богъ тебѣ судья“—вотъ принципъ, которымъ руководствовались начальники въ тѣ совѣтскія времена. Благодаря такимъ условіямъ и взглядамъ, Ибрагимъ-бекъ, сохранивъ добрыя отношенія съ генералами и офицерами и самъ дослужившись до генеральскаго чина, сколотилъ себѣ весьма солидное состояніе. По окончаніи войны онъ вышелъ въ отставку и поселился на полномъ покоѣ въ Тифлісѣ. Утромъ онъ гулялъ по Головинскому проспекту и затѣмъ сидѣлъ на уличной скамье у „Тифлисскаго собранія“ въ кругу такихъ-же, какъ и онъ, болѣе или менѣе счастливо окончившихъ свою жизненную карьеру людей, а вечеромъ игралъ въ винтъ у кого-либо изъ знакомыхъ, или въ томъ-же „собраніи“.

Тутъ-же за чайнымъ столомъ сидѣли и еще два непремѣнныхъ члена полтавинскихъ журфиксъ по субботамъ, а именно: старый заслуженный военный врачъ армянинъ Артемій Калустовичъ Кюрдамировъ, который и самъ давно уже забылъ, что онъ когда-то и кого-то лѣчилъ, но къ которому, тѣмъ не менѣе, старые кавказскіе ветераны продолжали обращаться за советомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла о насморкѣ, или о кашлѣ, и известный тифлисскій архитекторъ Федоръ Карловичъ Шварценбергъ, очень сановитый, серіозный и аккуратно одѣтый стариkъ нѣмецъ, говорившій по-русски, хотя медленно и съ сильнымъ акцентомъ, но правильно, по книжному и съ особымъ усердіемъ въ

произношениј гласныхъ буквъ; при этомъ онъ очень любилъ, какъ только представлялась къ тому возможность, вводить въ свою рѣчь чисто русскія поговорки и пословицы. Кромѣ стариковъ, у чайного стола сидѣлъ лишь одинъ молодой человѣкъ, такъ какъ по обычаю дома молодежь уже отпила чай и расположилась въ гостинной. Ему очевидно не хотѣлось покидать Тамару Полтавину, которая была прикована къ столу своею обязанностью разливать чай. Онъ былъ близкій человѣкъ къ дому Полтавиныхъ, сынъ умершаго товарища и сослуживца Владимира Павловича, тоже извѣстнаго кавказскаго генерала. Его звали Евгениемъ Петровичемъ Ковровымъ; онъ родился въ Тифлисѣ и воспитывался въ тифлисской гимназіи. Когда онъ окончилъ курсъ въ одесскомъ университѣтѣ, то его отца и матери въ живыхъ уже не было. Хотя онъ былъ чистокровнымъ русскимъ и вся родня его какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны жила въ Одессѣ, тѣмъ не менѣе онъ вернулся въ Тифлисъ и здѣсь поступилъ на службу. Онъ не былъ красивъ, но его открытое, добродушное, чисто русское лицо съ окладистою русою бородою и съ умнымъ, немного насыщеннымъ выраженiemъ голубыхъ глазъ не могло не производить самаго благопріятнаго впечатлѣнія.

Тамара и Ковровъ, разумѣется, не слышали ни одного слова изъ оживленной бесѣды старииковъ. Онъ все время дразнилъ ее, полушопотомъ доказывая, что она не умѣеть разливать чай и путаетъ стаканы и чашки, а она дѣлала видъ, что сердится, полушопотомъ-же просила его не мѣшать ей и уйти и при этомъ кокетливо надувала свои хорошенъкія губки, явно этимъ доказывая, что ей вовсе не хочется, чтобы онъ ушелъ.

V.

Общій оживленный разговоръ за этимъ чайнымъ столомъ въ началѣ касался свѣжихъ тифлисскихъ ново-

стей и городскихъ злобъ дня, затѣмъ сосредоточился на той темѣ, что въ жизни самаго храбраго человѣка могутъ быть такія минуты, когда въ немъ вдругъ проявляется трусость. Благодаря этой темѣ старики начали припоминать разные эпизоды изъ своей боевой жизни, подходящіе къ этой темѣ, и такимъ образомъ ихъ бѣда, какъ это почти всегда бывало, когда они сходились вмѣстѣ, перешла въ область воспоминаній о томъ дорогомъ для нихъ времени, когда они были молоды и лихорадочно дѣятельны.

Полтавинъ рассказалъ, какъ его боязнь къ лягушкамъ однажды спасла ему жизнь. Прыжокъ лягушки заставилъ его отскочить и даже побѣжать какъ разъ въ ту секунду, когда мимо пролетала мѣтко направленная въ него пуля, вмѣсто него попавшая въ дерево, прислонясь къ которому онъ стоялъ.

— Лягушки что,—замѣтилъ Касьяновъ,—лягушекъ многіе боятся, а вотъ нашъ князь Илико яблоковъ боится, такъ ужъ это ясно доказывается, что онъ отчаянныи... трусь... ха, ха, ха!

Всѣ разсмѣялись и звончѣе всѣхъ самъ князь Илико. Фыркнулъ и князь Сусановъ съ обычнымъ своимъ лаконизмомъ даже въ смѣхѣ.

— Очинъ боюсь, душа моя,—заливаясь громкимъ хохотомъ и оглушая всѣхъ своимъ звонкимъ фальцетомъ, чистосердечно сознавался говорившій по-русски съ сильнымъ грузинскимъ акцентомъ князь Джавріевъ, — еще маленкой малчишкой билъ и тогда боялся. Какъ запахъ услышу этотъ фруктъ проклѣтый, или увижу, такъ сичасъ лыхарадка затрасеть, изъ комнаты бѣжать долженъ... И папинка мой такой-же билъ. У насъ въ роду, какъ говорять... ха, ха, ха! Вайме, вайме!!!

— Вотъ если бы Шамиль зналъ это,—правильно, почти безъ всяаго армянскаго акцента звучнымъ и пріятнымъ голосомъ заговорилъ Терь-Варшапетовъ,—такъ онъ бы въ твой авангардъ тогда съ своей дьявольской

скалы не пулями сыпалъ и не камнями бросалъ бы, а бросиль бы въ тебя горсть яблоковъ, такъ ты бы со всей своей колонной бѣжалъ бы оттуда, а не взялъ бы приступомъ эту дьявольскую скалу.

— Бѣжалъ бы, душа моя, бѣжалъ бы... что-жи лѣтить?! ха, ха, ха!!! Да, вспомниль, вспомниль!.. ха, ха, ха! Вѣдь ти, Исаакъ-джанъ, тогда-же тамъ-же подъ моей командой билъ... ти совсѣмъ тогда еще малчишкомъ билъ.

— Какъ же не былъ-то?!.—усмѣхнулся Терь-Варшапетовъ,—вѣдь тамъ-то я при этомъ штурмѣ и рану получилъ въ лѣвую руку.

— Ну, яблоковъ бояться это не трусость, это болѣзнь,—докторальнымъ тономъ замѣтилъ Кюрдамировъ.

— Душа моя, Артемъ Калустовичъ-джанъ,—заораль опять фальцетомъ князь Илико,—безъ тѣбѣ, безъ дохтура, знаемъ, что болѣзть такая, а ти, коли ти дохтуръ, ти выличи, а то болѣзть, болѣзть, а выличить не можешь... ха, ха, ха!.. такие они всѣ, дохтура!

— Да какой онъ докторъ,—полушутя, полусеріозно замѣтилъ Полтавинъ,—когда въ „Англійскомъ клубѣ“ недавно съ княземъ Сандро дурно сдѣлалось, такъ нашъ милѣйший Артемій Калустовичъ первый закричалъ: „доктора, доктора!“ Самъ забылъ, что онъ докторъ!..

— Ну, что ты, Володя,—упрекнула мужа Софья Луарсабовна,—это Юшкевичъ выдумалъ такъ для анекдота, а ты рассказываешь какъ будто правда.

— Нѣтъ, правда, дѣйствительно, правда,—добродушно сознался при дружномъ смѣхѣ всей компаніи Кюрдамировъ,—испугался я тогда очень, всѣ кричать: „доктора, доктора!“.. ну, и я тоже началъ кричать: „доктора!“

— Теперь я понимаю, почему князь Илико никогда ни съ кѣмъ въ своей жизни нессорился,—заговорилъ Юшкевичъ, привставъ и закуривъ на огнѣ канделябры свою толстую папиросу,—онъ боится всѣхъ вообще яблокъ, а въ томъ числѣ и яблока раздора,

Острота была не изъ особенно удачныхъ, но всѣ за исключениемъ лишь князя Сусанова сочли своимъ долгомъ разсмѣяться, или по крайней мѣрѣ улыбнуться, въ томъ числѣ и князь Илико, княгиня Кетевана и ея мужъ князь Шакро, хотя они въ сущности қаламбура и не поняли. Вообще очень бойкое остроуміе Юшкевича къ старости значительно выдохлось, но тѣмъ не менѣе, онъ не упускалъ ни одного случая, представлявшаго ему возможность хоть кое какъ сострить или скаламбурить, стараясь этимъ путемъ удержать за собой репутацію острого человѣка. Когда ему и теперь еще удавалось сострить мѣтко и удачно, а чаще всего это случалось въ „Англійскомъ клубѣ“, гдѣ онъ ежедневно обѣдалъ, то затѣмъ онъ въ теченіе трехъ дней обходилъ всѣ знакомыя семьи и всюду рассказывалъ о своей остротѣ, причемъ при такихъ разсказахъ обѣ остротѣ эта постѣдня, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, постепенно теряла всю свою соль. Одну и ту-же остроту Юшкевичъ часто повторялъ по нѣсколько разъ однимъ и тѣмъ-же слушателямъ, но старые друзья не давали ему этого замѣтить, лишь про себя думая: „постарѣть Юшкевичъ“ и совершенно при этомъ забывая, что каждый изъ нихъ въ своей сфере тоже постарѣлъ.

— А вотъ я однажды такъ дѣйствительно струсили, — продолжалъ Юшкевичъ, усѣвшись опять на свое мѣсто, — ъхалъ я изъ Грознаго въ Шуру одинъ на перекладной, потому что ухаживалъ тогда за одной шуринской докторшой и не захотѣлъ подождать двухъ дней, чтобы отправиться съ оказіей подъ конвоемъ казаковъ. Районъ этотъ въ тѣ времена только на бумагѣ числился покореннымъ и почтовый трактъ хотя былъ уже открытъ, но никто не рѣшался по немъ ъздить иначе какъ подъ прикрытиемъ значительного конвоя казаковъ, которые разставлены были постами на каждыхъ десяти верстахъ. Такъ какъ моя поѣздка не вызывалась никакими служебными нуждами, а была предпринята исключи-

чительно съ медицинскою цѣлью, то я не счелъ себя вправѣ просить конвоя, а разсчитывая на то, что въ праздничные дни, а это были первые дни Байрама, мусульмане всѣ сосредоточиваются въ своихъ аулахъ въ горахъ, поѣхалъ наудалую одинъ на перекладной. Весь день прошелъ благополучно, дорога и вся мѣстность кругомъ были совершенно пустыми. Въ концѣ пути, когда уже вечерѣло и я подѣжжалъ уже къ послѣднему казачьему посту, дорога шла плоскогорьемъ и затѣмъ длиннымъ зигзагомъ огибала кругой скалистый уступ и тамъ внизу былъ казачій постъ. До поста оставалось версты три, или немного менѣе. Ямщикомъ на этомъ переѣздѣ мнѣ попался высокій ингушъ, говорившій по-русски, но съ виду довольно подозрительный. Вдругъ, вижу я, съ лѣвой стороны изъ-за пригорка, эдакъ въ разстояніи версты отъ меня, выѣхали съ ружьями всадники, человѣкъ до десяти, и поскакали съ очевидною цѣлью перерѣзать мнѣ дорогу. Вижу я, дѣло плохо, кони у нихъ хороши и одинъ изъ нихъ, скакавшій впереди, былъ не изъ простыхъ, серебряный уборъ на немъ и на лошади. „Гони!“ крикнулъ я ямщику, обнаживъ шашку и выхвативъ изъ-за пояса двухствольный пистолетъ. Тотъ, хотя и погналъ лошадей, но, вижу я, безъ особаго энтузіазма, а между тѣмъ всадники должны нагнать меня и видимо только не хотятъ раньше времени стрѣлять, чтобы не поднять казаковъ съ поста. Одинъ изъ всадниковъ что-то крикнулъ, а ямщикъ мой ему въ отвѣтъ. Э, думаю я, ямщикъ-то ихъ не боится!.. вотъ тутъ я и струсила окончательно не столько за себя, сколько за докторшу, потому плакала бы она, если бы меня убили... струсила настолько, что бросилъ въ перекладную и пистолетъ, и шашку и въ одно мгновеніе, схвативъ ямщика за шиворотъ, выбросилъ его головой внизъ изъ телѣги и, подхвативъ возжи, помчался во всю прыть. А между тѣмъ топотъ гнавшейся за мной кавалькады раздавался все звончѣе и звончѣе, все ближе

и ближе. Тутъ я только въ качествѣ инженера понялъ всю нелѣпость этихъ проклятыхъ зигзаговъ. Казачій постъ вотъ тутъ, внизу, у меня на глазахъ подъ скалой, а я долженъ, минуя его, скакать еще добрую версту и только тамъ завернуть на обратный зигзагъ. Удрать отъ гнавшихся у меня не было возможности, они уже нагоняли меня. Что тутъ было дѣлать?! Я выбралъ мѣстечко, гдѣ отвѣсь скалы былъ менѣе высокъ, эдакъ сажени три, четыре не болѣе, а тамъ далѣе по круто-му склону горы росъ густой кустарникъ до самаго казачьяго поста... и на этомъ самомъ мѣстѣ на всемъ ска-ку повернуль тройку въ кручу. Всѣ мы полетѣли, разумѣется, стремглавъ: и повозка, и лошади, и я, и моя шашка, и мой пистолеть. Послѣ нѣсколькихъ секундъ полнаго забвенія я очнулся и оказалось, что я лежу съ исцарапаннымъ въ кровь лицомъ на колючихъ, какъ рес-соры, упругихъ вѣтвяхъ густого шиповника и ежевики, которые, разумѣется, и спасли меня отъ смерти. Я съ трудомъ, еще болѣе въ конецъ исцарапавшись, спустил-ся къ казачьему посту, взялъ оттуда казачью лошадь, погналъ ее маршъ-маршемъ и черезъ часъ былъ уже у докторши, хотя окровавленный, но по-прежнему влюблennyй. Отъ сотрясенія мозга меня спасъ ея мужъ, давъ мнѣ усиленный приемъ Валерьяновыхъ капель, т. е. крѣпчайшей водки, которую онъ, а его звали Валерьяномъ, настаивалъ на сушеныхъ унаби*).

Разсказъ объ этомъ эпизодѣ всѣ сидѣвшіе за чай-нымъ столомъ уже неоднократно слышали изъ устъ Юшкевича почти слово въ слово въ той-же самой формѣ изложенія, но тѣмъ не менѣе они и на этотъ разъ про-слушали его съ должнымъ вниманіемъ. Полтавинъ даже по обыкновенію спросилъ:

---

*) „Унаби“—весыма распространенный въ Закавказы фруктъ, по виѣности похожій на кизиль, почему остроумные тифлисскіе „кинто“ (фруктовщики) называютъ его „кизилинъ братъ“.

— А лошади погибли?

— Лошади погибли, — отвѣчалъ Юшкевичъ, всегда одушевлявшійся при разсказѣ объ этомъ дѣйствительно чрезвычайномъ событіи изъ своей жизни; — одна убилась до смерти, а двѣ были такъ искалѣчены, что казаки ихъ тамъ же на мѣстѣ застрѣлили. Да-съ, какъ видите, струсила, бѣжалъ отъ непріятеля.

— Да, это дѣйствительно!.. — замѣтилъ Полтавинъ и, помолчавъ, добавилъ: — изъ насъ ничего не боится только вотъ одинъ князь Григорій Аветовичъ.

И онъ ударилъ по плечу своего сосѣда князя Сусанова.

— Ну, нѣтъ-съ!.. и онъ боится, — разсмѣялся Лубановъ, — князь Григорій Аветовичъ женщина боится.

— Вотъ, что правда! — воскликнулъ Касьяновъ. — Какъ онъ тогда испугался, когда войдя въ мою палатку, засталъ тамъ двухъ черкешенокъ!

Всѣ расхохотались, очевидно вспомнивъ какой то очень смѣшной эпизодъ. Даже самъ князь Сусановъ на этотъ разъ фыркнулъ подъ рядъ цѣлыхъ три раза и махнулъ рукой, но разговоръ по этому поводу не завязался, такъ какъ въ дверяхъ появился новый гость, при входѣ котораго всѣ встали съ своихъ мѣстъ.

П. Опочининъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОДЪ РАЗВАЛИНАМИ.

Рассказъ Баграта.

Переводъ съ армянского.

I.

Было совершенно тихо....

Вся мѣстность была покрыта густымъ, рыхлымъ снѣгомъ; побѣлѣвшія горы и долины скрылись подъ ледяной корой. Природа будто замерла... Ни малѣйшаго звука. Только изрѣдка тамъ далеко, надъ гребнемъ высокихъ горъ, вдругъ поднимется облако снѣговой пыли, скатится съ вершины на вершину, потомъ опустится, прижмется къ груди великановъ и, войдя въ глубокое ущелье, скроется, исчезнетъ.

Это снѣговое облако, какъ единственное живое существо среди помертвѣвшей природы, движется, то медленно, то стремительно, воетъ, какъ бѣшеный звѣрь, стонеть, вздыхаетъ, какъ чудовище въ предсмертной агоніи, оглашаетъ равнину неистовымъ ревомъ и, наконецъ, испускаетъ духъ...

Наступила ночь, темная, черная ночь...

Джевахетскія села были погружены въ глубокій сонъ; усталые поселяне спали крѣпко, безмятежно, сладко. Легкіе вздохи вѣтра точно баюкали ихъ. Тепло было имъ въ землянкахъ среди своихъ любимцевъ, среди Божьяго добра—коровъ, быковъ, барановъ и телятъ, дыханіе которыхъ навѣвало спокойствіе и теплоту.

Въ одной изъ деревень въ лучшей изъ хижинъ спалъ дѣдушка Петросъ, но не тѣмъ безмятежнымъ сномъ, какъ его сыновья и юные внуки.

Вдругъ, какъ ужаленный, поднялся онъ съ постели и растеряннымъ взоромъ сталъ оглядываться кругомъ.

Темно, огонь потухъ въ очагѣ, ни зги не видно. Дѣдушка Петроcъ перекрестился, полою рубахи вытеръ потъ со лба и снова прилегъ, но ему не спалось; ужасное сновидѣніе оставило въ душѣ его глубокое, гнетущее впечатлѣніе. Онъ находился въ томъ мрачномъ настроеніи, когда отчаяніе овладѣваетъ человѣкомъ, когда сердце разрывается, изнываетъ и готово вылиться въ потокахъ слезъ.

„Господи, избави насть отъ несчастья!“—промолвилъ про себя дѣдушка Петросъ и снова перекрестился.

Въ то-же время съ другого конца хижины, гдѣ находился рогатый скотъ, послышалось жалобное мычаніе бычка. Холодная дрожь пробѣжала по всему тѣлу дѣдушки Петроса. Это мычанье не было похоже на обыкновенное, въ немъ слышалась точно мольба о помощи.

„Боже мой, нашъ бычокъ мычить... ужeli пріключилось что нибудь?!“—подумалъ дѣдушка Петросъ и, вскочивъ съ постели, зажегъ свѣчку, набросилъ на себя чоху и направился къ животнымъ.

Лишь только бычокъ завидѣлъ хозяина, обратилъ къ нему умоляющіе взоры и снова стать мычать такъ жалобно, что у дѣдушки Петроса сердце сжалось. Онъ нѣжно обнялъ голову животнаго и поцѣловалъ его въ глаза.

„Что съ тобою, мой милый, мой славненький бычокъ? Не боленъ ли ты? Зачѣмъ мычишь такъ?“—задавать вопросы встревоженный стариkъ, гладя его по шеѣ. Затѣмъ обошелъ всѣхъ животныхъ, заглянулъ всюду и, убѣдившись, что все на своихъ мѣстахъ и что нѣть никакой опасности, возвратился опять къ себѣ.

Но стариkъ замѣтилъ, что весь домашній скотъ проявлялъ признаки какого-то беспокойства, какъ-то испуганно озирался кругомъ и билъ ногами землю. Не придавъ особаго значенія этому, стариkъ набилъ трубку, снова легъ въ постель и, поставивъ предъ собою зажженную свѣчу, предался размышеніямъ о наступающемъ днѣ.

* * *

Дѣдушкѣ Петросу было почти 60 лѣтъ, но это былъ мужчина еще бодрый, сильный, краснощекій, безъ сѣыхъ волосъ; можно было дать ему лѣтъ 30; только нѣсколько морицінъ украшали его открытый широкій лобъ. Жизнь его протекла безъ горя, домъ былъ полонъ божескимъ добромъ и богатъ. Его семья состояла изъ пятнадцати душъ; во главѣ семьи стоялъ онъ со своей женой Сурунанной. У нихъ было три сына и одна дочь; сыновья были женаты и имѣли дѣтей, а для дочери Эстеры только настала весна жизни. Завтра, въ воскресенье, была назначена ея свадьба. Дѣдушка Петросъ, окруженный внуками и дѣтьми, былъ счастливъ и часто возсылалъ благодаренія Богу. Но завтра ожидала его радость неизмѣримая: предстояли крестинны внука, св. миро будетъ принесено въ его домъ, и въ то же время вѣнчаніе Эстеры съ односельцемъ Атоемъ, который считался однимъ изъ работящихъ, богатыхъ и умныхъ юношей въ деревнѣ.

„Ну, проходи, черная, мрачная ночь“,—бормоталъ про себя дѣдушка Петросъ и, покуривая трубку, без-

покойно поглядывалъ на небо. Но ночь не проходила, мракъ будто не хотѣлъ уступить мѣста свѣту, еще болѣе возмущая "этимъ дѣдушку Петроса:

"Что со мною?—думалъ онъ,—завтра мнѣ предстоитъ веселье, а на душѣ становится все грустнѣе и тягостнѣе... И что за сонъ меня разбудилъ, Господи, не помню даже!.. Да!.. Казалось, съ высоты упалъ огромный черный камень и разбился; онъ сдавилъ мнѣ грудь, я не могъ дышать... охъ, какой ужасный сонъ!.."

Старикъ сталъ шептать молитву. Черезъ нѣсколько времени онъ взглянулъ на небо и, замѣтивъ слабые лучи свѣта, быстро вскочилъ съ постели, одѣлся, умылся и вышелъ на улицу. Тамъ еще завывалъ вѣтеръ, какъ бы вторя высокимъ ноткамъ пѣтуховъ.

* * *

Наступило воскресенье. Слабые солнечные лучи играли на снѣжныхъ кристалахъ; глазамъ больно смотрѣть на эту сверкающую бѣлизну, уши мерзнутъ отъ рѣзкаго вѣтра. Поселяне засѣли въ землянкахъ, откуда раздаются смѣхъ, пѣніе и звуки зурны. Здѣсь дѣвушки пляшутъ ялли вокругъ очага; тамъ, тоже у очага, грѣются парни, слушаютъ стариковъ или рассказываютъ забавные анекдоты, задаютъ загадки. На дворѣ поднималась мятель, а въ каждой хижинѣ подымалось веселье, кипѣла жизнь и чаще бились сердца. Въ домѣ дѣдушки Петроса было большое движенье; тамъ только что кончились крестины и теперь хлопотали обѣ Эстерѣ. Нѣсколько дѣвушекъ, перекидываясь шутками, остротами, присказками, одѣвали красавицу въ подвѣничный нарядъ. Вдали гремѣла зурна,—это женихъ ожидалъ прибытія невѣсты.

— Скорѣе, милочка! Спѣши, Эстера! Не опускай рѣсницъ. Смотри, тебя зоветъ зурна; ты будешь плясать ялли,—повторяли дѣвушки, покрывая фатой лицо невѣсты.

Въ это время вошелъ дѣдушка Петроcъ и приблизился къ дочери.

Отецъ и дочь поглядѣли другъ на друга и у обоихъ, казалось, разрывалось сердце, у обоихъ глаза наполнились слезами. Эстеру бросилась въ объятія его и рыдала.

— Не плачь, дитя, такова участъ каждой дѣвушки; она не можетъ всегда жить у отца, а должна пойти къ другому,—ободрялъ дѣдушка Петроcъ и, поцѣловавъ ее въ лобъ, точно вкопанный сталъ возлѣ своей дочери. Тутъ подошла Сирунанна, толкнула дѣдушку Петроса и шутя сказала:

— Ай-да, мужчина! Затесался между дѣвушками. Оставь Эстеру со своими подругами...

Дѣдушка Петроcъ молча пошелъ къ себѣ, гдѣ сыновья его приготовлялись къ свадьбѣ.

Въ то же время вниманье всѣхъ было привлечено криками животныхъ; всѣ бросились къ нимъ. Тамъ былъ вполнѣйший переполохъ: коровы мычали, бараны блеяли, лошади топали ногами и старались сорваться съ привязи.

Что случилось? Дикій-ли звѣрь забрался или злой духъ попуталъ? Ничего нельзя разобрать. Вся семья въ недоумѣніи и молча смотрѣла на это явленіе. Эстера, въ вѣнчальномъ платѣ, похолодѣвшая отъ ужаса, прислонилась къ стѣнѣ.

Вдругъ густой туманъ окуталъ всю деревню, въ воздухѣ запахло сѣрою, послышался глухой, но страшный грохотъ, будто далеко-далеко раздался залпъ изъ тысячи пушекъ...

— Что это такое?—съ ужасомъ крикнула Эстера, бросившись къ матери, но не въ силахъ была сдѣлать трехъ шаговъ... Земля подъ ногами бѣжала, землянка тряслась, а изъ подъ земли слышны были раскаты грома.

Балки затрещали и вся хижина съ страшнымъ гро-

хотомъ обрушилась. Поднялся столбъ пыли, повергълся на мѣстѣ и понесся къ ахалкалакской равнинѣ...

* * *

Замолкла зурна, прекратились ялли, веселье, танцы и разговоры. Изъ развалинъ деревни поднялись облака пыли и слышны раздирающіе душу вздохи...

Съ изступленнымъ взоромъ чрезъ село бѣжитъ нарядный юноша, по лицу его течетъ кровь, онъ едва выбрался изъ развалинъ отцовской хижины, онъ ищетъ теперь дѣдушку Петроса, его землянку. Она развалилась, никого не видно, всѣ погребены подъ стѣнами и кровлею... Съ сверхъестественною силою сталъ Ато сгребать снѣгъ, подымать камни и бревна, разбрасывая ихъ во всѣ стороны. Онъ зналъ, на какой сторонѣ дома могла находиться его невѣста и, собравъ всѣ свои силы, онъ разрылъ ея роковое ложе. Эстерা лежала на спинѣ съ открытыми, полными страха, глазами, съ придавленной концомъ громадного бревна грудью. Ато хотѣлъ сбросить это бревно, но былъ не въ силахъ. Тогда онъ сталъ на колѣни, счистилъ съ лица невѣсты пыль; обнявъ эту мертвую голову и раздирающимъ сердце голосомъ закричалъ: „Эстерা, моя милая Эстерал..“

Но Эстерা молчала и страшными глазами смотрѣла на Ато.

„Охъ, помогите!“—вскричалъ Ато и, какъ безумный, обнявъ трупъ своей невѣсты, сталъ цѣловать ея похолодѣвшія губы. Кровь еще лилась изъ головы Ато; холодный рѣзкій вѣтеръ пронизывалъ до костей; все тѣло его дрожало и приходило въ смертельное оцепенѣніе...

ДАВИДЪ ГУРАМИШВИЛИ И ЕГО ПОЭМА.

I.

Среди грузинскихъ писателей XVIII в. и по таланту поэтическаго творчества, и по глубинѣ лирическаго воодушевленія, и по реальности содержанія первое мѣсто занимаетъ поэтъ, князь Давидъ Гурамишвили, авторъ поэмы „Давитіани“.

Обозрѣніе жизни и поэмы Гурамишвили составляетъ содер-
жаніе настоящаго очерка. Давидъ Гурамишвили происходилъ изъ
древняго княжескаго рода. Отдаленные предки его носили фами-
лію Зедгинидзе (*Vахушти*, „Географія“, 46) и состояли въ род-
ствѣ съ ксанскими эриставами. Нашъ поэтъ родился, вѣроятно,
въ Горисъ-убани ¹⁾), близъ Сагурамо, недалеко отъ Тифлиса, въ
1705 году, такъ какъ онъ въ пьесѣ, имъ написанной въ 1774 г.,
называетъ себя старцемъ 69 лѣтъ. Онъ воспитался на рукахъ
доброй няни, о которой онъ нѣжно вспоминаетъ въ минуты жи-
тейской горести. Судя по его стихотвореніямъ, онъ получилъ
хорошее образованіе непосредственно или подъ руководствомъ
опытныхъ преподавателей, ознакомившихъ его съ священнымъ
писаніемъ и съ произведеніями грузинской свѣтской литературы.
Онъ усвоилъ духъ и энергию произведеній Шота Руставели, ца-

¹⁾) „Я былъ князь, житель деревни Горисъ-убани“ („Давитіани“, стр. 56).

рей Теймураза I и II, Арчила, Вахтанга и известныхъ писателей XVIII в. Бактабека, Нодара, Отара, Мамука и др. Онъ проявлялъ наклонности къ отвлеченному мышлению и основательныя знанія въ области греческой философіи; нерѣдко упоминаетъ обь учиненіи Эпікура и Платона; согласно съ юнической школой онъ считаетъ человѣка, созданнымъ изъ четырехъ стихій („земли, воды, огня и вѣтра“ ²⁾). И природныя наклонности, и аристократическое происхожденіе, и разностороннее воспитаніе предна-чали его къ широкой государственной аренѣ, но стеченіе обсто-ятельствъ закинуло его въ иную среду дѣятельности. Онъ съ юныхъ лѣтъ до старости остается „гонимымъ странникомъ“, по прихоти мачихи-судьбы.

Будучи 19-ти лѣтъ, въ 1724 г. Гурамишвили былъ захваченъ въ плѣнъ лезгинами, которые въ союзѣ съ турками, по переселеніи царя Вахтанга въ Россію, стали властными и самоуправными хозяевами всей восточной Грузіи. Это событие относится къ тому времени, когда попытка карталинцевъ и кахетинцевъ взять горійскую крѣпость, занятую турками, кончилась распаденіемъ союза грузинскихъ эриставовъ, т. е. правителей провинцій, и переселеніемъ нашего поэта, участника этой злополучной войны, въ Ксанское ущелье, въ деревню Ламискана ³⁾, на границѣ Горійского и Душетского уѣздовъ. Здѣсь, по словамъ его, въ іюнѣ мѣсяца, во время жатвы, онъ былъ застигнутъ 15-ю лезгинами, когда отопель въ сторону отъ рабочихъ къ рѣчкѣ близъ лѣса, чтобы освѣжиться струей холодной воды. Связавъ беззащитнаго поэта по рукамъ и ногамъ, хищная орда направилась съ нимъ чрезъ Душетскій и Телавскій уѣзды, въ деревню Осокола, лежащую въ Андійскомъ округѣ, Дагестанской области. Недаромъ поэтъ „проливалъ горячія слезы“: его гнали пѣшкомъ по сыпучимъ камнямъ и колючимъ кустамъ, кормили саломъ и тра-вою, да и ихъ не давали вдоволь. Въ Дагестанѣ его посадили въ яму, а потомъ заставили его прислуживать приставленному къ нему патрону. Голодный, холодный и оборванный онъ взываєтъ къ Богу въ молитвахъ о ниспосланіи ему своей милости.

Наряду съ этими физическими мукаами онъ испытываетъ нравственные страданія въ виду потери всѣхъ „родныхъ и сладо-стной отчизны“. Онъ примирился-бы съ своимъ горькимъ положеніемъ, если-бы лезгины не вздумали его продать, какъ презрѣн-

²⁾ См. его „Давитіани“, стр. 169.

³⁾ „Давитіани“, стр. 57.

наго раба. Неизвѣстная и тѣмъ болѣе тягостная участъ предсто-
яла плѣннику. Размысленія о грядущей унизительной неволѣ при-
вели его къ мысли бѣжать въ сторону родины ночью, тайкомъ,
но онъ былъ „пойманъ и избитъ“. Опытъ неудачный сдѣлалъ
его предусмотрительнѣе; муки и одиночество пріучили его къ
обдуманности: второй разъ онъ спасенія ищетъ не на югѣ, а по
направленію къ сѣверу отъ Дагестана, гдѣ въ то время стояли
русскія войска. Вдохновеніе къ бѣгству онъ получилъ „во снѣ
отъ таинственного голоса, который, пріободривъ его, обѣщалъ
быть его вождемъ и путеводителемъ“. По указанію „днемъ солн-
ца, а ночью луны и семи звѣздъ“ (т. е. Медвѣдицы) онъ держаль
путь къ сѣверной странѣ. Онъ испыталъ не мало тревожныхъ
минутъ въ ожиданіи непріятельской погони, перенесъ много го-
ря и лишеній, пока достигъ береговъ р. Терека. Въ горахъ по
пути его застигла страшная гроза съ сильнымъ градомъ и спас-
ся онъ отъ когтей смерти только благодаря тому, что по блеску
вспыхнувшей молніи онъ вскарабкался въ одну пустую скалу и,
здесь отдохнувъ и подкрепившись силой и молитвой къ Богу,
продолжалъ свое тяжелое странствіе, едва пробивая крупный
градъ, легший по колѣна на дорогѣ. Онъ терпѣль три дня му-
чительный голодъ, питаясь въ теченіе трехъ дней 7-ю сливами;
пускался въ путь только ночью, а днемъ укрывался въ тростни-
кѣ отъ неугомонныхъ своихъ преслѣдователей.

Чѣмъ дальше, тѣмъ блужданіе его въ неизвѣстныхъ краяхъ
становилось невыносимѣе. Изорванное платье не защищало его
отъ ночной стужи, питанье служила полевая трава или кис-
лый барбарисъ. Не въ напрасной горести онъ обращался къ
Богу съ мольбой послать ему „хлѣба на пропитаніе“ и одѣяніе
въ защиту отъ суроваго ночного холода. На четырнадцатый день
своего безпріютнаго скитанія поэтъ очутился на берегу откры-
той („безлѣсной“) рѣчки (андійскій Койсу?). Ночь провелъ въ
сѣнѣ подъ сводомъ небеснымъ, а утромъ пошелъ далѣе, обезси-
ленный отъ голода и удрученный душевными тревогами въ ожи-
даніи новаго плѣненія. Можно себѣ представить, какъ обрадо-
вался поэтъ, когда по дорогѣ онъ нашелъ два огурца и полъ
арбуза. Эта находка была самая драгоценная для проголодавша-
гося путника. Но тутъ неожиданный проблескъ удачи омрачился
весыма чувствительной потерей. Положивъ огурцы за пазуху, го-
ремыка подошелъ къ рѣчкѣ промыть запылившійся арбузъ, но
когда онъ наклонился къ водѣ, выпали огурцы въ рѣчку, кото-
рая поспѣшно ихъ подхватила и унесла. Напрасно поэтъ гнался
за ними. Горная рѣка быстро умчала ихъ въ свое теченіе.

Ему пришлось *упрекнуть* Бога, „зачемъ Онъ даровалъ ему, если хотѣлъ отнять“.

Въ смутныхъ думахъ незамѣтно онъ приблизился къ саду, гдѣ впервые насытился виноградомъ послѣ продолжительной голодовки. Съ этого момента начинается поворотъ колеса въ его жизни. Онъ въ саду услышалъ колокольный звонъ въ церкви, изъ которой съ крестными знаменіями выходилъ народъ. Не увѣренный въ столь неожиданномъ счасти, поэтъ сначала принялъ за обманъ, за бѣсовское наважденіе и потому рѣшилъ подождать до вечера въ склоненномъ сѣнѣ. Странное испытаніе подготовило ему ложе. Здѣсь „легионъ комаровъ“ возсталъ противъ него и задушилъ-бы его, если-бы онъ зажаль себѣ ротъ. Это несчастье заставило его измѣнить свое намѣреніе и поспѣшить подойти къ богомольцамъ. Предъ ними онъ нажожно перекрестился и облобызатъ крестъ Христа. Народъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на оборванца-христіанина, не понимающаго русскаго языка. Услышавъ единственное слово, ему знакомое, „хлѣбъ“ ⁴⁾, онъ быстро сообразилъ, что онъ находится среди русскихъ и чрезъ переводчика пшава (пховельца) Іанвари сталъ разсказывать, кто онъ и откуда къ нимъ попалъ. Поэтъ удовлетворилъ любопытство добрыхъ людей, давшихъ ему братскій пріютъ. Отсюда онъ направился въ Солагъ и далѣе въ Астрахань, („Давитіани“, стр. 87), гдѣ въ 1728 г. царь Вахтангъ VI былъ задержанъ по случаю чумы на обратномъ пути въ Москву изъ Персіи, куда онъѣздилъ отъ имени русскаго правительства съ дипломатической миссіей.

Гурамишвили, повидимому, Вахтанга ужъ въ Астрахани не засталъ и отправился съ его обозомъ въ Москву; здѣсь представился своему царю въ 1730 г. по смерти государя Петра II. Онъ обѣ этомъ путешествіи упоминаетъ вкратцѣ: „Съ Терека я отправился въ Солагъ, изъ Солага въ Астрахань. Оттуда въ Москву, царю Вахтангу, Бакару-хану Шахнаазу представился“. Вахтанга онъ нашелъ огорченнымъ вслѣдствіе того, что не засталъ въ живыхъ Петра Великаго, обѣщавшаго ему помочь противъ враговъ Грузіи, и шестъ лѣтъ безплодно онъ провелъ въ Россіи, не двигая впередъ дѣла спасенія истерзанной родины. Вахтангъ зачислилъ поэта въ свою свиту и пожаловалъ ему „лжабадаръ башоба“ (должность главнаго начальника арсенала). При царѣ Гурамишвили скоро успѣлъ выдвинуться своимъ остро-

⁴⁾ „Одинъ сказалъ другому: „дай хлѣба ему, Лазарь“. Слова „дай хлѣба“ въ поэмѣ приводятся въ грузинской транскрипціи (см. „Давитіани“, стр. 86).

умiemъ и поэтическимъ талантомъ: въ обычныхъ стихотворныхъ состязаніяхъ съ Джавахшили и нѣкимъ Ромой онъ оставался торжествующимъ побѣдителемъ. Царь приблизилъ къ себѣ поэта и онъ съ тѣхъ поръ всюду его сопровождалъ. Въ 1734 г. онъ былъ спутникомъ Вахтанга по Волгѣ на Кавказъ съ безуспѣшной попыткой возвратить себѣ тронъ. Впослѣдствіи онъ вступилъ съ свиту царевича Бакара, а когда организовался грузинскій гусарскій полкъ, онъ вошелъ въ его составъ въ качествѣ рядового⁵⁾. По указу государыни Анны Ioannovны, грузины-гусары получали жалованье только во время войны, причемъ имъ были пожалованы въ вѣчное владѣніе имѣнья съ крестьянами въ Малороссіи: князьямъ по 35—20 домовъ, а дворянамъ по 10 (срав. „Давитіани“, стр. 104). Поэтъ значится въ спискѣ лицъ, получившихъ 30 домовъ въ мѣстечкѣ Миргородѣ⁶⁾. Грузины поселились въ миргородскомъ, лубенскомъ, прилуцкомъ и полтавскомъ полкахъ. Въ путешествіи грузинского митрополита Іоны упоминаются деревни (Ахалдаба, Мановеловыхъ, Билики, Алексиполь, Монастырь (деревня Джаваховыхъ), где онъ посѣтилъ по пути изъ Киева въ Москву своихъ родственниковъ, но положеніе ихъ трудно опредѣлить въ точности. Грузины участвовали подъ руководствомъ Миниха въ походѣ на Крымъ, Очаковъ и Хотинъ⁷⁾.

⁵⁾ Грузины могли служить и въ другихъ армейскихъ полкахъ (напр., князья Амилахваровы), а впослѣдствіи и въ штатской службѣ.

⁶⁾ М. П. Лагинскій: „Поселеніе грузинъ въ Малороссіи въ XVIII в.“, стр. 7, примѣч. (изъ сборника истор.-фил. общества при харьковскомъ университѣтѣ): „въ м. Миргородѣ князьямъ Заалу Хахарулидзеву и Давиду Гурамову—по 20 дымовъ“. Перечисленіе грузинскихъ князей и дворянъ, поселившихся въ Полтавской губерніи, см. въ названной брошюре. Подданные грузинъ жаловались на большие поборы и „побон“, которыми ихъ отягощали. Указъ 1762—1764 гг. о роспуске груз. полка не былъ приведенъ въ исполненіе и уже въ 1767 г. вмѣсто прежде предположенного Оренбурга мы находимъ три груз. полка въ Симбирскѣ (Бутковъ. „Мат. для нов. истории Кавказа“ I, 280; III, 110).

⁷⁾ Минихъ оцѣнилъ храбрость грузинъ и рѣшилъ образовать изъ нихъ 10 полковъ, въ виду этого-то онъ послалъ въ Астрахань и Кизляръ дворянъ Бориса Егорова собрать грузинъ. Но онъ привелъ только 50 чел. и организовалъ три полка по 70-ти чел., а оставшіеся 38 были распределены по всѣмъ полкамъ. Вскорѣ грузинамъ (1742 г.) пришлося принять участіе въ шведской войнѣ („Швеція“, по словамъ поэта), подъ начальствомъ Ласси. Царевичъ Георгій, сынъ Вахтанга, участвовалъ тогда во флотѣ и награжденъ чиномъ генераль-маюра. (Бутковъ. „Материалы для нової истории Кавказа“, I, 59, 539; III, 74, 77, 453). По окончаніи этой войны вышелъ указъ о переселеніи грузинъ въ Оренбургскую губ. (П. С. З. XI, № 8616), но онъ не былъ исполненъ.

Въ семилѣтней войнѣ (1756—1763 гг.) грузинскій полкъ опять выступаетъ въ походъ. Многіе грузины здѣсь пали, поэтъ былъ взятъ въ плѣнъ и заключенъ въ Магдебургскую крѣпость. Въ числѣ другихъ для выкупа плѣнныхъ стали собирать Дав. Датуновъ, Іос. Шубашидзе и др. милостыню, но правительство воспретило (П. С. З. 11, 570, 14-го июня 1762 г.). Гурамишивили былъ выкупленъ соотечественниками, вѣроятно, около 1762 г. Совершенно разоренный и беспомощный вернулся онъ въ Малороссію. Поэтъ проникся глубокою скорбью и огорченіемъ, явившимися результатомъ его житейскихъ неудачъ. Нѣтъ точныхъ указаний, принималъ-ли онъ участіе въ усмирении черкесовъ, противъ которыхъ былъ посланъ въ 1769 г. грузинскій гусарскій полкъ (Бутковъ I, 290, 294) подъ командою кн. Ратишвили въ походѣ Румянцева противъ турокъ. Вѣроятно, въ 1764—1774 гг. поэтъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, такъ какъ за этотъ періодъ нѣтъ ни одного стихотворенія, да и правительство не оставило-бы его дома при наступлениі враждебныхъ дѣйствій.

Въ 1774 г., въ возрастѣ за 60 лѣтъ, мы видимъ его дома, въ чинѣ прапорщика, какъ онъ самъ себя называетъ въ проектѣ о мельницѣ. Къ этому времени относится стихотвореніе, въ которомъ онъ негодуетъ на завистниковъ, быть можетъ, на начальника своего Мамуку Давиташвили. Наслаждаясь миромъ въ деревнѣ на старости лѣтъ, онъ написалъ „Бесѣду“, „Споръ смерти и человѣка“, „Споръ и судъ человѣка и жизни“, „Жалобу Адама“, „Завѣщеніе Давида Гурамишивили“, „Надпись на надгробномъ камнѣ“ и „Поминовеніе души пишущаго сію книгу“—вѣроятно, лебединья его пѣсни. Послѣдняго стихотворенія отмѣчены чувствомъ духовнаго одиночества, глубокою тоской по родинѣ и грустью предъ осадившою его старостью. Онъ остался одинъ, безъ собратьевъ, погибшихъ дома и на войнѣ. „Умерли всѣ друзья, ни одинъ уже не обрѣтается“, говорить онъ въ „Судѣ жизни и человѣка“. Не было въ живыхъ и самого царевича Бакара (1700—1750). Поэтъ остался бездѣтнымъ. Онъ горюетъ о томъ, что некому будетъ молиться о его душѣ. Старость прежде всего ослабила его зрѣніе, порѣзали густые волосы, морщины покрыли лицо. Поэтъ ропщетъ на судьбу, разлучившую его съ родиною и коварно его наказавшую. Въ эпитафіи онъ упоминаетъ о своей отчизнѣ, гдѣ онъ недалеко отъ обителей Иоанна Зедазенскаго и св. Шio въ своемъ имѣніи приготовилъ себѣ усыпальницу и „теперь, зритель, гдѣ я погребенъ!“

Всю свою силу духа онъ сосредоточилъ среди горестныхъ думъ на книгѣ своей „Давитіани“, которая должна была, за не-

имѣніемъ дѣтей (см. поэму, стр. 301), вызвать въ читателяхъ поминовеніе его души. Онъ самъ собралъ въ одну рукопись, что было разсѣяно въ разныхъ мѣстахъ, и скорбить о томъ, что не успѣть написать все, что хотѣлъ сказать. Онъ прекратилъ писать стихи въ 1774 г.; но въ 1787 г. онъ еще былъ живъ, что видно изъ его проекта о построеніи мельницы. Когда онъ умеръ и гдѣ погребенъ, въ точности неизвѣстно, но если припомнить, что родился онъ въ 1705 г., то поэтъ жилъ, по крайней мѣрѣ, болѣе 80-ти лѣтъ. Погребенъ, быть можетъ, въ Ахтубскомъ монастырѣ (на границѣ трехъ губерній: Харьковской, Черниговской и Полтавской), гдѣ грузины-поселенцы поклонялись знаменитой иконѣ Богоматери, упоминаемой поэтомъ въ проектѣ о вновь изобрѣтенной имъ машинѣ мельницы ⁸⁾), подъ именемъ „Ахтубской Божьей Матери“. Въ написанномъ предъ смертью стихотворномъ „завѣщаніи“ онъ проситъ похоронить его просто, не тратить „срѣбра“ и не облекаться въ траурныя одѣянія.

II.

Первая часть произведенія ⁹⁾ Давида Гурамишвили посвящена изображенію состоянія Грузіи въ прошломъ столѣтіи, междуусобной борьбѣ карталинского и кахетинского царей. Вниманіе его обращено не на жизнь и дѣянія одного лица, а на судьбу цѣлой страны, переживавшей мучительную агонію. Онъ воспроизвелъ картину Грузіи въ столкновеніи царей Вахтанга VI карталинского и Константина кахетинского (Мамадъ-Кули-ханъ), вполнѣ проникнутыхъ искреннимъ желаніемъ мира и блага для

⁸⁾ Замѣтимъ, что грузинамъ въ Малороссіи отдавались помѣстя по слѣ принятія ими присяги и подъ условіемъ, что получившіе ихъ должны стать вѣчно подданными Россійской имперіи. Генеральная войсковая канцелярія для уничтоженія возникшихъ недоразумѣній между грузинами и раздатчиками предписала послѣднимъ инструкцію, по которой нужно было отдавать въ подданство грузинамъ послѣднихъ, а не мѣщанъ и казаковъ съ тѣмъ, чтобы въ отведенныхъ дворахъ, кроме женщинъ, были и мужчины, а угодья послѣднихъ поступали во владѣніе грузинъ. Шляхетство поселеніе грузинъ въ Малороссіи считало нарушеніемъ своихъ правъ.

⁹⁾ Напечатано въ 1881 г. въ Тифлісѣ подъ редакціей П. Умикашвили на средства Г. Заліаніани, по рукописи самого поэта, поднесенной сыну Ираклію I, царевичу Мирлану, въ 1787 г. Нынѣ она хранится въ бібл. тифлісского общ. распростран. грамотности среди грузинъ. Первые отрывки изъ „Давитіаніи“ появились въ „Цискари“ за 1852 (Х, XI, XII) и 1860 г. (IX, X, XI, XII) и въ хрестоматіи Чубинова 1861 г. („Эо, мео“), а въ 1870 г. изд. были 43 главы подъ ред. Г. Церетели, Н. Берзенова и П. Умикашвили.

истощенной волнениями Грузии. Однако, обстоятельства складываются вопреки ихъ благороднымъ порывамъ; злой рокъ сторожить ихъ неусыпно: имъ предстоитъ братоубийственная война, которую въ началѣ царь Константинъ энергично пытается отклонить. Шахъ возбуждаетъ его противъ царя Вахтанга, обѣщаю ему царство послѣдняго, но онъ предпочитаетъ навлечь на себя гнѣвъ шаха, чѣмъ проливать кровь соплеменного народа. „Мы были едины,—чишеть онъ Вахтангу,—враги только нась раздѣлили и теперь нась вводятъ въ обманъ и заблужденіе“. Но идея единенія народу еще не доступна; личные интересы поглощаютъ національные; злоба заглушаетъ мелькнувшее сознаніе государственности: кахетинцы возбуждаютъ Константина противъ Вахтанга. У послѣдняго есть враги среди самихъ карталинцевъ, во главѣ которыхъ стоитъ его родной братъ-мусульманинъ, Іессей (отецъ католикоса Антонія I). Сторонники войны разжигаютъ вражду между двумя единоплеменными царями. Грубое вожделѣніе ихъ поживиться въ смутную эпоху окрыляется, когда царь Константинъ подвергается неожиданному нападенію на карталинской границѣ. Кахетинскій владѣтель возвращается безмятежно назадъ, но подстрекаемый неусыпными врагами мира онъ съ горечью соглашается начать военные дѣйствія, говоря: „я желалъ братской любви, а вы не уклоняетесь отъ браны и мести, будете вы отвѣтственны за послѣдствія этой войны“.

Трагическое положеніе обоихъ царей заключается въ томъ, что они противъ кровопролитія, а между тѣмъ приходится имъ быть виновниками избіенія своего народа. Гурамишвили, ближайший сановникъ при Вахтангѣ VI, передаетъ эти печальные события со словъ, вѣроятно, самого царя и его вельможъ. Таившееся въ глубинѣ ихъ души чувство горести сообщилось поэту, который описываетъ судьбу Грузіи съ плачомъ и стономъ. Онъ описываетъ судьбу своей родины, разоренной иноземцами, но главную причину ея ослабленія видитъ въ внутреннихъ неурядицахъ: междуусобная война навлекла на народъ всѣ неизбѣжныя бѣдствія. Расколъ среди грузинъ ярче всего проявился послѣ столкновенія Константина съ Вахтангомъ: побѣженная сторона призывала то персовъ, то турокъ, то лезгинъ на помощь, обращавшуюся въ гибель цѣлой странѣ. Кахетинцы, пораженные карталинцами, обратились къ лезгинамъ, ставшимъ впослѣдствіи хозяевами Кахетіи, какъ половцы открыли дорогу въ Русь, послѣ приглашенія ихъ на помощь Олегомъ Гореславичемъ¹⁰⁾. Съ другой сто-

¹⁰⁾ См. „Слово о полку Игоревѣ“.

роны, Вахтангъ, потерпѣвшій неудачу, просилъ, чрезъ посредство брата своего Іессея, помоци у ахалцихскаго паши и ввель турокъ въ Карталинію, надѣясь подъ щитомъ этихъ враговъ Грузіи возвратить себѣ злополучную власть. Разсчеты обманули Вахтанга и былъ онъ вынужденъ прибѣгнуть въ Россіи къ покровительству Петра Великаго, съ которымъ уже находился въ дипломатической перепискѣ. Поэтъ здѣсь не скрываетъ своего благороднаго негодованія, упрекаетъ царя Вахтанга въ политической недальновидности, смѣло говоритъ ему правду, не опасаясь даже смерти: „скрывать зло вредно для страны“. Онъ съ сознаніемъ непростительной вины предъ родиной стѣющихъ раздоры царей спрашиваетъ ихъ, что они обрѣли плодомъ своей неусыпной мести помимо собственной гибели: „какъ пѣтухи, истомленные, истрапанные въ борьбѣ, дѣлаются добычей собаки, такъ и Грузія досталась на растерзаніе туркамъ, персамъ и леэтикамъ“.

Поэтъ исполняется скорбныхъ чувствъ при видѣ опустошенной страны, надъ которой онъ льетъ горячія слезы. Онъ проникается тѣмъ пессимистическимъ настроениемъ, которое охватываетъ человѣка послѣ разрушенія въ прахъ его свѣтлыхъ надеждъ и тихаго счастья. Сознаніе постигшаго родину бѣдствія и грозящей гибели приводятъ къ тому политическому недовольству и разочарованію, которыя водворились въ Западной Европѣ вслѣдъ за французской революціей, не осуществившей освободительныхъ стремленій ея провозвѣстниковъ. Пессимизмъ Гурамишвили, какъ у всѣхъ поэтовъ и философовъ, явился результатомъ истощенія моральныхъ и экономическихъ средствъ своей страны. Его плачъ и скорбный гласъ по поводу междуусобицъ сталъ возваніемъ историческимъ. Въ теченіе двухсотъ лѣтъ до Вахтанга Грузія была истощаема не столько внѣшними вторженіями, сколько внутренними неурядицами. Раздробленіе ея на три царства (Имеретію, Карталинію и Кахетію) и пять княжествъ (Самцхе, Гурія, Мингрелія, Абхазія и Сванетія) потрясло прочныя основы государства и повлекло за собою дальнѣйшее расчененіе отдѣльныхъ владѣній на зависимости провинції (рачинское эриставство въ Имеретіи, ксанское—въ Карталиніи, батумское—въ Гуріи). Ослѣпленные честолюбіемъ владѣтели разоряютъ другъ друга, поощряемые къ своей гибели турками и персами, и доводятъ страну собственными стараніями до полнаго разрушенія. Общіе интересы поглощены стремленіемъ къ удовлетворенію личной мести и своихъ мелочныхъ выгодъ.

Въ такой моментъ раскола ¹¹⁾ среди правителей Грузіи возвышаетъ голосъ поэтъ Гурамишвили, приглашая ихъ къ единению противъ враговъ, къ водворенію порядка въ странѣ, къ прекращенію братоубийственной войны. Онъ указываетъ на причины, ослабившія союзъ западной и восточной Грузіи, устраненіе коихъ укрѣпить связующія ихъ узы. Грузія утратила прежнюю силу вслѣдствіе воцарившихся нравственныхъ пороковъ; „народъ пересталъ чтить Бога въ небесахъ и царя на землѣ; вместо служенія странѣ, стали руководиться личными побужденіями: гордость, мщеніе, нарушеніе крестнаго цѣлованья, воровство, плѣннопродаѣство, грабежъ вдовъ, сиротъ и путниковъ охватили всѣхъ, какъ прилипчивая эпидемія“.

Неуясnenіе себѣ положенія вещей и ослѣпленіе феодаловъ корыстными цѣлями напоминаетъ поэту печальное вавилонское столпотвореніе. Страна была предоставлена собственной горькой участіи; не было человѣка, годнаго и помышляющаго объ ея интересахъ: ложь и притворство заѣли населеніе. Забывъ вѣчные идеалы и завѣты предковъ, подъ страхомъ смерти, временнымъ удовлетвореніемъ своего тщеславія были объяты всѣ. Результатомъ такого грустнаго нравственнаго состоянія явилось пораженіе грузинъ неусыпными ихъ врагами, открыли имъ врата и склонили свои главы подъ ударами, ими-же подготовленными („десятокъ грузинъ уступилъ одному врагу“).

Воспользовались несогласіемъ грузинъ турки, персы, лезгины, осетины, черкесы, дидойцы, кистинцы и каждый изъ нихъ не замедлилъ нанести по одному удару. Такъ соотечественники поэта очутились въ глубокомъ „озерѣ грѣха“, откуда они уже не могли выбраться, не находя столь нужнаго брода. Въ завершеніе бѣдъ, нѣкоторые измѣнили Христу и перешли въ исламъ. „Кто сочтетъ бѣствія Грузіи! Горе видѣвшему ихъ тогда!“ Подобныя внутреннія неурядицы и внѣшнія вторженія разогрѣли въ душѣ Данте патріотическое пламя написать „Адъ“. Грузинскій поэтъ, подобно итальянскому писателю, являясь свидѣтелемъ разлагающейся отъ смертоносныхъ язвъ родины, объятый „тоской, терзающей, какъ острыя иглы, измученное его сердце, набрасываетъ свою скорбную историческую поэму. Къ объективному, патріотическому пессимизму присоединяется личное недовольство, разочарованіе въ жизни: вѣдь его судьба преслѣдовала съ неумолимымъ постоянствомъ. Лишенный родины, претерпѣвъ муки въ плѣну у лезгинъ, съ неимовѣрными трудностями

¹¹⁾ Предисловіе къ изданію „Гураміани“, написанное П. Умикашвили.

прибывъ въ Москву къ царю Вахтангу VI, онъ воскресаетъ духомъ, патріотическія мечтанія его окрыляются. Но, увы, царь умираетъ и онъ остается снова безпріютнымъ сиротой! Планы освобожденія грузинъ отъ иноземцевъ остались лишь сладкимъ призракомъ неосуществившихся надеждъ. Понятно поэтому, что горькій опытъ жизни привелъ его къ убѣжденію, что колесо фортуны вергится съ поразительной измѣнчивостью: „Не вѣрь судьбѣ, она измѣнчива и фальшива, ея не удержиши, какъ-бы ни старался—сегодня даруетъ счастье, но завтра не изѣгнешь бѣды, то вѣтъ она зефиромъ, то разрушительной бурей“. Резюмируя постигшія его невзгоды, онъ восклицаетъ: „Зачѣмъ родила меня мать моя!“ Развѣ это не возгласъ Кальдерона: „самая великая вина человѣка та, что онъ родился“. Его исполненное негодованія и житейской опытности проклятие судьбѣ является весьма характернымъ образчикомъ его творчества, проникнутаго одной суммирующей его міровоззрѣніе пессимистической идеей. Она можетъ быть выражена слова мудраго Соломона: „суета суетъ и всяческая суета“. Судите сами по приведенному мною переводу изъ его „Давитіани“, значительно, впрочемъ, утратившему силу выразительности сравнительно съ оригиналомъ. Отрывокъ этотъ заключаетъ въ себѣ не мало автобіографическихъ указаній и характеризуетъ манеру его скорбной лиры ¹²⁾.

„Не вѣрь судьбѣ, она двулична и лжива: какъ ни старайся, а ея не удержиши; сегодня она веселитъ, а завтра заставитъ плакать; такъ ужъ лучше отказаться вовсе отъ плоти и заботиться только о душѣ.

Свѣтъ и мракъ одинаково исходятъ отъ нея, она непостоянна, измѣнчива; въ одну минуту она посылаетъ тихій вѣтерокъ, а въ другую такую бурю, которая сокрушаетъ корабли; всякая радость, благодаря ей измѣнница, кончается горемъ, и остаться въ однихъ и тѣхъ-же условіяхъ, каковы-бы они ни были, на болѣе или менѣе продолжительное время невозможно.

Знаю я: вѣдь и я въ одно время считалъ себя счастливымъ. Я старался не выпускать изъ рукъ счастья. Но вы видите те-

¹²⁾ Обстоятельную статью о пессимизѣ Д. Гурамишвили помѣстить въ журналѣ „Моамбэ“ [1897, X] М. Болквадзе. Біографія поэта написана Θ. Жорданія. Почтенному автору осталось неизвѣстнымъ помѣстить Д. Гурамишвили. Объ этомъ см. у меня выше.

перь, какъ недоволенъ я судьбою, и какъ сильна тоска, которая гложетъ мое сердце!

Да, мимолетно счастье!

Все, что мнѣ было дано въ началѣ, подъ конецъ было отнято. Я очищалъ нитку, а судьба-измѣнница превратила ее всю въ узлы. Оттого и горитъ мое сердце, какъ щепка въ пламени.

Судьба проклятая, лживая, коварная кинула сѣть мнѣ подъ ноги. Подступила она ко мнѣ съ такими ласковыми, сладкими словами, что я принялъ ее за друга; оказалось, что она заигрывала только со мною, соблазняла меня; и когда я ей проигралъ все, самъ оставилъ ни при чемъ, она-же меня съ насмѣшкой упрекала: „Что ты сдѣлалъ, безумный?“

Откуда, куда она (судьба) меня привела и куда еще ведеть? Не видять меня ни отецъ, ни мать, ни братъ, ни сестра. И дѣтей вѣдь она меня не удостоила.

Взяла судьба все, что было у меня. Сѣти, ею разставленные, опутали меня. Дважды я былъ связанъ врагами, оттого и плачу; слезы туманяютъ мнѣ глаза и день кажется ночью.

Стянула лукъ злодѣйка и вонзила стрѣлу въ самое сердце. Не дала мнѣ ни сына, ни дочери, никто не зоветъ меня отцомъ; вотъ я и сѣль и стала слагать стихи, думаль: они замѣнятъ мнѣ дѣтей.

Вотъ о чёмъ споръ между мной и лживой судьбой: человѣка она тащитъ туда, куда онъ хочетъ, накинувши на шею арканъ; я желалъ имѣть хоть одного сына, не дала, а кому не нужно, дала даже двухъ сразу. Оттого я и заливаюсь горючими слезами; отъ нихъ вся одежда сдѣлалась мокрой.

И всю жизнь свою я плачу, не опредѣлила мнѣ злодѣйка пѣть; преждевременно старѣюсь я, какъ иная не во время расцвѣтшая хилая рѣдька, и гасну безплодно.

Прозябаю я безъ потомства, словно дерево безъ вѣтвей. Горе и тоска отравляютъ мнѣ сердце. Слезы жгутъ мнѣ глаза (далъше слѣдуетъ сравненіе: подобно тому, какъ могильная трава,

смѣшанная съ известкой, жжетъ глаза рыбамъ). И дворецъ представляется мнѣ какъ клѣтка птицъ.

Не надежна судьба: то сырь оть нея, то сухо и жарко; постала она сегодня какую-нибудь радость, такъ не забывай, что сейчасъ-же за этой радостью слѣдуетъ горе. Не вѣрь ей (судьбѣ), обманеть,—лука и не увидишь, а стрѣлу пустить. Завидую тому, кто сумѣлъ идти прямо по жизненному пути.

Судьба то опечалитъ человѣка и заставитъ плакать, то, на-противъ, веселитъ и заставляетъ пѣть. На одномъ чемъ-нибудь человѣку не суждено состарѣться. А въ концѣ-концовъ, какъ сдѣлала изъ глины сосудъ, такъ въ глину и обратить его опять.

Какъ бурное море, волнуется и движется жизнь! За нею по пятамъ идетъ время и нити, ею оставляемыя, обращаетъ въ ткань. А этотъ костлявый, сухой человѣкъ, что ему нужно, чего онъ размахиваетъ косой, что онъ косить? Да, весь блескъ судьбы (счастья) въ сущности чернѣе чернаго, и вотъ причина, почему я недоволенъ ею.

Оттого я и накожусь въ такомъ тревожномъ состояніи, какъ человѣкъ, испытавшій непріятельское нападеніе. Грусть, словно хорошо отточенный ножъ, искромсала мнѣ сердце. Дни мои сократились отъ горя. Все, что я сладкаго когда-нибудь пилъ, превратилось въ горечь. Лиса и шакалъ приготовились пожрать мой трупъ. Теперь иду къ тебѣ, братъ мой, туда, где ты ждешь меня.

Какъ мнѣ успокоиться, какъ могу я сдѣлать для себя пріятное! Я при смерти, душа моя готова разстаться съ тѣломъ.

Говорятъ мнѣ: „не оставайся въ Ахаль-дабѣ¹⁸⁾, иди въ Амоболи“. Но кто присмотрить за моей сиротой, если меня возьмутъ туда?

Скажи, злодѣйка, что выиграла ты въ спорѣ съ Давидомъ? Зачѣмъ съ такимъ злорадствомъ ты ставиши ему на видъ его бездѣлье? Нѣтъ лучше сына, чѣмъ тотъ, который у Давида:

¹⁸⁾ Деревня въ Малороссіи.

Произведенія его—вотъ сынъ его, вотъ оплотъ и противъ враговъ. Я довольноюсь въ качествѣ сына своимъ твореніемъ, если только ему суждено выrostи; а рошу я его для веселыхъ пѣсенъ, если только моя пѣсня въ концѣ-концевъ не превратится въ плачъ (похоронный)“¹⁴⁾.

Печальная пѣсни Гурамишвили льются изъ глубины религіознаго чувства. Какъ истинно уповающій христіанинъ, въ бѣдствіяхъ, постигшихъ Грузію, онъ видить наказанье свыше за отступленіе отъ евангельскаго ученія. Эта особенность его элегиическихъ пѣсней приближаетъ ихъ къ наставленіямъ христіанскаго проповѣдника. Понятно, почему свѣтскому поэту пришлось настроить свою лиру на религіозныя мѣлодіи. Западная Грузія въ это время уже омусульманилась и ахалицкіе аatabеги стали именоваться пашами; въ восточной Грузіи цари и дворяне нерѣдко украшали себя чалмой и принимали исламъ, и такимъ образомъ расшатали основы, на которыхъ держалась маленькая христіанская страна въ борьбѣ съ послѣдователями Магомета. Вотъ тотъ чистый родникъ, откуда черпаетъ поэтъ свои прочувственные мотивы. Религіозный тонъ не сообщаетъ, однако, его произведеніямъ иноческій или аскетическій характеръ. Поэзія его прикрѣплена всѣми корнями къ жизни дѣйствительной, потребностямъ народа. Онъ не отшельникъ, а боецъ за насажденіе правды, человѣколюбія и христіанской чистоты въ сердцахъ своихъ соотечественниковъ. Поэтъ обращаетъ взоры человѣка къ его внутреннему миру, побуждая его къ критическому отношенію къ собственнымъ поступкамъ и помысламъ. Онъ внушиаетъ мысль, что безъ любви къ правдѣ и долгу человѣкъ—жалкая вещь, которую малѣйшее дуновеніе вѣтерка обращаетъ въ ничто. Ему хочется направить умы отъ временныхъ интересовъ, суety преходящей къ вѣчнымъ идеаламъ справедливости и гуманности.

Его произведенія при томъ не лишены чертъ, характеризующихъ извѣстную эпоху въ жизни Грузіи. Современники, безъ сомнѣнія, живо понимали смыслъ лирическихъ вздоховъ и стений поэта. Его „Молитва“ была выраженіемъ испытавшаго грузинами чувства упованія въ плѣну у различныхъ иновѣрцевъ. Онъ внесъ слова „Отче нашъ“ въ свои „ямбические стихи“ (въ началѣ каждой строчки по одному или нѣсколько словъ) и примѣняетъ ихъ къ своему горестному по-

¹⁴⁾ Къ числу наиболѣе звучныхъ и глубокихъ по идеѣ стихотвореній относятся: „Прославленіе Творца“ [стр. 146] и „Плачъ Давида надъ судьбой“ [стр. 152].

ложењю, истомившему его голодомъ въ плѣну. Онъ молить Царя небеснаго не оставлять его безъ покровительства и милости, даровать ему пропитаніе, „какъ онъ послалъ израильтянамъ“, дать ему силы противъ недруговъ, отвлечь отъ него угрожающую гибель, морскую пучину бѣствій и спасти отъ зла, открыть ему путь, какъ Моисею при переходѣ чрезъ Красное море. Эта молитва Гурамишвили могла быть пѣснопѣniемъ истерзанного врагами народа. Воспроизведемъ еще одну его пѣсню въполномъ видѣ. Она выражаетъ его религіозное чувство, приближающееся къ пантейстическому воззрѣнію. Смысьль ея станетъ яснѣе, если вспомнить, что она написана въ плѣну, когда онъ въ странѣ невѣрной лишился лицезрѣнія своей милой, терпѣлъ холодъ и пребывалъ во мракѣ ¹⁵⁾.

„Вдали отъ тебя, о, солнце, я плачу и рыдаю. Морозъ и мятель донимаютъ меня. Освѣти и согрѣй меня (два раза).

Я плачу о томъ, что не видно лица твоего, о, солнце, солнце. Ты очень нарядно и достойно всякихъ восхваленій. Освѣти и согрѣй меня.

Не превращай, о, солнце, погоды въ ненастье; не бросай ты меня послѣ мороза въ раскаленные уголья: обожжетъ меня ихъ жарь. Освѣти и согрѣй ты меня.

Ты большая рѣдкость (драгоцѣнность), о, солнце. Мудрецы воспѣвали тебя. Ты даръ свыше. Освѣти и согрѣй меня.

Порадуй меня, о, солнце, своимъ появлениемъ. Одѣнь меня въ новые одежды. Не грѣть меня ветхая шуба. Освѣти и согрѣй меня.

Взгляни на меня, о, солнце, и покажи свое блестательное лицо. Не дай мнѣ замерзнуть. Барукъ ¹⁶⁾ восхваляетъ теплоту твоихъ лучей. Освѣти и согрѣй меня.

У взирающаго на тебя съ цѣлью познать тебя, кружится

¹⁵⁾ Ему принадлежитъ рядъ пѣсенъ, переведенныхъ съ русскаго и малорусскаго и сохранившихъ русскія заглавія: „Не дамъ покою, пойду съ тобою“; „Что за причина, всегда кручинा“; „Ахъ, какъ скучно“; „Улетѣла за зулька чрезъ дубину“; „Полно, полно, не прощайся“; „Весна, весна“ и др.

¹⁶⁾ Грузинскій поэтъ, современникъ Гурамишвили.

голова; онъ теряетъ разсудокъ. Онъ не въ состояніи устремить на тебя взоръ. Ему невѣдомы пути твои.

Какъ-бы краснорѣчиво (соб., музыкально) человѣкъ ни воспѣвалъ тебя, какъ-бы красиво онъ ни восхвалялъ твою мудрость, онъ не въ состояніи воздать должное. Ему не вѣдомы пути твои.

Тебя, создавшаго солнце, онъ уподобляетъ солнцу и обращаясь къ нему, воспѣваетъ тебя. Но пути твои ему невѣдомы.

Только тотъ, кто любить и почитаетъ тебя, хотя и не знаетъ, гдѣ ты; только тотъ, кто готовъ въ угоду тебѣ сжечь свое тѣло, познаетъ путь твой.

Ты освѣщаешь вверху неба—твѣрдь, внизу---сушу, море, ручейки; но отъ моихъ глазъ ты укрылось за тучами, и я долженъ искать тебя разумомъ своимъ.

Меня сильно удивляетъ то обстоятельство, что ты минуешь меня тогда, когда я и безъ того горю, а когда и мнѣ холодно, ты, напротивъ, посылаешь мнѣ тихій вѣтерокъ. Я принужденъ искать тебя разумомъ своимъ.

Ты создало и послало меня на свѣтъ Божій, но ты же покрыло глаза мои какой-то сѣткой, и мнѣ трудно лицезрѣть тебя. Я долженъ искать тебя разумомъ своимъ.

Хотя я и близорукъ, но мысль моя достигаетъ до тебя, съ земли на небо. Ты Спаситель мой! Я ишу тебя разумомъ своимъ.

Молю тебя, о, солнце, удостоить меня слѣдующей милости: открой мнѣ, слѣпому, глаза, укажи мнѣ пути твои“.

Помимо воззванія къ истинѣ и любви въ поэзіи Гурамишвили слышится еще одна нота, придающая его творчеству такой оттѣнокъ, который можетъ быть названъ облагораживающей человѣка мелодіей по преимуществу. Поэтъ, хорошо зная по наблюденію, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводить увлеченіе страстью, чувствительностью, требуетъ подчиненія сердечныхъ порывовъ голосу разсудка, господства ума надъ серд-

цемъ. Эта идея проходитъ чрезъ идилію „Пастухъ Кацвія“¹⁾). Въ этомъ художественномъ произведениі пастухъ является образомъдержанного человѣка, который любимой и влюбленной въ него дѣвушкѣ даетъ благоразумный совѣтъ прежде всего познакомиться по-глубже и открыть причину взаимныхъ симпатій. Онъ по-онѣгински предостерегаетъ ее отъ опасныхъ увлечений и напоминаетъ ей о правилахъ церковныхъ и житейскихъ, вполнѣ признавая согласнымъ природѣ супружеское сожительство. Пастухъ приводитъ въ примѣръ своего отца, который, не сумѣвъ воздержаться отъ страстей, сдѣлался впослѣдствіи предметомъ осмѣяній. Онъ желатъ-бы подражать отцу своему, а предварительно считаетъ необходимымъ переговорить съ послѣднимъ. Отецъ даетъ ему согласіе на бракъ и въ поученіе указываетъ на Адама и Еву, потерявшихъ рай въ силу сердечныхъ влечений, и дѣтей Авеля, отучившихся искать внутренней красоты, будучи остыплены внѣшнимъ блескомъ. Эти нравоучительные примѣры поэта были не бесполезны для современного ему общества, гдѣ руководство личными вожделѣніями и „несогласіе между отцомъ и сыномъ“ привели страну на край гибели. Такія идеи, проникающія творчество Гурамишвили, и дѣлаютъ его проповѣдникомъ обновленія Грузіи въ нравственномъ и гражданскомъ отношеніяхъ.

Что касается до художественной формы его произведеній, то ему пришлось ее создать въ отличіе отъ установившейся со временемъ Руставели и героическихъ повѣстей. Къ его времени появилась „теорія поэзіи“ *Джашиники*, принадлежащая перу Мамуки Бараташвили. Этотъ грузинскій Буало требуетъ для оставленія памяти въ потомствѣ воспѣвать поучительные сюжеты (притчи, наставленія, воинскіе подвиги) и воздерживаться отъ „татарскихъ“ сказаний и пѣснопѣній въ честь женской красоты. Если ужъ хочется поэту посвятить стихи прекрасному полу, то пусть онъ вдохновляется темами супружеской вѣрности и любви; другими словами, поэзія должна была носить дидактическій характеръ. Гурамишвили про никся этой теоріей, хотя нельзя сказать, чтобы ей стѣдоваль исключительно безусловно. Въ тѣхъ стихотвореніяхъ (напр., вторая половина „Пастуха Кацвія“), гдѣ онъ не стѣсняетъ себя требованиями de l'art po tique, онъ достигаетъ большей искренности и правдивости изложенія, облеченного въ очень тонкую, изящную форму.

¹⁾ Собств. „Кацвія“ означаетъ въ переводѣ тернъ, иглу терноваго дерева.

Языкъ его отличается простотой, но выразительностью, отсутствиемъ вычурности, но захватывающей глубиной лирическихъ движений. Онъ первый внесъ въ стихотворную поэзию элементы простонародной рѣчи, ¹⁸⁾ ограничивъ господствующее влияніе стиля церковно-богослужебныхъ книгъ въ свѣтской литературѣ. Онъ въ области поэзіи произвелъ ту реформу, которая въ проѣзѣ была предпринята С. С. Орбеліани, авторомъ остроумныхъ и мѣткихъ басенъ. Къ сожалѣнію, сближеніе литературного и народного языка было пріостановлено произведеніями плодовитаго писателя Антонія I, католикоса Грузіи. Точно также стихотворные размѣры подъ перомъ Гурамишвили достигли такого разнообразія и легкости, какіе намъ неизвѣстны были до его времени. Не мало влиянія въ этомъ отношеніи оказalo на Гурамишвили знакомство его съ русскими народными пѣснями. Онъ первый внесъ въ искусственную поэзию размѣръ народнаго стихосложенія.

Н. Чахаковъ.

---

¹⁸⁾ Любопытно, что онъ очень послѣдовательно отличаетъ употребленіе двухъ груз. *х*, и *у* него вовсе отсутствуютъ *he* и *у* смягченное. Встрѣчается у него частица *qe* (стр. 10,24), характеризующая нынѣ сигнахскій говоръ.

Боевое прошлое Съвернаго Кавказа^{*)}.

(Окончание).

Въ горномъ Дагестанѣ тѣснились разнообразныя народности. Пересѣченная мѣстность, не имѣющая въ этомъ отношеніи себѣ равной,¹⁾ разобщала настолько отдѣльные общества, что даже родственные языки вырождались въ особыя нарѣчія. Масса населенія и въ Дагестанѣ считала себя уздынями—свободными. Пѣнники, какъ и въ другихъ мѣстахъ Кавказа, обращались въ рабство.

Въ Дагестанѣ наиболѣе сильными народностями являлись аварцы, лаки и кумыки. Прошлое Аваріи теряется въ сѣдой старинѣ; нѣкоторые утверждаютъ, что это потомки древнихъ аваровъ и гунновъ, наводившихъ ужасъ на Европу. Большая часть аварцевъ группировалась около наслѣдственной фамиліи правителей—нуцаловъ, укрѣпившихъ въ Хунзахѣ, и образовала ханство. Аварскіе нуцалы (ханы) были весьма популярны на Кавказѣ и поддержкой ихъ старались заручиться другие горцы.

Лаки (лезгины) наводили страхъ на Закавказье. Когда зеленое знамя пророка подвинулось на съверъ отъ Дербента, то

^{*)} См. „Кавк. Вѣсти.“, № 2.

¹⁾ Не лишнее указать на замѣчательную особенность поверхности Дагестана. Главнѣйшия горные хребты направляются съ съверо-запада на юго-востокъ; между тѣмъ главнѣйшія рѣки текутъ въ перпендикулярномъ направлениі къ горнымъ цѣпямъ, съ юго-запада на съверо-востокъ.

арабскимъ завоевателямъ пришлось не мало употребить усилий къ покореню хотя разрозненныхъ, но чрезвычайно свободолюбивыхъ горцевъ. Главный лакский аулъ Кумухъ, наоборотъ, принялъ сторону арабовъ и помогалъ имъ распространять въ краѣ магометанство. Жители получили наименование непобѣдимыхъ воиновъ за вѣру, гази или кази; такимъ образомъ, образовалось название кази-кумухцевъ.

Новымъ своимъ поборникамъ арабы оставили правителя съ титуломъ шамхала и ватія (намѣстника) Дагестана. Впослѣдствіи шамхалы перенесли свою резиденцію изъ Кумуха въ Тарки и потеряли значеніе среди лезгинъ. Имъ остались покорны лишь жители прилегавшей къ Таркамъ плоскости. Съ теченіемъ времени одни изъ боковыхъ отраслей шамхала были призваны въ Кумухъ правителями подъ именемъ сначала хахлавчи, а потомъ хановъ.

Нѣсколько аварскихъ и кумыкскихъ (шамхальскихъ) ауловъ отложились отъ своихъ владѣльцевъ и соединились подъ главенствомъ нѣкоего Мехти, отъ имени которого и получило название маленькое мехтулинское ханство. Здѣсь резиденцію владѣльца былъ аулъ *Джениутай*.

Арабы оставили послѣ себя еще слѣдующихъ правителей: уцмія кайтагского и маасума табасаранского.

Земли первого врѣзывались между владѣніями шамхала и дербентскаго хана. Свободолюбивые горные даргинцы не особенно чествовали уцмія и потому онъ съ горъ верхняго Кайтага спустился въ Маджлисъ поближе къ Кара (нижнему) Кайтагу.

Сѣверная часть Табасарани, такъ называемая „вольная“, не признавала власти маасума и управлялась кадемъ, который выбирался изъ потомковъ первого кадія.

Всѣ перечисленные владѣльцы далеко не захватывали подъ своею властью всего народонаселенія Дагестана. Нѣкоторые изъ вольныхъ ауловъ составляли отдельные союзы. Наиболѣе замѣчательные изъ нихъ— Даргинскій, Акуша, Даргуга, Анкратль и Андаляль.

Въ то время, какъ адиге и чеченцы пользовались вполнѣ достаточными земельными угодьями, большинство дагестанцевъ бѣствовало на бесплодныхъ горахъ. Лишь стадо неприхотливыхъ овецъ, да нечеловѣческій трудъ обездоленныхъ дагестанскихъ женщинъ давали горцамъ возможность не умирать съ голоду. При такихъ условіяхъ невольно зарождалось желаніе обогатиться на счетъ болѣе счастливыхъ сосѣдей.

Дѣйствительно, аварскіе и кази-кумухскіе ханы, время отъ

времени, собирали толпы суровыхъ воинственныхъ и голодныхъ горцевъ, срывались съ вершинъ и опустошительнымъ потокомъ проносились въ долины Алазани, Куры и даже Аракса...

„Они повсюду страхъ приносятъ;
Украсть, отнять—имъ все равно;
Чихирь и медъ кинжаломъ просятъ
И пулей платятъ за пшено.
Изъ табуна-ли, изъ станицы
Любого уведутъ коня;
Они боятся только дня
И ихъ владѣньямъ нѣтъ границы“.

(Лермонтовъ, „Измайлъ-бей“).

У черкесовъ и чеченцевъ поселенія строились на живую нитку. Перекочевать всей Кабардѣ за Кубань или переселиться чеченскому аулу было дѣломъ совсѣмъ обыденнымъ. Аулы горныхъ дагестанцевъ отличались сравнительно монументальностью. Они лѣпились обыкновенно въ трудно доступныхъ мѣстностяхъ, поднимаясь по горѣ амфитеатромъ. Постройки каменные. Улицы чрезвычайно узки; кромѣ того, нѣкоторыя сакли, съ цѣлью прегражденія пути ворвавшемуся непріятелю, помѣщены поперекъ улицъ. Зачастую селенія обнесены стѣной и башнями.

Обыкновенно каждый аулъ представлялъ собою замѣчательную крѣпость, взять которую можно было путемъ отчаянного кровопролитія.

„По военнымъ способностямъ, пишетъ К. С. Соловьевъ ²⁾, дагестанские горцы далеко превосходятъ соѣдей своихъ чеченцевъ.

При атакахъ они не столь быстры и дерзки, какъ чеченцы, но за то превосходятъ ихъ стойкостью и, въ крайнихъ случаяхъ, рѣшимостью; при защищѣ селеній они осиариваютъ каждую саклю до послѣдней крайности“.

Христіанство, пустившее глубокіе корни въ Арmenіи и Иверіи, проникало и на Сѣверный Кавказъ. Въ особенности дѣло распространенія ученія Христа подвинулось на Западномъ Кавказѣ въ царствованіе императора Юстиніана. Горцы не препятствовали греческимъ священникамъ строить церкви и часовни, водружать на возвышенныхъ мѣстахъ кресты. Они даже съ благо-

²⁾ „Военное обозрѣніе Дагестанской обл.“, К. С. Соловьева, вып. I, стр. 76. Окольничий „Военный сб.“ 1859 г.

говѣніемъ относились къ этимъ сооруженіямъ и нѣкоторымъ святымъ; но въ душѣ оставались все-же язычниками. Книги священного писанія никогда не были переведены на туземные языки ³⁾; богослуженіе производилось по-гречески. Христіанство находилось въ строгой зависимости отъ Византіи, съ паденіемъ которой угасъ источникъ евангельского свѣта для Кавказа. Угасъ тогда, когда туземцы не успѣли еще освободиться изъ переходного состоянія отъ язычества къ христіанству; первое имѣло болѣе глубокіе корни, чѣмъ постѣднее.

Кровавая месть, многоженство—все это уживалось рядомъ съ христіанствомъ. Дѣтей крестили очень поздно, лѣтъ восьми. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мнимые христіане ранѣе шестидесяти лѣтъ не входили въ церковь, опасаясь осквернить ее своимъ присутствіемъ, такъ какъ всѣ живутъ грабежемъ...

На Сѣверномъ Кавказѣ не было національной церкви, не было и правительства, которое оберегло бы народъ отъ увлечений въ переходный періодъ ихъ вѣрованій. Фанатичные арабы, ворвавшись въ Дагестанъ, успѣли завоевать разрозненные горные общества и силою оружія заставили обратиться въ магометанство.

Ученіе пророка, постепенно двигаясь, захватило и Чечню.

Въ странѣ черкесовъ христіанство, хотя номинально, еще долго держалось и лишь усиленная пропаганда турокъ и крымскихъ татаръ заставила ихъ признать себя магометанами. Дикимъ, кровожаднымъ фаназерамъ Предкавказья и Дагестана магометанство пришло по плечу, тѣмъ болѣе, что не мусульмане, христіане, сливались съ дѣйствительными врагами горцевъ, пришедшими стѣснить ихъ вольности, отбирать ихъ земли.

Магометанство пустило глубокіе корни въ Дагестанѣ и повлияло на общий строй этой области. Прежде жизнь горцевъ регулировалась лишь обычаями, „адатами“, магометанско духовенство старалось вытѣснить ихъ и замѣнить „шаріатомъ“. Пользуясь интересными данными, собранными А. В. Комаровымъ ⁴⁾, я, сравнительно болѣе остановлюсь надъ описаніемъ дагестанскихъ адатовъ, какъ вылившися въ болѣе стройную систему.

Съ принятіемъ магометанства ⁵⁾ явились о многомъ новыя понятія и новыя отношенія въ союзѣ семейномъ, для которыхъ

³⁾ П. Усларъ. „Нач. хр. въ Зак. и на Кавк.“, стр. 21, вып. II „Сбор“.

⁴⁾ „Адаты и судопроизводство по нимъ“, А. В. Комарова, въ „Сборнике о кавк. горцахъ“, № 1.

⁵⁾ Стр. 5—6.

старые адаты оказались уже несостоительными; судопроизводство по необходимости распалось на судъ по шаріату и на судъ по адату.

По шаріату стали рѣшать всѣ дѣла, касающіяся религіи, семейныхъ отношеній, настѣдства, за исключеніемъ дѣлъ по настѣдству между потомками владѣтельныхъ фамилій, рѣшаемыхъ по особымъ адатамъ.

Дѣла-же уголовныя, по нарушенію права собственности, общественныхъ постановленій и т. п., продолжали рѣшаться по прежнимъ адатамъ, къ которымъ прибавились и адаты, опредѣляющіе наказанія за нѣкоторыя преступленія и поступки противъ правилъ религіи.

Въ тѣхъ частяхъ края, где аравитяне поставили правителей, сохраненіе адата было выгодно для самихъ правителей, которые, не имѣя вначалѣ достаточной силы и средствъ къ уничтоженію суда по адату, впослѣдствіи сами нашли въ немъ поддержку и упроченіе своей власти.

Изученіе корана и вообще мусульманскаго законовѣдѣнія, довольно запутанного, представляло, даже для людей, исклучительно посвятившихъ себя этому, непреодолимыя затрудненія, тогда какъ примѣненіе адата не требовало особыхъ познаній, и всякое дѣло, на которое нѣть прямого рѣшенія въ шаріатѣ, легко кончается по адату большинствомъ голосовъ.

До какой степени судъ по адату соотвѣтствуетъ духу и потребностямъ народа, лучшимъ доказательствомъ можетъ служить неудавшееся стремленіе Шейхъ-Мансура, Кази-Магомы (Кази-Муллы) и Шамиля замѣнить его вполнѣ судомъ по шаріату.

Въ прокламаціи Шейхъ-Мансура, посланной къ народамъ Дагестана съ Востока на Западъ, между прочимъ сказано ⁶⁾: „тотъ, кто рѣшаетъ дѣла по адату, дѣлается нѣкоторымъ образомъ соучастникомъ Бога, или какъ будто равняется ему въ рѣшеніи дѣлъ, тогда какъ никто не можетъ сравняться съ Богомъ; кто-же воображаетъ, что онъ какъ будто-бы равняется ему, тотъ—невѣрный“.

Но и это торжественное указаніе не подѣйствовало на дагестанцевъ, которые продолжали держаться за свои адаты.

Судъ по адату производился въ каждомъ селеніи особыми лицами, называемыми по-кумыкски картами. Карты выбирались по большинству голосовъ преимущественно изъ влиятельныхъ въ селеніи фамилій (тохумовъ), пользовавшихся иногда этимъ пра-

⁶⁾ Стр. 6—7.

вомъ наследственно; въ другихъ селеніяхъ они избирались по одному изъ каждого тохума.

Общій взглядъ⁷⁾ на преступленіе и наказаніе и на способы доказательства виновности, образовавшійся подъ вліяніемъ духа мусульманской религії,—одинъ для всего Дагестана: вездѣ убийство наказывается кровомиценіемъ или примиреніемъ на извѣстныхъ условіяхъ; вездѣ дозволяется безнаказанно убить: вора, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, грабителя, ближайшую родственницу, замѣченную въ любовной связи; вездѣ раненый лѣчится на счетъ ранившаго; уличенный въ похищеніи имущества обязанъ возвратить украденное и т. п.

Играющая столь важную на судѣ роль очистительная присяга употребляется дважды родовъ: 1) именемъ Бога (по шаріату); и 2) Хатунъ-Таллахъ или Кебинъ-Таллахъ, когда присягающей клянется, что если онъ скажетъ неправду, то бракъ его незаконенъ.

Если у присягателя не сколько женъ⁸⁾, то онъ обязанъ предварительно указать, на которую изъ нихъ онъ присягаетъ. Въ случаѣ ложной присяги, жена обязана уйти отъ мужа, получивъ все ей слѣдуемое, какъ при добровольномъ разводѣ.

За всѣ преступленія и поступки адѣть опредѣлять слѣдующія наказанія:

1) Изгнаніе изъ селенія съ предоставлениемъ обиженному и ближайшимъ его родственникамъ права убить безнаказанно изгоняемаго или простить его на извѣстныхъ условіяхъ. Этотъ видъ наказанія принято называть выходомъ въ канлы. Выходъ въ канлы всегда сопровождался опредѣленнымъ имущественнымъ взысканіемъ въ пользу обиженнаго или его наследниковъ. Наказаніе это въ некоторыхъ случаяхъ усиливалось тѣмъ, что виновный изгонялся не одинъ, а съ опредѣленнымъ числомъ ближайшихъ родственниковъ или со всѣмъ семействомъ, живущимъ въ одномъ стъ нимъ домѣ.

2) Изгнаніе изъ селенія на опредѣленный срокъ, но безъ предоставления обиженному права убить изгоняемаго. По прошествіи срока, изгнанному вмѣнялось въ обязанность, прежде возвращенія домой, примириться съ обиженнымъ имъ и сдѣлать для него и его родственниковъ приличное угощеніе. Кромѣ изгнанія, виновный подвергался и денежному взысканію въ пользу обиженнаго.

⁷⁾ Стр. 9—19.

⁸⁾ Стр. 19—20.

3) Взысканіе деньгами или имуществомъ съ виновнаго въ пользу обиженнаго опредѣляется за безчестье, раны,увѣчье и воровство. Размѣръ этого взысканія зависитъ отъ важности дѣла.

4) Штрафъ деньгами или имуществомъ взыскивается за всѣ безъ исключенія преступленія и поступки, независимо наказанія первыхъ трехъ видовъ. Штрафъ взыскивается при решеніи дѣла въ штрафную, въ общественную сумму селенія, къ которому принадлежитъ виновный или где имъ сдѣлано преступленіе, и въ пользу картовъ и другихъ членовъ сельскаго управления.

Къ безусловной смертной казни по адату никто не присуждался⁹⁾; но какъ выше указывалось, были случаи, въ которыхъ предоставлялось право убивать виновнаго безнаказанно всякому, кто захочетъ и можетъ это сдѣлать.

Напримеръ, въ Гидатль за умышленный поджогъ моста виновный подвергался штрафу въ 100 котловъ, изгонялся изъ общества и считался кровнымъ врагомъ всѣхъ и для каждого какъ убийца.

Въ магалѣ Терекеме, Кайтаго-Табасарайскаго округа, если женщина бѣжала отъ мужа и по полученіи развода не захотѣла выйти замужъ за того, къ которому бѣжала, то считалась канлы всему обществу.

Кровомщеніе допускалось между лицами одного сословія¹⁰⁾. На этомъ основаніи бекъ, убившій узденя незначительного рода (тохумы), подвергается только изгнанію на короткій срокъ (три мѣсяца), по истеченіи котораго родственники убитаго обязаны за определенное вознагражденіе съ нимъ примириться безъ соблюденія обрядовъ, установленныхъ адатомъ для примиренія.

За убійство раба виновный обязанъ только уплатить владельцу высшую плату, какая полагается при оцѣнкѣ рабовъ. Рабъ, убившій узденя или бека, не подвергался кровомщенію; за него выходитъ въ канлы его владѣлецъ.

Примирившійся убийца считался кровнымъ братомъ (канъ-карданъ), т. е. замѣнялъ собою убитаго имъ въ его семействѣ. Ему вмѣнялось въ обязанность какъ можно чаще посещать могилу убитаго и вообще оказывать всевозможныя услуги его родственникамъ.

Съ принятіемъ магометанства, кровомщеніе, дозволенное ко-

⁹⁾ Стр. 21.

¹⁰⁾ Стр. 21, 24, 35.

раномъ, еще болѣе утвердилось¹¹⁾, какъ одобряемое новою религіею.

Въ подтвержденіе необыкновенной жестокости кровомщенія можно указать на слѣдующіе примѣры¹²⁾: 1) въ селеніи Гадаръ [Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа] кровомщеніе между двумя тохумами, начавшееся, вслѣдствіе убийства въ ссорѣ, за курицу, длилось болѣе двухсотъ лѣтъ. 2) въ Андіи есть небольшой хуторъ Цибильда. По преданію, лѣтъ полтораста тому назадъ, на этомъ мѣстѣ было довольно большое и богатое селеніе, жители которого дѣлились на два тохума. Разъ въ празднікъ Курбанъ-Байрама молодежь вышла для состязанія въ стрѣльбѣ въ цѣль; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ завязался споръ, перешедшій въ драку, въ которой случайно былъ убитъ одинъ изъ молодыхъ людей; родственники его сейчасъ же бросились на убийцу, отчего завязалась общая свалка между обоими тохумами. Когда въ селеніи сдѣлалось известнымъ, что есть убитые съ обѣихъ сторонъ, то взялись за оружіе и старики, и женщины и началось поголовное истребленіе. Рѣзня продолжалась нѣсколько дней и изъ всего селенія остались въ живыхъ только четыре человѣка.

При совершенніи брака женихъ долженъ былъ дать невѣстѣ калымъ и кебинъ-хаккъ.

Калымъ заключался въ верхней одеждѣ, надѣваемой невѣстою въ день свадьбы, постели, подушкахъ и одѣялахъ. Все это поступало въ полную собственность невѣсты и отбиралось отъ нея только въ томъ случаѣ, если она впослѣдствіи сама по своему собственному желанію оставляла мужа. У аварскихъ племенъ калымъ не давался.

Кебинъ-хаккъ есть обезпеченіе, которое женихъ давалъ невѣстѣ на случай развода съ ней или своей смерти. Кебинъ-хаккъ большею частью не отдавался невѣстѣ или ея родственникамъ, а только вносился въ брачное условіе и взыскивался съ мужа, когда онъ дастъ разводъ женѣ или послѣ его смерти. Величина кебинъ-хакка зависѣла отъ условія, причемъ принимались въ соображеніе состояніе, связи, лѣта и проч. жениха и невѣсты и ихъ родителей. Вообще же наблюдалось, чтобы невѣста получила кебикъ-хаккъ не менѣе того, который получила ея мать при выходѣ въ замужество за ея отца.

Въ случаѣ отказа со стороны невѣсты подарки должны быть возвращены жениху вдвое¹³⁾.

¹¹⁾ Стр. 44.

¹²⁾ Стр. 44.

¹³⁾ Стр. 51 и 53—54.

Несмотря на легкость заключения браковъ, въ Дагестанѣ довольно сильно развитъ былъ обычай похищать или увозить невѣстъ. Увозъ женщинъ и девушекъ рассматривался адатомъ, какъ обида родителямъ или опекунамъ женщины и какъ нарушение общественного спокойствія и порядка.

При преслѣдованіи бѣжавшей, ея родственники могли безнаказанно убить какъ ее, такъ и похитителя; но бѣжавшіе могутъ найти убѣжище въ каждомъ домѣ (въ Кайтагѣ и Табасараніи девушка, спасшаяся отъ преслѣдованія въ домѣ бека, становилась его рабою (каравашь). Никто не долженъ былъ отказывать имъ въ пріютѣ, до примиренія съ родственниками. Хозяинъ дома, въ который скрылись бѣжавшіе, обязанъ былъ немедленно развести ихъ по разнымъ помѣщеніямъ. За неисполненіе этой предосторожности онъ подвергался штрафу.

При побѣгѣ женщины къ какому-нибудь мужчинѣ, послѣдній обязанъ былъ на ней жениться или принять, съ опредѣленнымъ числомъ родственниковъ, очистительную присягу въ гомъ, что онъ не былъ въ любовной связи съ бѣжавшей къ нему женщиной. Въ случаѣ женитьбы онъ обязанъ былъ дать калымъ и кебинъ-хаккъ, но въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, принятомъ въ обществѣ, къ которому принадлежитъ бѣжавшая.

Увозъ по обоюдному согласію женщинъ, имѣющихъ женниковъ и замужнихъ, считается тяжкимъ оскорблениемъ для женниковъ и мужей, и виновные оба подлежатъ изгнанію, какъ канлы по убийству; но право преслѣдовать ихъ предоставляется только обиженному и его братьямъ¹⁴⁾.

Всякая любовная связь и прелюбодѣяніе съ женщиной рассматриваются адатомъ, въ сущности, на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и увозъ женщинъ по ихъ согласію, и наказанія, за нихъ налагаемыя, тѣ-же самыя¹⁵⁾.

Пойманыхъ ближайшими родственниками въ прелюбодѣяніи на мѣстѣ преступленія дозволяется убить тутъ-же, но не иначе, какъ обоихъ виновныхъ. Мужъ, убившій любовника и пощадившій жену, подвергается кровомщенію со стороны родственниковъ имъ убитаго, какъ и за всякое другое убийство¹⁶⁾.

Дѣла по изнасилованію женщинъ разбираются только въ томъ случаѣ, если изнасилованная огласила объ этомъ крикомъ въ селеніи¹⁷⁾.

¹⁴⁾ Стр. 54, 55 и 56.

¹⁵⁾ Тамъ-же.

¹⁶⁾ Тамъ-же.

¹⁷⁾ Тамъ-же

За мужеложство съ насилиемъ дозволяется насилиему убить виновнаго безнаказанно¹⁸⁾.

Скотоложство не считается особымъ преступлениемъ и въ большей части края за него никакого взысканія, кромѣ штрафа, не определено адатомъ.

Въ тѣхъ-же мѣстахъ, где случаи скотоложства разбирались часто, положено взысканіе съ виновнаго только въ пользу хозяина скотины. Такъ, напр., въ микагинскомъ и хюркелинскомъ обществахъ, Даргинского округа, хозяинъ скотины получаетъ съ виновнаго въ скотоложствѣ, доказанномъ свидѣтелями, одну пару поршней, да и то взысканіе это дѣлается только съ совершеннолѣтнихъ (въ этомъ случаѣ совершеннолѣтие считается съ 15 лѣтъ).

Запрещается даже въ собственномъ саду срывать и есть виноградъ раньше времени, которое будетъ назначено управлениемъ селенія¹⁹⁾; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это-же запрещеніе распространяется на кукурузу, грецкіе орѣхи и другіе фрукты. Только въ случаѣ приѣзда въ селеніе почетнаго гостя дозволяется для его угощенія сорвать нѣсколько спѣлыхъ фруктовъ или винограда. Всякий, изобличенный въ нарушеніи этихъ адатовъ, подвергается штрафу, который большею частью состоитъ въ томъ, что лица, наблюдающія за порядкомъ въ селеніи (тургаки, чоуши, карты и т. п.), берутъ въ пользу общества какую-либо скотину, принадлежащую виновному.

Кровожадность при расправѣ съ врагами, мстительность, полное своеволіе и хищничество не исключали въ кавказскихъ горцахъ хорошихъ сторонъ. Храбрость, отзывчивость къ вопросамъ чести, родственная любовь дѣлали изъ горца рыцаря далекаго старого времени, когда дамскій күльть еще не пустить глубокіе корни. Конечно, магометанство и романическое отношеніе къ женщинѣ понятія несовмѣстимыя; но у горцевъ нельзя было отрицать этихъ чувствъ.

Лица, изучавшія бытъ кавказцевъ, знаютъ, что самоубійства изъ-за нераздѣленной и неудовлетворенной любви встречаются до послѣдняго времени нерѣдко среди горцевъ, обѣ отношеній которыхъ къ женщинамъ сложилось у насъ крайне невыгодное уображеніе.

¹⁸⁾ Стр. 54—55—56.

¹⁹⁾ Стр. 61.

Въ пѣсняхъ черкеса, чеченца и дагестанца восхваляются не только острый булатъ и лихой наездникъ, но и ясныя очи, волнистая кудри, стройный станъ и блестящая грудь возлюбленной. Да и можно-ли повѣрить, чтобы горянки, вдохновившія Пушкина и Лермонтова къ созданію „Кавказскаго плѣнника“ и „Беллы“, могли служить лишь наложницами и выочныхими животными...

Женская честь, ея сохранность здѣсь дороги не только мужу, но и всѣмъ родичамъ. Горе попавшемуся въ прелюбодѣяніи! Кавказскія ущелья и пропасти не мало пріотили труповъ, жертвъ ревности и охраны чистоты супружескаго ложа. Въ качествѣ мстителей являлись не только мужья, но и братья, и сыновья, и другіе родственники.

Чувство собственнаго достоинства было такъ сильно развито у нѣкоторыхъ горцевъ, что незначительный съ ихъ стороны промахъ въ этикетѣ, какая-нибудь неловкость или случайное неприличіе до того ихъ роняло въ собственныхъ глазахъ, что они рѣшились лучше погибнуть отъ собственной руки, чѣмъ краснѣть передъ знакомыми.

Нельзя не отмѣтить еще одного явленія. Кавказскіе горцы, оставаясь дикими, были, однако, настолько привлекательными, что многіе и притомъ образованные и родовитые русскіе впослѣдствіи, во время великой кавказской войны, сводили куначество съ горцами, ставили себѣ ихъ за идеалъ и старались во многомъ имъ подражать, копируя ихъ костюмъ, поступь, манеры и внутреннюю жизнь...

Для характеристики былыхъ кавказскихъ горцевъ вспомнимъ обликъ, нарисованный незабвеннымъ поэтомъ Кавказа Лермонтовымъ въ „Измаилъ-бѣѣ“.

„И дики тѣхъ ущелій племена;
Имъ Богъ — свобода, ихъ законъ — война;
Они ростуть среди разбоевъ тайныхъ,
Жестокихъ дѣлъ и дѣлъ необычайныхъ.
Тамъ въ колыбели пѣсни матерей
Пугаютъ русскимъ именемъ дѣтей;
Тамъ поразить врага не преступленіе;
Вѣрна тамъ дружба, но вѣрнѣе мщеніе;
Тамъ за добро — добро и кровь — за кровь,
И ненависть безмѣрна, какъ любовь“.

Съ воинственнымъ, дикимъ, своевольнымъ населеніемъ Сѣ-

вернаго Кавказа пришлось столкнуться Россіи, обнажить мечъ и неустанно въ теченіе столѣтія биться, высылая на эту окраину ежегодно тысячи лучшихъ своихъ сыновъ, изъ которыхъ не многимъ приходилось возвратиться назадъ. Тяжелыя жертвы принесла наша дорогая отчизна, но русское сердце не горитъ ненавистью къ кавказскому горцу, защищавшему свою родину, свою свободу. Героями дрались наши прадѣды, дѣды, отцы и братья, но и противникъ былъ у нихъ не трусъ, а народъ, за-воевавшій своею храбростью вниманіе къ себѣ всего свѣта.

B. C. K.

Очерки бакинской нефтяной промышленности*).

(Окончание).

III.

Мы видѣли въ предыдущемъ очеркѣ, насколько у насъ незначительна площадь земли, эксплуатируемой для добычи нефти (всего около 10 кв. верстъ). Въ то время, какъ въ Америкѣ промыслы разстянуты на огромномъ протяженіи, обнимающемъ сотни квадратныхъ верстъ, причемъ значительно затрудняются надзоръ за промыслами и транспортировка сырья,—здесь мы видимъ, какъ на небольшомъ клочкѣ нефтеносной площади кипить промысловая жизнь среди цѣлаго лѣса вышекъ, крайне скученныхъ и издали застилающихъ горизонтъ своею сплошною высокою черною стѣною, надъ которой густымъ облакомъ нависли копоть и дымъ—эти неизбѣжные спутники нефтяного отопления. По размѣрамъ добычи сырья, не уступая американской промышленности, у насъ районъ нефтедобывающаго промысла настолько ограниченъ, что уже теперь въ этомъ районѣ ощущаются всѣ неудобства, связанныя со скученностью промысловыхъ сооруженій и тѣснотою жилыхъ помѣщеній. И то, и другое рѣзко бросается въ глаза, едва вы выходите изъ поѣзда, доставляющаго васъ по, такъ называемой, сабунчинской вѣтви западнокавказской желѣзной дороги до ст. Сабунчи.

*) См. „Кавк. Вѣсти.“ № 2.

Едва вы проплываетесь сквозь сплошную стѣну пассажировъ, толпящихся на платформѣ и окидываете взглядомъ окрестности, вамъ представляется цѣлая вереница высокихъ вышекъ, чуть-ли не вилотную заложенныхъ одна возлѣ другой, чередуясь то съ каменными кочегарками, въ которыхъ день и ночь гудятъ топки паровозовъ, то многочисленными желѣзными резервуарами для храненія нефти, то жилыми домами или постройками механическихъ мастерскихъ.

Въѣзжая со станціи въ промысловый районъ, картина нисколько не мѣняется. Та-же тѣснота, та-же скученность бросается вамъ въ глаза на каждомъ шагу. По узкимъ, плохо содержимымъ дорогамъ происходитъ столь бойкое движение снующихъ взадъ и впередъ безконечной вереницей нагруженныхъ дорогъ, повозокъ и различныхъ экипажей, какое можно встрѣтить только на главныхъ улицахъ большихъ промышленныхъ городовъ. Все это какъ нельзя болѣе свидѣтельствуетъ о крайней ограниченности промысловой площади, которая, медленно разрастаясь въ ширину, все болѣе и болѣе застраивается различными строеніями и сооруженіями. Недалеко, мы думаемъ, время, когда вся Балахано-Сабунчино-Романинская площадь окажется однимъ сплошнымъ лѣсомъ вышекъ, тѣсно примыкающихъ одна къ другой, какъ это можно наблюдать и нынѣ во многихъ ея частяхъ.

Удобства, представляемыя такою сосредоточенностью промысловъ въ одномъ мѣстѣ въ отношеніи надзора и транспортировки сырья, по сравненію съ американской нефтию промышленностью, значительно умаляются, однако, тою скученностью промысловаго населенія, которая вызывается этими-же причинами и которая къ тому-же особенно усугубляется крайнею дороживою земель, вынуждающею дорожить каждымъ ея клошкомъ и застраивать ихъ съ исключительной тѣснотою.

Несмотря на сравнительно небольшую численность промысловаго населенія, оно юится здѣсь, за рѣдкими исключеніями, въ условіяхъ, настолько непригодныхъ, что вопросъ о совершенномъ выселеніи изъ промысловаго района всякихъ жилыхъ помѣщеній и устройства для этой цѣли особаго поселка вѣтъ этого района поставленъ уже на очередь и, надо думать, получить въ скоромъ времени свое разрешеніе.

Тѣмъ не менѣе не лишнимъ считаемъ познакомить нашихъ читателей съ составомъ и положеніемъ нашего промысловаго населенія.

По даннымъ совѣта съѣзда нефтепромышленниковъ на про-

мыслахъ въ балаханскомъ¹⁾ и биби-эйбатскомъ районахъ всего въ 1898 г. числилось служащихъ и рабочихъ почти 22,000 человѣкъ, въ томъ числѣ:

по администрації	321	или	1,9%
„ конторѣ	241	„	1,4%
„ мастерскимъ	3,665	„	21,7%
„ буреню	4,432	„	26,3%
„ промысламъ	7,309	„	43,3%
„ проч. категорій	928	„	5,4%
	16,896		

Цифра эта относится къ 1-му марта 1898 года для 140 нефтедобывающихъ фирмъ.

Для прочихъ промышленныхъ заведеній цифра служащихъ, мастеровыхъ и чернорабочихъ опредѣлена въ „Обзорѣ“ за 1898 г. въ 4,000 человѣкъ. Кромѣ того, приростъ за 5 мѣсяцевъ 1898 г. опредѣленъ примѣрно въ 700 человѣкъ; всего, слѣдовательно, къ концу 1898 г. промысловое населеніе составляло около 22,000. По новѣйшимъ даннымъ цифра промысловаго населенія исчисляется приблизительно уже въ 40,000 человѣкъ.

Вся эта масса промысловаго люда помѣщается въ большинствѣ случаевъ тутъ-же на промыслахъ, рядомъ съ эксплуатирующими и бурящими скважинами и только у нѣкоторыхъ фирмъ для жилья служащихъ и чернорабочихъ имѣются постройки внѣ промысловаго района.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію условій, въ которыхъ приходится жить промысловому люду, замѣчу, что въ отношеніи вознагражденія, промысловая жизнь обставлена сравнительно довольно сносно.

Достаточно указать, что даже молодые инженеры, болѣе или менѣе опытные, получаютъ генеральскіе оклады; что мастеровые, особенно кузнецы, котельщики и буровые мастера зарабатываютъ сотни рублей; что вознагражденіе простого чернорабочаго не падаетъ ниже 17 руб. при помѣсячномъ наймѣ, и что при обилии работы и крайней ея спѣшности предпримчивые люди даже съ небольшими средствами становятся на самостоятельную ногу и составляютъ себѣ состояніе, если не бросаются на спеку-

¹⁾ Подъ балаханскимъ райономъ мы будемъ понимать въ послѣдующемъ изложеніи всѣ три нефтеносныя площади, расположенные около с. Балаханы.—Романинскую, Сабунчинскую и Балахансскую.

ляці и рискованныя предпріятія, требующія большихъ капиталовъ; словомъ, здѣсь производительный трудъ въ разныхъ формахъ оплачивается сравнительно довольно сносно.

Впрочемъ, это касается лишь абсолютной цифры получаемаго ими вознагражденія. Но если принять во вниманіе тѣ условія, въ которыхъ здѣсь приходится жить и работать, а также крайнюю дороговизну первыхъ предметовъ необходимости, то, съ первого взгляда казавшаяся довольно благополучною, жизнь мѣстнаго промысловаго населенія значительно потускнѣеть въ своихъ свѣтлыхъ краскахъ. Подробное разсмотрѣніе этихъ условій, подтвердитъ справедливость этого положенія, съ которымъ надо считаться даже тѣмъ, кто, не задаваясь никакими филантропическими цѣлями, смотрѣть на нефтяную промышленность исключительно какъ на источникъ доходовъ.

Прежде всего крайне тяжелымъ въ жизни промысловаго населенія является сама работа на промыслахъ, будь то тартаніе нефти, буреніе скважинъ или надзоръ за ходомъ всего промысловаго механизма. Такъ, напримѣръ, для добычи нефти простые рабочіе цѣлыми часами непрерывно просиживаютъ въ вышкахъ у тартальныхъ барабановъ для однообразнаго тартанія нефти, т. е. для опусканія въ скважину и послѣдующаго подъема желонки, причемъ работа требуетъ крайне напряженного вниманія, чтобы пустить желонку на строго определенную глубину и чтобы при подъемѣ ея не затянуть ее подъ шкифъ, укрепленный на верхушкѣ вышки, черезъ который перекинутъ тартальный канатъ. Само собою разумѣется, сосредоточить на продолжительное время свое вниманіе на однихъ однообразныхъ пріемахъ удается лишь при большемъ напряженіи силъ, поэтому случается, что или желонка спускается ниже допустимой глубины и если скважина имѣеть испорченныя мѣста, то зацепляется за края испорченныхъ мѣстъ въ желѣзныхъ трубахъ, застрѣваетъ, канатъ обрывается, вытаскивается наружу безъ желонки и тогда начинается крайне хлопотливая работа ловля желонки въ скважинѣ съ помощью различныхъ крючковъ, работа, иногда вызывающая продолжительная остановки въ добывѣ нефти,—или желонку затаскиваютъ подъ шкифъ, коверкаютъ ее и приходится ее замѣнять новою. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ дѣло рѣдко не сопровождается наложеніемъ взысканія съ рабочаго. Если къ этому добавить, что самое тартаніе производится въ деревянномъ навѣсѣ, имѣющемъ многочисленныя щели, сквозь которыя свистѣтъ вѣтеръ и хлещетъ дождевая вода, смѣшанная съ каплями нефти и съ грязью смываемой съ вышки,

что самъ канатъ, по которому въ скважину спускается желонка, всегда увлекаетъ за собой нефть, которая брызжетъ съ высоты при подъемѣ желонки изъ скважины и заливаетъ все находящееся внутри скважины, что благодаря всему этому въ тартающихъ буровыхъ всегда грязно, сырьо, холодно и непріютно,—то легко будетъ себѣ представить, съ какими чувствами рабочій становится на работу, исполняетъ ее и возвращается съ нея въ свое жилище.

Насколько пагубно отражаются эти условія труда на здоровье рабочихъ, это можно усмотрѣть между прочимъ изъ слѣдующихъ строкъ, заимствованныхъ изъ отчета по терапевтическому отѣленію промысловой больницы съѣзда нефтепромышленниковъ.²⁾

„Изъ числа болѣзней, часто встрѣчающихся на промыслахъ, говорится въ этомъ отчетѣ, нужно отмѣтить сочлененный и мускульный ревматизмъ. Распространенность этихъ болѣзней объясняется условіями труда рабочихъ—частое потѣніе при тяжелой работѣ, сквознякъ въ вышкахъ въ особенности во время норда, работа по колѣни въ нефти или въ водѣ,—всѣ эти условія весьма способствуютъ заболѣванію ревматизмомъ. У тартальщиковъ же къ ревматическимъ болямъ нерѣдко присоединяются невральгическая боли нервовъ ноги и руки, главнымъ образомъ правыхъ конечностей. Это повидимому зависитъ отъ тяжелаго и однообразнаго труда тартальщиковъ въ связи съ хроническимъ отравлениемъ нефтяными парами. Наблюдаются у нихъ также и параличи конечностей.“

Замѣтимъ попутно, что въ настоящее время только у нѣкоторыхъ фирмъ введена трехсмѣнная система, при которой рабочему приходится въ сутки работать всего 8 часовъ. У многихъ фирмъ работа идетъ въ двѣ смѣны и, слѣдовательно, приходится работать по 12 часовъ.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ рабочіе выходятъ на работу не на 12 часовъ, а на 6-ти-часовую вахту дважды въ сутки.

Впрочемъ, не могу не замѣтить, что сознаніе большей производительности 8-ми-часового рабочаго дня настолько проникло въ среду нефтепромышленниковъ, что въ недалекомъ будущемъ этотъ порядокъ самъ собою сдѣляется всеобщимъ, даже и помимо обязательныхъ требованій горнаго надзора.

Возвратимся, однако, къ нашимъ тартальщикамъ и послѣдуемъ за ними въ ихъ жилье. Если это жилье помѣщается тутъ же на

²⁾ См. „Нефтяное Дѣло“ № 4, стр. 204.

промыслѣ, то въ самыx рѣдкихъ случаяхъ такимъ помѣщеніемъ является нѣчто болѣе лучшее, чѣмъ обыкновенный каменный, крытый киромъ сарай съ землянымъ или кировымъ поломъ, низкимъ потолкомъ, съ малымъ количествомъ свѣта и безъ всякой вентиляціи. Войдя въ это мрачное жилье, вы видите тянущіяся вдоль всѣхъ четырехъ стѣнъ сплошные нары, на которыхъ располагаются рабочіе вплотную—одинъ рядомъ съ другимъ.

Тутъ же посерединѣ всего помѣщенія тянется деревянный столъ съ длинными скамейками съ двухъ его сторонъ. Здѣсь рабочіе и спятъ, и ёдятъ, и хранятъ весь свой незатѣйливый скарбъ. Сперты, душный воздухъ, насыщенный тяжелыми испареніями, ошеломляетъ человѣка, приходящаго сюда со свѣжаго воздуха; тѣмъ не менѣе утомленные рабочіе рады и этому помѣщенію, гдѣ они могутъ согрѣть свои окоченѣвшіе отъ долгой однообразной работы члены, просушить свое промокшее платье и соснуть нѣсколько часовъ съ тяжелымъ сознаніемъ, что эти часы отдыха пробѣгутъ и снова надо идти на ту же постылую работу, отупляющую своею монотонностью и не дающую никакой пищи его уму.

Насколько тяжелы всѣ эти условія промысловой жизни и эта, повидимому, простая работа, можно судить по тому, что обыкновенно рабочіе не остаются круглый годъ на промыслахъ; съ наступлениемъ весны рабочіе периодически партіями оставляютъ промысла и идутъ въ свои селенія для отдыха и на полевыя работы, смѣняясь новыми партіями приходящихъ изъ деревень рабочихъ. И эти periodическія вакаціи, устраиваемыя себѣ промысловыми рабочими, являются благодѣтельнымъ средствомъ, оберегающимъ ихъ отъ вырожденія и отупленія, которое явилось бы неизбѣжнымъ слѣдствиемъ однообразной промысловой работы.

Другую сравнительно небольшую категорію рабочихъ составляютъ кочегары и масленщики. Трудъ этихъ рабочихъ сравнительно менѣе однообразенъ, не такъ монотоненъ, но за то и болѣе опасенъ въ силу нерѣдкихъ случаевъ взрывовъ паровыхъ котловъ и увѣчий, причиняемыхъ паровыми машинами при неосторожномъ или неумѣломъ уходѣ за ними. Наконецъ, наибольшую группу промысловыхъ рабочихъ составляютъ служащіе въ буровыхъ артеляхъ, гдѣ опасность самихъ работъ для здоровья и даже жизни рабочихъ является максимальной.

Оборвался-ли канатъ отъ непомѣрного натяженія, свалился-ли плохо укрѣпленный шкифъ, оборвалась-ли желѣзная цѣпь, не сумѣли-ли удержать рабочіе скружиившіяся штанги,—и вотъ

въ результатѣ одного или двухъ-трехъ рабочихъ искалѣчило на всю жизнь или убило на-повать.

Эти несчастные случаи не только нерѣдки, но даже составляютъ обычное явленіе. Они тщательно регистрируются статистикой, какъ неизбѣжное зло, какъ неизбѣжная жертва, приносимая гигантскому нефтяному чудовищу.

Насколько возможно устранить эти несчастные случаи при буровыхъ работахъ, насколько техника безсильна оградить жизнь и здоровье рабочихъ при всѣхъ этихъ случайностяхъ, сопряженныхъ съ буровыми работами, пусть судятъ наши образованные техники. Но внутреннее чувство упорно отказывается вѣрить въ невозможность если не совершенно устранить эти несчастные случаи, то по крайней мѣрѣ хоть сколько-нибудь значительно ихъ сократить и это чувство подсказываетъ, что средства къ тому найдутся въ богатомъ арсеналѣ современного техническаго знанія, если только съ упорствомъ, достойнымъ такого святого дѣла, заняться преслѣдованіемъ этой цѣли.

Задачу эту, между прочимъ, преслѣдуется избранная съѣзdomъ нефтепромышленниковъ техническая по охраненію промысловъ комиссія, которая, судя по газетнымъ извѣстіямъ, работаетъ именно въ этомъ направлениі. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи многое уже сдѣлано ею и дѣлается въ смыслѣ уясненія причинъ этихъ несчастныхъ случаевъ и разработкѣ мѣръ, направленныхъ къ ихъ предотвращенію. Доклады этой комиссіи, напечатанные въ „Трудахъ“ съѣздовъ нефтепромышленниковъ, даютъ много интересныхъ указаній на этотъ счетъ. Но къ сожалѣнію, мѣры общепризнанной полезности проникаютъ въ практику промысловыхъ работъ съ крайнею медленностью. Мало того и въ периодической прессѣ этимъ мѣрамъ и ихъ дальнѣйшей разработкѣ удѣляется слишкомъ мало вниманія, судя по тому, что въ 32-хъ выпущенныхъ до сихъ поръ номерахъ „Нефтяного Дѣла“ не имѣется ни одной статьи, посвященной этимъ мѣрамъ и ихъ проведенію въ жизнь. И если рядомъ съ этимъ заботамъ о разработкѣ вопросовъ о вознагражденіи рабочихъ заувѣчья удѣляется весьма много вниманія въ этой-же печати, чemu, конечно, можно только радоваться, то такое отношеніе къ этимъ двумъ вопросамъ не свидѣтельствуетъ-ли о томъ, что общественное самосознаніе способно успокоиться на вознагражденіи рабочихъ наувѣчья, не озабочиваясь затѣмъ болѣе существеннымъ и болѣе важнымъ дѣломъ — устраненіемъ этихъувѣчий.

Стоитъ лишь разъ въ жизни видѣть одного такого увѣчнаго или отца, или жену убитаго, чтобы понять, что никакая са-

мая идеальная форма вознаграждения не способна вознаградить всего понесенного ущерба. Мертваго не оживить вознаграждениемъ даже въ суммѣ, равной получаемому потерпѣвшимъ жалованью, не возвратить семье его кормильца и его нравственной опоры.

А дляувѣчнаго, какой злой ироніей является расцѣнка стоимости оторванной руки или ноги, вышибленного глаза или раздробленной спины и опредѣленіе цѣнности каждого органа живого человѣка, съ точки зрѣнія значенія его въ опредѣленіи работоспособности? Точно каждый человѣкъ есть рабочая машина и ничего больше; точно глаза даны человѣку лишь затѣмъ, чтобы видѣть поднимающуюся или опускающуюся штангу, и руки только для направленія этой штанги ⁸⁾.

Если съ точки зрѣнія гражданскаго права притязанія рабочихъ на вознагражденіе за понесенные материальные убытки не могутъ идти дальше требованія материального-же вознаграждения, то съ точки зрѣнія человѣческой совѣсти это вознагражденіе есть только тотъ минимумъ, который должно дать общество своему сочлену, пострадавшему ради общихъ интересовъ, и потому, не успокоиваясь на этомъ минимумѣ, эта совѣсть должна неустанно побуждать всѣхъ, отъ кого это зависитъ, стремиться къ полному уничтоженію несчастныхъ случаевъ, сознавая ясно, что вредъ, причиненный увѣчью или смертью, невознаградимъ въ этомъ мірѣ и никакая земная сила не въ силахъ изгладить той скорби, которую вносить въ осиротѣвшую семью каждый такой случай.

Чтобы судить, насколько велико это зло промысловаго дѣла и опредѣлить его характеръ, приведемъ нѣсколько статистическихъ данныхъ за пятилѣtie 1894—1898 гг.

Общее число потерпѣвшихъ, въ томъ числѣ и убитыхъ за эти годы, выражается слѣдующими данными:

Годы	Число пострадавшихъ.	Въ томъ числѣ со смертельнымъ исходомъ.
1894	27	9
1895	51	14
1896	54	13
1897	97	25
1898	176	43

⁸⁾ Эти бѣдствія усугубляются дѣятельностью нѣкоторыхъ адвокатовъ, занимающихся почти исключительно *покупкою* процессовъ у своихъ увѣчныхъ клиентовъ, причемъ послѣдніе получаютъ часто только половину при-сужденного имъ незначительного вознагражденья за увѣчье.

43 убитыхъ и 133 искалѣченыхъ—таковъ печальный бюллетень несчастныхъ случаевъ за одинъ только 1898 годъ. За 5 мѣсяцевъ 1899 года такихъ случаевъ уже было 153, въ томъ числѣ со смертельнымъ исходомъ—17. Слишкомъ много, чтобы эта вопіющая сторона нефтяной промышленности не хватала бы за душу и не надрывала бы ее скорбнымъ состраданіемъ къ тѣмъ, кому въ этомъ процессѣ колоссального накопленія богатства достается въ удѣль лишь радость „вѣчнаго блаженства на небесахъ“.

Приведемъ теперь нѣсколько данныхъ, рисующихъ намъ обстановку этихъ изъ годъ въ годъ повторяющихся убийствъ, калѣченій людей.

Посмотримъ сначала, на какія группы подраздѣляются эти несчастные случаи въ зависимости отъ причины, ихъ вызывающей⁴⁾.

	Число пострадавшихъ.	Въ томъ числѣ убитыхъ или умершихъ.
1) Пожары	29	11
2) Уходъ за паровыми котлами	2	1
3) Раскручивание скруженныхъ штангъ	14	5
4) Неосторожное обращеніе съ вращающимися частями	40	6
5) Неосторожное обращеніе съ инструментами и проч.	46	6
6) Случай поломокъ, разрывовъ и проч.	17	4
7) Паденіе разныхъ инструментовъ, приборовъ и проч.	10	3
8) Паденіе рабочихъ съ буровыхъ башенъ	13	3
9) Остальные случаи	5	4

Просматривая въ „Обзорѣ нефтяной промышленности“ объясненія къ этимъ мрачнымъ цифрамъ, невольно приходитъ въ голову мысль, что для пробужденія жгучаго интереса къ этимъ печальнымъ явленіямъ, конечно, безсильны эти блѣдныя строки, полныя холодной объективности, и что, конечно, не имъ пошатнуть равнодушіе общества къ этимъ пострадавшимъ не имъ во-

⁴⁾ „Обзоръ нефтяной промышленности“, стр. 161.

одушевить мыслящую и чувствующую его часть на борьбу съ этимъ разростающимся зломъ.

Здѣсь нужны и сильное слово, и мастерская рука художника, подобного гаршиновскому Рябинину, который могъ бы силою своей власти художника приковать къ полотну какого нибудь задавленного насмерть или искалѣченного на всю жизнь, чтобы онъ „ужаснуль бы насть своимъ видомъ и смотрѣль бы на насть съ полотна и крикнуль бы намъ—я язва растущая“, и, „ударивъ насть въ сердце, лишивъ насть сна, стать бы передъ нашими глазами неотступнымъ призракомъ“...

Но пока Рябинины у насть еще не нарождаются..

Посмотримъ, однако, что говорятъ намъ официальные, холодные и беспристрастные протоколы горнаго надзора и для этого приведемъ нѣсколько страничекъ ихъ этихъ протоколовъ, помѣщенныхъ въ № 13 „Нефтяного Дѣла“. Нами будуть приведены нѣсколько разнородныхъ примѣровъ съ различными исходами несчастныхъ случаевъ.

1) 6-го марта, въ 5½ часовъ утра, во время сборки инструмента въ буровой нужно было навернуть ударную штангу на расширитель, который трое рабочихъ держали въ вертикальномъ положеніи на землѣ. Нарѣзка муфты ударной штанги не попадала на нарѣзку расширителя; въ виду этого тормозовой рабочій сталъ поднимать и опускать ударную штангу, но не въ силахъ былъ удержать ее тормозомъ. Штанга опрокинулась и придавила Кули-Рамазана-оглы и убила его насмерть. Въ утѣшениѣ убитаго и его семьи протоколъ присовокупляетъ: „по даннымъ доznанія, несчастье произошло благодаря недостаточности техническихъ познаній бурового мастера“.

2) 11 марта, въ четвергъ, во время давленія трубъ рабочій Каландарашвили получилъ отъ давильного бруса ударъ въ голову; пострадавшій сталъ обнаруживать признаки психического разстройства.

3) 28-го марта плотникъ Зотовъ упалъ съ буровой вышки на землю и уился.

4) 25-го марта во время ловли застрявшаго въ скважинѣ инструмента для скручиванія штанги были употреблены въ качествѣ рычаговъ ломъ и труба; рабочіе не удержали ихъ и ломъ ударилъ въ лѣвый бокъ бурового мастера Звѣрева, причемъ переломило ему два ребра.

5) 5-го февраля, въ 9½ час. утра, ученику при слесарной мастерской Луарсаду Кереселидзѣ трансмиссионнымъ приводомъ переломило обѣ ноги выше колѣнъ. Горный надзоръ выяснилъ,

что ученикъ Кереселидзе былъ поставленъ на опасную работу безъ всякаго надзора, предупрежденій и наставлений.

6) 19-го февраля, въ 9 часовъ утра, во время работъ по буренію убиты двое рабочихъ и поранены трое. Несчастье произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ: рабочіе вырѣзывали обсадныя трубы; для этого были установлены козлы съ настланнмъ на нихъ деревяннымъ поломъ, высотою около $2\frac{1}{2}$, аршинъ. Труборѣзка была спущена въ скважину на круглыхъ, въ $2\frac{1}{2}$ дюйма толщины, штангахъ и на нихъ, кромѣ ключей, были установлены желѣзный хомутъ, на который надѣли куски же:лѣзныхъ газовыхъ трубъ. Двѣнадцать человѣкъ рабочихъ вращали эти штанги съ труборѣзкою. Когда штанги были сильно скручены, рабочіе не въ силахъ были удержать ключи; они вырвались, штанги стали раскручиваться и ключами разбросало всѣхъ рабочихъ. По отзыву горнаго надзора во время работъ никакихъ мѣръ, для предупрежденія возможнаго раскручиванія штангъ, принято не было.

7) 27-го марта во время вытаскиванія изъ скважины трубъ послѣднія сорвались, быстро опустились и двумъ рабочимъ Фатати-Мамедъ-оглы и Шахбазъ-Абдулла-оглы оторвало пальцы рукъ; по заключенію врача первый изъ нихъ утратилъ трудоспособность навсегда, а второй отчасти. По даннымъ разслѣданія несчастье произошло, вслѣдствіе недостаточнаго надзора со стороны бурового мастера и подрядчика по буренію.

8) 12-го марта во время работы въ буровой, послѣ окончанія заклепки трубъ, рабочіе стали опускать на землю клепальну машину; она задѣла за доску полатей, на которой были рабочіе во время склепки трубъ, вслѣдствіе этого штропъ, на которомъ держалась машина, соскочилъ съ поперечника машины и послѣдняя упала на работавшаго у трубъ рабочаго Мамедъ-Кули-оглы и переломила ему правую руку.

9) 18-го марта при склепкѣ обсадныхъ трубъ отъ удара молотка по трубѣ вскользь отскочилъ кусочекъ же:лѣза и попалъ въ лѣвый глазъ ключнику Садыхъ-Али-оглы, отчего произошла потеря одного глаза.

10) 12-го марта во время вытаскиванія штангъ изъ буровой Нуръ-Мятъ-Али-Мятъ-оглы, когда паровая машина была остановлена, просунулъ руку между спицами тормозного колеса съ цѣлью смазать шейку вала, но въ это время опустился грузовой ящикъ балансира и послѣдній пришелъ въ движение, передалъ его буровому станку, по валу котораго находилось тормозное колесо; отъ этого оно повернулось и прижало потерпѣвшаго.

го къ стѣнкѣ станка; въ результатѣ рука оказалась переломленной. Никакихъ обязательныхъ по закону подпорокъ надъ балансиромъ не было, такъ констатируетъ этотъ фактъ офиціальный протоколъ.

11) 25-го марта, въ 4 часа утра, рабочій Купали-Гаджи-Баба-оглы, 16-ти лѣтъ, свалился на землю съ высоты 3-хъ саженъ съ нижнихъ полатей, причемъ получилъ переломъ предплечья правой руки и легкие ушибы головы. Рабочій служилъ на промыслѣ всего только 4 мѣсяца. Горный инженеръ, производившій дознаніе, пришелъ къ заключенію, что причиной несчастья была неопытность и юность рабочаго, тогда какъ работы на полатяхъ весьма ответственныя и требуютъ вполнѣ опытного и надежнаго рабочаго. Кроме того, полати не были ограждены перилами...

Ознакомливаясь съ результатами офиціальныхъ дознаній по поводу этихъ несчастныхъ случаевъ, легко прийти къ заключенію, что помимо неосторожности самихъ рабочихъ и неизбѣжныхъ въ каждомъ дѣлѣ случайностей главнѣйшими причинами несчастій съ промысловыми рабочими являются, во-первыхъ, неопытность и неподготовленность рабочихъ и, во-вторыхъ, отсутствіе должнаго надзора за исполненіемъ мѣстной промысловой администрацией всѣхъ установленныхъ закономъ и техникою предохранительныхъ мѣръ противъ такихъ случаевъ. Первая причина кроется въ томъ, что съ каждымъ годомъ сильно возрастаетъ число скважинъ въ буреніи, что и вызываетъ усиленный спросъ на буровыхъ мастеровъ и буровыхъ рабочихъ; между тѣмъ, численность контингента вполнѣ опытного персонала рабочихъ не можетъ возрастать съ такою-же быстротой, съ ка-кою растетъ спросъ на нихъ, такъ что приходится брать на работу и лицъ мало опытныхъ или вовсе неподготовленныхъ къ этому дѣлу.

Вторая причина объясняется крайне недостаточностью личнаго персонала мѣстного горнаго надзора, настолько заваленного своею кабинетною и канцелярскою работою, что для непосредственнаго надзора за исполненіемъ на промыслахъ хѣръ предосторожностей у нихъ совершенно не остается времени.

Нѣть сомнѣнія, что сами промышленники не могутъ не быть заинтересованы въ возможно большемъ сокращеніи числа несчастныхъ случаевъ. Независимо чисто материальнаго ущерба, наносимаго имъ этими случаями, и уголовнаго преслѣдованія, возбуждаемаго противъ мѣстной промысловой администраціи въ этихъ случаяхъ, тѣ душу раздирающія сцены, которыя разыгры-

ваются на промыслахъ, когда рабочій, придавленный штангой или другимъ инструментомъ въ страшныхъ мученіяхъ испускаеть духъ, или когда искалѣченный рабочій живымъ укоромъ чуть ли не каждый день встрѣчается на улицахъ съ протянутой за милостыней рукой,—все это само по себѣ способно растрогать самыя черствыя души и подвинуть ихъ сдѣлать все находящееся въ ихъ человѣческой власти, для избѣжанія или уменьшенія тяжелой нравственной отвѣтственности, ложащейся на нихъ въ этихъ случаяхъ, чтобы только не вносить въ семьи и такъ обездоленныхъ судьбою людей отраву тяжелаго горя и горькихъ слезъ по невознаградимой преждевременной утратѣ.

Развѣ не странно, что по закону всякая профессія, имѣющая отношеніе къ нравственному или физическому здоровью людей, можетъ отправляться лишь тѣмъ, кто для того имѣеть надлежащиц цензъ, между тѣмъ у насъ отъ руководителей буровыми работами никто такого ценза не требуетъ, никто не заботится удостовѣриться, насколько онъ свѣдущъ въ этомъ дѣлѣ, чтобы обставить работу съ должною безопасностью для всѣхъ участвующихъ въ ней. Вопросъ этотъ имѣеть чрезвычайно важное значеніе и если для практическаго его разрѣшенія нужны люди и средства, они должны быть даны и несомнѣнно будутъ даны богатою нефтяною промышленностью.

X. Вермишевъ.

Мцхетъ и его соборъ „Свэти-цховели“^{*)}.

Историко-археологическое описание.

(Продолжение).

Св. Нина просвѣтительница Грузіи.

Былъ вѣкъ, незабвенный въ исторіи человѣчества, когда оно, призванное живымъ словомъ Великаго Учителя къ новой жизни, поставлено было подъ новые законы, надѣлено новыми чувствами, новыми вѣрованіями, затмившими всѣ другія ученія и вѣрованія. То былъ вѣкъ мирныхъ завоеваній христіанской хоругви, когда отъ свѣта христіанской проповѣди разрушались языческіе храмы и капища, гасли жертвенные идолы и преданія языческія замѣнялись преданіями и началами христіанскими.

Тогда-то въ предѣлы Грузіи вступаетъ дѣва-просвѣтительница. Утомленный видъ и окровавленныя ноги указывали на совершенный ею долгій путь, одежда обличала ея бѣдность, но свѣтлое чено и вдохновенный взоръ свидѣтельствовали о высокомъ призваніи странницы. „Гдѣ городъ Мцхетъ и далеко-ли отсюда, спрашивается она пастуховъ и рыболововъ, встрѣтившихся въ Джавахетскихъ горахъ, у озера Топорована?“¹⁾— „Да, отвѣчаютъ

^{*)} См. „Кавк. Вѣсти.“, № 2.

¹⁾ Озеро Топорованъ находится въ Тифлисской губерніи, въ Ахалцихскомъ уѣздѣ, и окружено съ сѣвера и запада отлогостями Джавахетскихъ горъ. Близъ него находятся деревни Тамбовка, Родіоновка и пр.

пастухи, не близко. Вотъ видишь эту рѣку, выходящую изъ озера, на берегахъ ея лежитъ великий городъ Мцхетъ, гдѣ боги господствуютъ и цари царствуютъ. Но чтобы добраться до него, нужно перейти эти горы, и затѣмъ пройти еще довольно большое пространство“.

Продолжительность пути, дикость и высота снѣжныхъ горъ производятъ на дѣву тяжелое впечатлѣніе. Истомленная душевно и тѣлесно она ложится на землю и, подложивъ подъ голову камень, засыпаетъ. И вотъ, гласить преданіе, видѣтъ она во снѣ, что подходитъ къ ней дивный мужъ среднихъ лѣтъ, вручаетъ ей книгу и говоритъ: „Передай книгу эту мцхетскому царю-язычнику“. Проснувшись, св. дѣва дѣйствительно видѣть въ рукахъ своихъ книгу и въ ней десять изреченій²⁾). Прочитавъ эти изреченія, она обратилась съ молитвою къ Богородицѣ: „Преславная Владычица Богородица, говорила она, повелѣніемъ Сына Твоего иду я въ жребій Твой на благовѣстіе святѣйшаго Его имени, сопутствуй мнѣ и укрѣпи мои немощныя силы на прославленіе Сына Твоего. Призри и помилуй народъ, къ которому я иду и за который пролилъ на крестѣ пречистую кровь свою Христосъ Сынъ Твой и Богъ нашъ“. Укрѣпивъ себя молитвою, св. дѣва отправилась въ дальнѣйший путь по теченію р. Куры, вдоль лѣваго ея берега. Не зная ни дороги, ни страны и народа, забывъ свою слабость, свой полъ, радости и удовольствія, она, миновавъ самыя трудныя и опасныя мѣста, повернула на востокъ по теченію рѣки и

²⁾ Изреченія эти слѣдующія:

- 1) Гдѣ будетъ проповѣдано Евангеліе сіе въ цѣломъ мірѣ, тамъ будетъ сказано и о женѣ сей (ев. Мат. 26, 13).
- 2) Нѣть мужскаго пола, ни женскаго, ибо всѣ вы одно во Христѣ Иисусѣ (пос. къ Галат. 3, 28).
- 3) Идите и научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа (ев. Мат. 28, 19).
- 4) Свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ и славу народа Твоего израиля (ев. Луки 2, 32).
- 5) Идите по всему міру и проповѣдуйте Евангеліе всей твари (ев. Марка 16, 15).
- 6) Принимающій васъ принимаетъ Меня, и принимающій Меня принимаетъ пославшаго Меня (ев. Мат. 10, 40).
- 7) Ибо Марія была такъ возлюблена¹⁾ Господомъ, что Онъ всегда внималъ истиннымъ словамъ Ея.
- 8) Не бойтесь убивающихъ тѣло, души-же не могущихъ убить (ев. Мат. 10, 28).
- 9) Иисусъ говорить Маріи Магдалинѣ: „иди къ братьямъ Моимъ и скажи имъ“ (ев. Иоан. 20, 17).
- 10) Проповѣдуйте всегда во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

достигла города Урбниси, гдѣ увидѣла народъ, поклоняющійся огню, камню и дереву. Возмутившись духомъ при видѣ такого суевѣрія, дѣва удалилась въ еврейскій кварталъ, гдѣ, проживши цѣлый мѣсяцъ, разспрашивала подробно о нравахъ и обычаяхъ сей страны. Мцхетъ, древняя столица Грузіи, центръ язычества того времени, гдѣ господствовали боги языческой Иверіи: Армазъ, Заденъ, Гаці, Гаимъ, Бочи и пр., избранъ мѣстомъ, откуда должно было начаться обновленіе народа грузинскаго. Съ крестомъ изъ виноградныхъ лозъ, какъ символомъ побѣды надъ врагомъ, вступила она въ борьбу съ язычествомъ. Недоумѣвали картвельскія племена, откуда и зачѣмъ пришла эта слабая женщина и что за странная вещь, которую она несетъ въ руки? Но не прошло и десятилѣтія, какъ эти язычники уразумѣли, что за вещь несла она, признали силу и святость креста и поклонились ему. Долго шла путница, много прошла, пока достигла города, великаго Мцхеты, гдѣ гостепріимный кровъ жены царскаго садовника пріютилъ ее. Здѣсь во Мцхетѣ раздалось первое слово христіанской проповѣди, запавшей въ сердце каждого, царя и раба, воина и пахаря. Болѣзненно отозвалось слово это въ языческихъ душахъ, но съ каждымъ годомъ оно все болѣе покоряло старую религию, ниспровергало и разрушало древніе языческіе обычаи и предразсудки народные. Самъ царь грузинскій Миранъ, подъ обаяніемъ слова бѣдной странницы-дѣвы, забывъ земное величие, приходитъ на порогъ убогой женщины и, слѣдя ея наставленіямъ, свергаетъ идоловъ, отмѣняетъ кровавыя жертвы съ тѣмъ, чтобыносить безкровныя на алтарѣ истиннаго Бога, поучавшаго насть любить, прощать, благотворить.

Въ лѣтописи „Картлисъ-Цховреба“ сохранилось трогательное повѣствованіе, касающееся исторіи просвѣщенія Грузіи свѣтомъ христіанскаго ученія. По вознесеніи Господа св. апостолы, будучи собраны въ Сіонской горницѣ съ Матерью Божіею, бросили жребій, кому куда идти съ проповѣдью слова Божія. Богоматерь также пожелала участвовать въ трудахъ по распространѣнію ученія Сына Своего, почему и говорить апостоламъ: „Хочу и Я участвовать, хочу пріять вмѣстѣ съ вами жребій, чтобы имѣть страну, которую изволить дать Мне самъ Богъ“. Апостолы со страхомъ и благоговѣніемъ кинули жребій и жребій Богоматери палъ на Иверію. Поэтому страна эта и называется удѣломъ Божіей Матери. Владычина съ радостью приняла удѣль свой, приготовилась было идти туда для проповѣданія слова Божія, по Промыслу не угодно было столь великой жертвы со стороны Царицы неба и земли. Предъ самымъ выступленіемъ является

Матери Своей Спаситель и говоритъ: „о, Матерь Моя, не отвергну жребія Твоего и не оставлю народа Твоего безъ участія въ не- бесномъ благѣ ходатайствомъ Твоимъ, но только пошли вмѣсто Себя первозванного апостола Андрея съ образомъ Своимъ, ко- торый замѣнить Тебя и послужить хранителемъ людей Твоихъ во вѣки“.

Всѣдѣствие этого Божія Матерь, призывавъ къ себѣ апостола Андрея и давъ ему Свой образъ съ Предвѣчнымъ Сыномъ на рукахъ, ⁸⁾ благословила его на проповѣдь въ Грузію. Апостолъ, отправившись изъ Іерусалима, послѣ благовѣстія въ Мингреліи, перешелъ въ предѣлы Иверіи и обратилъ многихъ ко Христу. Воздвигнувъ здѣсь храмъ во имя Божіей Матери и оставилъ копію съ образа Богоматери, отправился отсюда въ другія земли, вступивъ въ предѣлы Самцхе, гдѣ сокрушилъ идоловъ и благо- вѣствовалъ о Христѣ. Отсюда св. апостолъ Андрей сначала отправился въ Ацкуръ и Клардженію (къ юго-западу отъ Ахалциха), гдѣ послѣ долгой проповѣди крестилъ населеніе святымъ креще- ниемъ. Затѣмъ, послѣ Пятидесятницы, св. Андрей, взявъ съ собою изъ Іерусалима св. апостоловъ Симона Кананита, брата Господня по Іосифу, Матея, избраннаго вмѣсто Іуды Искаріот- скаго и Фаддея, обошелъ города и села Арmenіи, Каппадокіи и Понта, дающіе Мтіуетію до р. Чороха, проповѣдуя вездѣ слово Божіе. Затѣмъ апостолъ постыль Сванетію, Осетію, Абхазію, землю джиковъ. Отсюда онъ черезъ сѣверо-восточные берега Чернаго моря, пройдя южный берегъ Крыма, отправился въ Пелопонесъ, гдѣ и принялъ мученическую смерть въ Патрахъ, въ 55 г. по Рожд. Христовомъ. Въ Мингреліи апостолъ избрать для своей проповѣди мѣсто подъ вѣковымъ дубомъ, именуемымъ по-мингрельски Чконъ-диди (великій дубъ). Здѣсь ему долго пришлось бороться съ суевѣріемъ народа и съ трудомъ довелось устроить христіанскую молельню, разрушенную впослѣдствіи во время гоненій на христіанство при царѣ Адеркіи Фарсманѣ. Позднѣе (въ 1027 г. по Р. Хр.) здѣсь былъ выстроенъ храмъ подъ

⁸⁾ Этотъ образъ находится теперь въ Гелатскомъ каѳедральномъ со- борѣ, въ Имеретіи, близъ гор. Кутаиса, куда доставленъ изъ города Ацкура царемъ иверскимъ Багратомъ Великимъ (Муравьевъ. „Грузія и Ариенія“, кн. III, стр. 184). Городъ Ацкуръ лежитъ при Курѣ въ верхней Карталиніи, въ нынѣшней Ахалцихской области. Донынѣ существуетъ тамъ храмъ, бывший каѳедральнымъ. Турки, завоевавъ эту область, истребили все христіанское населеніе. Въ 1828 году она обратно присоединена къ Грузіи по Адріано-польскому договору (Лосселіаніи „Города существовавшіе и существующіе въ Грузії“, стр. 30).

названиемъ Чхондидскаго, обращенный затѣмъ въ монастырь, имѣвшій весьма важное значеніе въ исторіи западной Грузіи.

Основавъ въ Севастополисѣ, въ Никопсіи, недалеко отъ Сухума, храмъ, ап. Андрей оставилъ въ Абхазіи св. апостола Симона Кананита, впослѣдствіи убитаго здѣсь. Прибывъ чрезъ верхнюю Карталинію во Мцхетъ, апостоль, не входя въ столицу, направился къ восточной горѣ, лежащей противъ города, и здѣсь на вершинѣ ея водрузилъ деревянный крестъ. Затѣмъ отправился въ верхнюю Кахетію, гдѣ близъ города Греми, бывшей столицы Кахетинскаго царства, на мѣстѣ нынѣшняго храма Архангела Михаила, водрузилъ такой же крестъ, какъ и во Мцхетѣ. Затѣмъ, поѣстилъ онъ дебри Кавказскихъ горъ и поставилъ крестъ на одной изъ вершинѣ (близъ Казбека) ⁴⁾.

Наконецъ въ началѣ IV вѣка Богоматери угодно было избрать своимъ орудіемъ для великихъ апостольскихъ подвиговъ св. дѣву Нину, дабы сила Божія яснѣе совершилась чрезъ неощущенное орудіе, слабый сосудъ (2 посл. къ Кор. 12, 9). „Иди въ Иверскую страну, говорить Богоматерь св. Нинѣ въ солнномъ видѣніи, въ Мой удѣль, благовѣстуй тамъ Евангеліе Господа І. Христа и обрящеш у Него благодать и Я буду тебѣ покровительницею“. При этомъ Пресвятая Дѣва, составивъ изъ виноградныхъ лозъ, растущихъ близъ кельи, крестъ и вручивъ его св. Нинѣ, сказала: „прими этотъ крестъ, онъ будетъ тебѣ щитомъ и огражденіемъ противъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ твоихъ; силою его ты водрузишь въ сердцахъ народа спасительное знамя вѣры въ возлюбленнаго Сына Моего и Господа, Который хочетъ всѣмъ человѣкамъ спастися и въ разумѣ истинный прийти“ ⁵⁾). Св. Нина, пробудившись отъ сна, увидѣла въ рукахъ своихъ крестъ. Оросила его слезами радости и, отрѣзавъ косу свою въ знакъ глубокагоуваженія, связала его своими волосами. Съ этимъ крестомъ она явилась во Мцхетѣ, столицу грузинскаго царства, въ царствованіе св. Мирiana, современника Константина Великаго, и обратила въ христіанскую вѣру сначала столицу, а потомъ и остальныя части Грузіи. Весьма по-

⁴⁾ Большое вліяніе на новообращенныхъ христіанъ въ Иверіи пыѣль изъ отцевъ церкви священномуученникъ Климентъ, епископъ Римскій, ученикъ св. Петра († 100 г.), сосланный императоромъ Траяномъ на пустынныій берегъ Потна въ древній Херсонесъ Таврическій, и колхидаецъ епископъ Памна, ученикъ св. апостола Андрея, поставленный учителемъ мингрельскихъ или понтийскихъ христіанъ въ городъ Синопѣ, входившемъ въ составъ Мингреліи.

⁵⁾ Сабининъ. „Полное жизнеописаніе св. Грузинской церкви“ Петербургъ 1871 г., часть I, стр. 9.

учительна исторія упомянутаго креста изъ лозъ виноградныхъ. Согласно преданію, онъ находился во Мцхетѣ 796 лѣтъ; въ крѣпости Капоэти и Ванандѣ—459 лѣтъ; въ городѣ Карсѣ—164 года; въ городѣ Ани, до разоренія его татарами, 142 года; въ Ананурской церкви Божіей Матери 3 года; въ Россіи, въ селеніи Лысковѣ, Нижегородской губерніи, 52 года. Въ 1901 году исполнится ровно 100 лѣтъ его пребыванія, наконецъ, въ тифліссскомъ каѳедральномъ Сіонскомъ соборѣ. Крестъ этотъ поставленъ у сѣверныхъ дверей иконостаса сего храма и имѣть въ длину $1\frac{1}{4}$ аршина, а въ ширину $\frac{3}{4}$, аршина. Онъ представляеть крестообразно сложенную толстую виноградную лозу, обвитую собственными волосами св. Нины и перевязанную шелковыми нитями. Крестъ покрытъ вычеканеною изъ серебра иконою св. Нины съ изображеніями чудесъ, сопровождавшихъ ея проповѣдь и апостольское служеніе въ Грузіи. Въ одномъ мѣстѣ онъ слегка порѣзанъ ножемъ, вѣроятно, изъ суетнаго любопытства. По смерти Нины св. крестъ, согласно завѣщанію, перешелъ къ царю Миріану въ наследственное владѣніе. Позднѣе видимъ его въ рукахъ св. Шушаники. Во времѧ гоненія христіанства отъ огнепоклонниковъ, въ 458 г. по Рождествѣ Христовомъ, царица Шушаника, супруга Ваксена, воеводы армянского, приняла мѣры къ огражденію святыни отъ поруганія. Предъ страдальческою свою кончиною въ Цуртавской крѣпости, она передала его духовнику своему иноку Андрею, который вмѣстѣ съ мощами привезъ его въ область Таронъ и поставилъ въ церкви св. апостоловъ, извѣстной у армянъ подъ именемъ Газаръ Банкъ (храмъ Лазаря). При арабскомъ завоевателѣ Эмирѣ-Султанѣ онъ подвергся поруганію и былъ брошенъ подъ ноги лошадей и муловъ. По разореніи Карса арабами, армянскимъ католикосомъ Василіемъ былъ поставленъ въ Анійской церкви въ городѣ Ани. Доблестный царь грузинскій Давидъ-Возобновитель, взявъ этотъ городъ (въ 1125 г.), перенесъ отсюда св. крестъ, какъ драгоценное сокровище Иверской церкви, въ Мцхетскій патріаршій соборъ. Царь Теймуразъ II († въ 1746 г.) предпочелъ хранить его въ Ананурѣ и поставилъ въ церкви во имя Божіей Матери. Въ 1749 г. митрополитъ тифлісскій Романъ, уѣзжая въ Россію, тайно взялъ его туда и передалъ царевичу Бакару, находившемуся въ Москвѣ. Огорченные этимъ цари Теймуразъ II, Ираклій II и Георгій XIII со слезами умоляли потомковъ царя Вахтанга возвратить Грузіи драгоценное сокровище. Но эти искатели трона карталинскаго не вняли просьбамъ царей и народа. Въ Россіи крестъ находился въ имѣніи князей Грузинскихъ, въ селѣ Лысковѣ, Нижегородской губерніи.

родской губерніи. Въ 1801 году внукъ царя Бакара Георгій Александровичъ поднесъ его Императору Александру I, который соблаговолилъ святыню эту возвратить Грузіи и поставить въ тифлисскомъ Сіонскомъ каѳедральномъ соборѣ.

Положивъ твердое основаніе върѣ христіанской во Мцхетѣ крещеніемъ царя, вельможъ и народа, св. Нина обратила свое вниманіе на горскіе народы, обитавшіе на сѣверо-востокѣ отъ Мцхета. Съ крестомъ и евангеліемъ въ рукахъ она предшествовала царю въ дикія горныя мѣстности, гдѣ проповѣдью, чудесами и знаменіями обратила многихъ въ христіанство.

Просвѣтивъ горцевъ, равноапостольная Нина отправилась въ Кахетинское царство въ сопровожденіи іерея Іакова.

Здѣсь была правительницю въ то время женщина, по имени Сунджа. Остановившись, наконецъ, въ Кизики, близъ города Буди (нынѣ село Бодбе), св. Нина окрестила правительницу со всею ея свитою.

Затѣмъ она обратила ко Христу всѣхъ кахетинцевъ и жителей Албаніи, жившихъ по обѣимъ сторонамъ р. Алазани до самыхъ Каспійскихъ береговъ. Послѣдніе годы жизни она проводила въ Кизики. Храмъ усыпальницы святой Нины расположень въ Сигнахскомъ уѣздѣ, Тифлисской губерніи, въ 3-хъ верстахъ отъ г. Сигнаха, въ 100 верстахъ отъ Тифлиса и въ 4-хъ отъ села Бодбе. Онъ воздвигнутъ тотчасъ же по смерти св. Нины (въ началѣ IV ст.) первымъ христіанскимъ царемъ Миріаномъ, въ честь св. великомученика Георгія, двоюродного брата Просвѣтительницы Грузіи.

Несмотря на бури и треволненія, потрясавшія Грузію, онъ ни разу не подвергся разоренію и врученъ нашему времени, какъ кивотъ завѣта грузинской церкви, цѣлымъ и неповрежденнымъ.

А. Чатроевъ.

(Продолженіе будетъ)

РУССКІЯ ПОСЕЛЕНІЯ НА КАВКАЗѢ.

УРОЧИЩЕ ГОМБОРЫ.

Этнографическій очеркъ.

Урочище Гомборы, одно изъ старѣйшихъ русскихъ поселеній на Кавказѣ, находится въ районѣ Тифлисской губерніи, на пути въ Кахетію, по телавскому тракту. Расположено оно у подножья Циви-Гомборского перевала, въ ущельи горъ того же названія. Мѣстность эта возвышается надъ уровнемъ моря на 4000 футовъ, а окружающія селеніе горы въ высшей своей точкѣ на перевалѣ достигаютъ 6500 футовъ. Горы, за исключеніемъ незначительной части, сплошь покрыты лѣсами, которые тянутся по обѣ стороны шоссейной дороги, на протяженіи шести десятковъ верстъ до Алазанской долины. Лѣса на половину состоять изъ дикорастущихъ фруктовыхъ деревьевъ: груши, яблони, кизила, алыхи, орѣшника, перемѣшанныхъ съ дубомъ, чинарой, грабомъ и кленомъ. Часть этихъ лѣсовъ принадлежитъ казнѣ, а остальное огромное пространство находится во владѣніи частныхъ лицъ, преимущественно грузинскихъ князей, къ которымъ земли перешли по праву родового владѣнія. Въ топографическомъ отношеніи мѣстность самого урочища представляеть собою широкое горное ущелье, занимающее площадь земли приблизительно въ три квадратныхъ версты. По обѣимъ сторонамъ урочища протекаютъ двѣ небольшія рѣчки: Русіанъ-цхале и Гомборка, берущія

начало у подножья перевала. Кромъ этихъ рѣчекъ, изъ горъ вытекаетъ много родниковъ, водою которыхъ и пользуется селеніе. Въ геологическомъ отношеніи мѣстность эта представляеть собою слѣды нептуническаго происхожденія, доказательствомъ чего могутъ служить обиліе родниковъ въ горахъ, гранитный валунъ по берегамъ Іоры и двухъ маленькихъ рѣчекъ и множество разнообразныхъ раковинъ въ горныхъ долинахъ. Въ самомъ уроцищѣ и его окрестностяхъ имѣется много ползучаго грунта, происхожденіе котораго довольно неопределенно. Главныя же составныя части почвы здѣсь песокъ и глина. Мѣстами попадается и черноземъ, но его очень мало. Въ климатическомъ отношеніи уроцище Гомборы, окруженное со всѣхъ сторонъ горами и лѣсами и защищенное отъ дѣйствія вѣтровъ, можно признать однимъ изъ числа здоровыхъ мѣстъ на Кавказѣ. Несмотря на сравнительную близость Гомборъ къ Тифлису и Телаву, уроцище по климату довольно рѣзко отличается отъ этихъ двухъ городовъ.

Лѣто здѣсь не бываетъ жаркимъ и самая высокая температура дня не превышаетъ 20° въ тѣни. Лѣтній зной смягчается прохладой горныхъ ущелій и обиліемъ зелени. Весна и осень, занимая въ году около 8 мѣсяцевъ, отличаются значительнымъ выпаденіемъ атмосферныхъ осадковъ. Въ это время года здѣсь наблюдаются постоянная влажность воздуха и частые туманы, свойственные, впрочемъ, почти всѣмъ горнымъ ущельямъ. Зима короткая и проходитъ, сравнительно, сурово. Снѣгъ нерѣдко выпадаетъ довольно большой и держится по недѣлямъ. Морозы среди зимы достигаютъ иногда 18—20°. На Гомборскомъ перевалѣ въ такое время наблюдаются снѣжные заносы пути.

Хищническое истребленіе лѣсовъ въ окрестностяхъ уроцища неблагопріятно отражается на его климатѣ. Въ послѣдніе годы, преимущественно осенью, здѣсь стали наблюдаваться сильные вѣтры, чего прежде не было. Въ связи съ этимъ можно признать и выпаденіе града въ началѣ весны, сильно вредящее цвѣтенію фруктовыхъ деревьевъ. Пасмурные дни преобладаютъ надъ ясными; лѣтомъ дожди выпадаютъ рѣдко, но росы наблюдаются изобилльныя. Грозы бываютъ въ концѣ весны и въ началѣ лѣта и сопровождаются иногда сильнѣйшими ливнями.

Когда основано первое поселеніе уроцища, точныхъ свѣдѣній не имѣется. По рассказамъ старожиловъ, селеніе Гомборы основано въ началѣ текущаго столѣтія и состояло изъ нѣсколькихъ землянокъ, въ которыхъ жило около десяти тушинскихъ семействъ. Существуетъ преданіе, что мѣстомъ прежняго поселенія служила

дикая неприступная скала Гомбори, находящаяся у подножья перевала. Въ этой скалѣ и до настоящаго временія сохранились слѣды пещеръ и развалинъ, очевидно, очень древняго происхожденія. Въ ряду грузинскихъ князей Русіевыхъ до настоящаго времени сохранилось преданіе о томъ, что скала эта съ древнимъ укрѣпленнымъ замкомъ принадлежала одному изъ владѣтельныхъ предковъ ихъ рода.

Раскопки, произведенныя археологами дилеттантами, открыли массу человѣческихъ костей въ одной изъ глубокихъ цистернъ, предназначенныхъ, вѣроятно, для сбереженія воды на время случайныхъ нападеній враговъ.

Что-же касается вообще русскаго поселенія, то о немъ въ литературѣ впервые упоминается въ запискахъ Н. Н. Муравьев-Карсскаго. Разсказывая о дуэли современниковъ А. С. Грибоѣдова, барона Кюхельбекера и Похвистнева, авторъ говоритъ, что (20 апр. 1822 года) изъ Гомборъ былъ вызванъ въ качествѣ секунданта артиллерійскій капитанъ-листъ. Этимъ устанавливается тотъ фактъ, что Гомборы штабъ-квартирой для войскъ стали служить въ началѣ текущаго столѣтія. Несмотря, однако, на то, что артиллерія пробыла въ уроцищѣ болѣе двадцати лѣтъ, послѣднее за это времія развивалось медленно и къ приходу 1-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона (въ 1844 г.) стрѣлки, прозванные впослѣдствіи „гомборцами“, не нашли здѣсь не только порядочныхъ, но мало мальски сносныхъ помѣщеній для офицеровъ и ихъ семействъ. Даже казенные помѣщенія, оставленныя артиллеристами, были такъ плохи, ветхи и неудобны, что ихъ опасно было занять на одну зиму, и первый годъ стрѣлки прожили въ конюшняхъ. Штабъ-квартира стрѣлковъ окончательно устроилась лишь черезъ два года. Съ этого времія въ сущности и начинается основаніе русской слободки семейными стрѣлками, которые начали строить вблизи казармъ небольшія мазанки и разбивать вокругъ нихъ садики. Слободка эта названа Стрѣлковой.

Съ уходомъ стрѣлковъ изъ Гомборъ въ 1870 г. на ихъ мѣсто были присланы двѣ артиллерійскія батареи, которая въ свою очередь дали новый приростъ населенія изъ числа остающихся послѣ службы отставныхъ низшихъ чиновъ. Семейства этихъ отставныхъ солдатъ образовали другую слободку въ уроцищѣ—Артиллерійскую. Изъ этихъ данныхъ видно, что главный контингентъ населенія уроцища составлялся изъ отставныхъ солдатъ.

Въ настоящее время общее число жителей достигаетъ неболь-

шой сравнительно цифры 560 человѣкъ. Дымовъ считается по официальнымъ свѣдѣніямъ 77. Населеніе урочища почти исключительно русское, есть нѣсколько семействъ польскихъ и еврейскихъ. Что касается женщинъ, то среди нихъ, между прочимъ, встрѣчаются грузинки и армянки; объясняется это тѣмъ, что мужчины, за недостаткомъ на мѣстѣ русскихъ женщинъ, принуждены были жениться на туземкахъ. Въ послѣднее время смѣшанные браки совершаются рѣже и мѣстная мужская молодежь береть себѣ въ жены дѣвушекъ изъ ближайшихъ русскихъ и молоканскихъ селеній. Такимъ образомъ, составъ населенія въ урочищѣ довольно разнообразный. Какое вліяніе имѣли смѣшанные браки на населеніе, сказать трудно, по недостатку наблюдений. Этимъ бракамъ можно приписать лишь разнообразіе физического строенія жителей урочища. Во многихъ семьяхъ замѣчаются характерные черты типовъ, соответствующихъ национальности родителей, преимущественно съ материнской стороны. Большая часть поселянъ средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, цветъ волосъ темный. Бѣлокурыхъ или свѣтло-волосыхъ всего нѣсколько человѣкъ. Говорятъ всѣ безъ исключенія по-русски. Въ языке, однако, замѣчаются отдѣльные слова и фразы, соответствующія каждой национальности; почти всѣ старожилы говорятъ по-грузински.

Общее количество земли, которой владѣютъ поселяне, довольно значительно. На каждого крестьянина приходится не менѣе 15 десятинъ надѣльной земли. Кроме того, гомборцы арендуютъ болѣе 200 десятинъ земли у казны.

Такимъ образомъ, на каждого домохозяина приходится въ среднемъ не менѣе 18 десятинъ. Впрочемъ, такимъ количествомъ земли пользуются лишь крестьяне, имѣющіе надѣлы. Изъ общаго числа поселянъ найдется много такихъ, у которыхъ количество земли не превышаетъ пяти десятинъ. Это тѣ изъ крестьянъ, которые не были своевременно приписаны къ обществу и не получили надѣловъ. Въ виду недостатка рабочаго скота многие изъ надѣленныхъ землей обрабатываютъ лишь часть ея, сдавая свободные участки въ аренду; безлошадные обрабатываютъ землю исполну.

Вообще распределеніе земли, годной для обработки, довольно ненормально и многіе остаются здѣсь совершенно безъ земли, какъ, напр., вдовы и отдѣлившіеся отъ отцовъ взрослые сыновья.

Хлѣбопашество ведется довольно примитивно. Землю пашутъ не глубокимъ плугомъ въ запряжкѣ волами. Перепашекъ не дѣлается и земля слегка лишь боронится. Сѣютъ здѣсь преимуще-

ственno пшеницу и очень мало проса, большая же часть земли засаживается картофелемъ. Посѣвы разсчитаны на удовлетворение главнымъ образомъ своихъ потребностей. Пшеницу продаютъ на сторону очень немногие. Что касается картофеля, то его застѣваются много и онъ одинъ только и поступаетъ въ продажу. Земля до сихъ поръ не унаваживалась, довольно плодородна и даетъ въ среднемъ недурные урожаи. Недородовъ до настоящаго времени въ селеніи не наблюдалось. По наблюденіямъ старожиловъ урожайность земли замѣтно уменьшается, что указываетъ на постепенное истощеніе почвы.

Крестьяне сознаютъ пользу удобрения земли, но находятъ его неудобнымъ по причинѣ гористости мѣстности, занятой подъ посѣвы. Что касается пастищныхъ мѣстъ для выгона скота, то урошице въ нихъ сильно нуждаются, вслѣдствіе отсутствія заливныхъ луговъ. Сѣнокосы и выгоны у поселянъ разбиты по кустарникамъ и горамъ и количества сѣна, заготовляемаго крестьянами, съ трудомъ хватаетъ для прокорма скота. Въ виду этого скотоводство въ селеніи не развивается и ограничено удовлетвореніемъ домашнихъ потребностей: имѣется по нѣсколько паръ быковъ для работы, коровъ и лошадей. Послѣднихъ держать, впрочемъ, очень немногие изъ числа зажиточныхъ поселянъ.

Подспорьемъ въ домашнемъ хозяйствѣ является посадка огородныхъ овощей. Кое кто изъ поселянъ занимается пчеловодствомъ; послѣднее ведется весьма неумѣло, устарѣлыми способами, по чурочной системѣ, и развивается поэтому плохо, хотя мѣстные условия способствуютъ процвѣтанію этого занятія. Изъ боченныхъ промысловъ весьма видную роль играетъ въ жизни селенія перевозка тяжестей, преимущественно углей и вина. Щи возятся изъ селенія въ Тифлісъ по 50 к. за мѣшокъ; отъ перевозки на четырехъ волахъ выручается до 15 р. Еще выгоднѣй перевозка вина въ бочкахъ изъ Кахетіи. Извозомъ поселяне занимаются преимущественно осенью и зимой; часть вырученныхъ отъ этого денегъ идетъ на уплату податей и разныхъ другихъ общественныхъ сборовъ. Очень немногие изъ поселянъ занимаютъ отхожими промыслами. Большинство знаетъ какое-либо ремесло, но знанія эти остаются почему-то безъ примѣненія. Изъ всѣхъ семей только двѣ занимаются бочарнымъ ремесломъ, распилюй досокъ для бочекъ, выдѣлкой телѣгъ, саней, фургоновъ, но только въ свободное отъ полевыхъ занятій время.

Внѣшний видъ урошица весьма привлекательный. Маленькие выбеленные домики утопаютъ въ зелени садовъ и тянутся длинной линіей по обѣимъ сторонамъ шоссе. Все селеніе состоять

изъ четырехъ улицъ, соотвѣтственно числу отдѣльныхъ слободокъ. Улицы эти почти всѣ вымощены камнемъ. Въ центрѣ селенія на высокомъ бугре возвышается хорошенъкая военная церковь.

Тамъ и сямъ въ селеніи разбросаны отдѣльныя усадьбы интеллигентныхъ жителей, которымъ по обстоятельствамъ военной службы приходилось проживать долго въ урочищѣ. Постройки эти большою частью городского типа съ обширными садами и служатъ лучшимъ украшеніемъ селенія.

Что касается домиковъ поселянъ, то всѣ они безъ исключения одноэтажные. Построены они такъ, какъ это дѣлается въ Малороссіи—изъ толстыхъ досокъ, обмазанныхъ снутри и снаружи глиной, оштукатуренныхъ и выбѣленныхъ известью.

Въ виду дачниковъ, ежегодно пріѣзжающихъ на лѣто въ селеніе, и найма офицерами мѣстнаго гарнизона квартиръ въ послѣднее время поселяне начали строить болѣе обширные дома въ нѣсколько комнатъ, но такихъ домовъ здѣсь имѣется пока очень немного. Большая часть домиковъ раздѣлена на двѣ равные половины, изъ которыхъ одна чистая, состоящая изъ двухъ комнатъ, обставлена довольно прилично. Здѣсь можно встрѣтить предметы городской обстановки: мягкую и вѣнскую мебель, зеркала, шкапы, комоды и этажерки.

Дворовъ при домахъ имѣется два: одинъ—мощеный, чистый и другой—задній; службы при домахъ разсчитаны для зимняго помѣщенія скота и состоять главнымъ образомъ изъ хлѣвовъ и сараевъ для склада сѣна и разнаго имущества.

Живутъ поселяне, за немногими исключеніями, весьма житочно. Нужду терпятъ очень немногіе. Работаютъ лѣто и отдыхаютъ (въ буквальномъ смыслѣ) зимой. Едятъ всѣ очене-дурно. Каждый имѣеть къ столу мясо. Почти всѣ семьи зарекаются утромъ, пьютъ кофе въ полдень, обѣдаются и ужинаютъ. Къ чаю и кофе нерѣдко подаются пироги изъ пшеничной ткани, сыръ, масло, яйца. Въ праздники пища разнообразится ломаней птицей, которую имѣеть каждый домохозяинъ.

Въ лѣтнее время, даже въ самую горячую пору полежать работъ, поселяне встаютъ поздно и отправляются въ поле ишь послѣ хорошаго завтрака и чая. Одѣваются жители также идурно: мужчины—въ цветные поддевки, камзолы съ брюками въ сапоги и навыпускъ, женщины—въ цветные платья и длинны накидки. Что касается лѣвшукъ, то всѣ онѣ одѣваются, подражая городской модѣ. Дорогія накидки, тальмы, кофточки, шерстяныя модныя платья,шелковые цветные платки и зонтики—обычное

явленіе въ урочищѣ. По характеру одежды здѣшнихъ дѣвушекъ можно смѣло назвать „барышнями-крестьянками“. Погоня за модой, повидимому, вредно отражается на характерѣ мѣстныхъ дѣвушекъ. Большая часть изъ нихъ чуждается домашнихъ черныхъ работъ, а въ лѣтнюю страду почти ни одна не пойдетъ жать хлѣбъ, предоставляемъ этогъ тяжелый трудъ наемнымъ рабочимъ. Любопытно, что мѣстныя дѣвушки избѣгаютъ своихъ деревенскихъ парней и въ рѣдкихъ случаяхъ выходятъ за нихъ замужъ, предпочитая имъ городскихъ жителей. Уровень умственного развития мѣстного населенія весьма не высокъ. За исключениемъ нѣсколькихъ человѣкъ, служившихъ раньше писарями, фельдфебелями въ частяхъ войскъ, всѣ остальные жители настолько мало грамотны, что съ трудомъ могутъ подписать свою фамилію. Это старики, взрослые-же дѣти ихъ обладаютъ еще меньшей долей грамотности.

Объясняется это обстоятельство долгимъ отсутствиемъ въ селеніи начального образованія. До 1890-го года въ урочищѣ не имѣлось никакой школы и только съ этого времени открылась здѣсь одноклассная церковно-приходская школа, помѣщавшаяся въ теченіе восьми лѣтъ въ домѣ, купленномъ для сельского правленія. Многолѣтнее отсутствіе школы въ селеніи и начального образованія отразилось весьма неблагопріятно на общемъ складѣ характера и жизни мѣстныхъ жителей, создавъ массу уродливыхъ и ненормальныхъ явлений. Начать съ того, что изъ бывшихъ солдатъ николаевской продолжительной демонстрающей службы не могли выработать земледѣльцы; эти крестьяне-солдаты сохранили за собой всѣ привитые имъ суровой кантонистской школой наклонности, привычки и пороки. Отрешеніе къ труду, предпочтеніе легкихъ занятій, праздность и лость, неумѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ— вототличительные черты характера мѣстныхъ поселянъ. Страсть къ живѣ развита здѣсь въ значительной степени. „Погоня за рублемъ“ играетъ большую роль въ жизни здѣшняго населенія. Блацаря этимъ обстоятельствамъ, селеніе, безусловно удобное для чной жизни, до сихъ поръ не можетъ привлечь къ себѣ симпій дачниковъ. Страшная дороживизна предметовъ первѣйшей необходимости и отсутствіе многихъ удобствъ ведутъ къ тому, что дачники неохотно пріѣзжаютъ въ Гомборы на лѣто.

Правственные качества поселянъ развиты въ весьма слабой степени. „Отцы“ и „дѣти“ часто посѣщаются духанъ и не пьющие лица здѣсь рѣдки. Между молодежью и стариками разница въ потреблении спиртныхъ напитковъ состоять лишь въ томъ,

что старики пьютъ болѣе или менѣе чинно, между тѣмъ какъ выпивка молодежи сопровождается буйствомъ, безшабашной удалю и различными безобразными выходками. Во время кутежей парни ходятъ, обнявшись, толпами по улицамъ, горланять пѣсни, неприлично ругаются, затѣваются драки, а когда темнѣеть, переходятъ къ болѣе серьезному безобразіямъ: бьютъ стекла въ домахъ, устраиваютъ примѣрные похороны или свадьбы, съ дикимъ пѣніемъ носятъ по улицамъ зажженные смоляные факелы, мажутъ дегтемъ ворота въ тѣхъ домахъ, въ которыхъ живутъ девушки, чѣмъ-нибудь досадившія имъ. Этими сравнительно „невинными“ безобразіями не всегда ограничивается дѣло; случаются кражи, поджоги, пораненія и убийства.

За короткій промежутокъ времени здѣсь наблюдалось шесть убийствъ и нѣсколько поджоговъ. Любопытно при этомъ, какъ характерная черта нравственности здѣшнихъ поселянъ, то обстоятельство, что во всѣхъ случаяхъ преступленій властямъ не удается найти виновныхъ, хотя имена изъ известны всему селенію.

Укрывательство преступленій развито здѣсь въ сильной степени и его поддерживаютъ даже местные сельскія власти. Къ числу отрицательныхъ сторонъ жизни местного населения нужно отнести также замѣтную для каждого мало мальски внимательного наблюдателя сильную рознь между „отцами“ и „дѣдами“. Здѣшняя молодежь находится въ полномъ неповиновеніи своимъ родителямъ. Во многихъ домахъ ссоры и драки сыновей съ отцами сдѣлялись обычнымъ явлениемъ, которому никто не удивляется. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ подрастающіе сыны уходять отъ родныхъ на сторону и совершенно отбиваются отъ дома. Это по общимъ наблюденіямъ случается въ тѣхъ семьяхъ, въ которыхъ отцы взваливаютъ все наиболѣе тяжелыя робы на сыновей, а сами сидятъ и отдыхаютъ въ духанѣ. Конечно, есть и исключенія, но они, къ сожалѣнію, рѣдки.

Отношенія мужей и женъ здѣсь въ большинствѣ также не-нормальны. Рознь замѣчается во многихъ семьяхъ. Дѣлдоходить до того, что супруги расходятся и не живутъ вмѣстѣ; иногда уходятъ на сторону, иногда же остаются въ одномъ стени. Есть семьи, въ которыхъ имѣется сожительство при цѣлѣ серий незаконныхъ дѣтей; есть и развратъ женъ, покинутыхъ мужьями. Наблюдаются измѣны со стороны женъ, даже въ такихъ семьяхъ, въ которыхъ все съ наружной стороны чинно и прилично. Мужья знаютъ объ этомъ, но молчатъ изъ боязни огласки.

Такой ненормальный строй семейной жизни стоитъ въ за-

висимости отъ вліянія военного элемента—штабъ-квартиры уро-чища. Бравый красивый фейерверкеръ-артиллеристъ и даже про-стoy солдатъ въ глазахъ здѣшнихъ женщинъ стоитъ много вы-ше мужика. Даже дѣвушки отдаютъ предпочтеніе военному пе-редъ гражданскимъ и охотно выходятъ замужъ за артиллери-стовъ.

Нѣкоторой близости этихъ отношеній отчасти способство-валъ существующій здѣсь обычай приглашать военныхъ въ ку-мовья, а такъ какъ рождаemость здѣсь довольно большая, то и кумовьевъ бываетъ не мало. Къ этому слѣдуетъ добавить, что большинство здѣшнихъ женщинъ не прочь погулять и выпить въ праздники, для чего устраиваютъ вечеринки и приглашаютъ военныхъ, которымъ это бесплатное угощеніе радушныхъ хозяекъ представляеть удовольствіе. При внимательномъ изученіи здѣшней семейной жизни легко замѣтить главенство женщины надъ мужчиной. Протестъ противъ этого подчиненія проявляет-ся мужчинами въ пьянномъ видѣ, но и въ этомъ случаѣ побѣда остается на сторонѣ женщинъ. Это нѣсколько странное обсто-ятельство вызвано, вѣроятно, первоначальнымъ недостаткомъ женщинъ на мѣстѣ, испытаннымъ поселенцами въ теченіе пол-вѣка со временемъ основанія уро-чища. Этотъ недостатокъ въ жен-щинахъ невольно заставлялъ мужчину цѣнить свою „дрожай-шую“ половину и уступать ей во всемъ, лишь бы она его не бросала. Этимъ быть можетъ и объясняется синходительное отношеніе мужа къ измѣнѣ жены, если это слѣдовано незамѣтно для постороннихъ. Царочные наклонности и нравственные недос-татки взрослого населенія въ извѣстной степени отражаются, конечно, и на подрастающемъ, молодомъ поколѣніи. Этому вліян-ию, къ счастью, въ значительной степени противодѣйствуетъ сельская школа. Какъ ни мала сама по себѣ программа одно-классной церковной и министерской школы, но тѣмъ не менѣе благотворное вліяніе даже начального образованія проявляется здѣсь весьма замѣтно. Большинство здѣшнихъ дѣтей школьнаго возраста выдѣляются хорошимъ поведеніемъ и недурно учатся. Изъ этихъ дѣтей въ селеніи организованъ порядочный церков-ный хоръ. Дѣти охотно посѣщають мѣстную церковь. Не такъ относятся къ вопросамъ религіи взрослые. По общимъ наблюде-ніямъ, ихъ отношеніе къ церкви и службѣ можно признать вполнѣ индифферентнымъ.

Общественное управление въ уро-чищѣ состоитъ изъ сельского старшины, помощника его и писаря, которые избираются обще-ствомъ на три года и получаютъ за это особое содержаніе. Дѣя-

тельность старшины въ отношеніи селенія заключается, главнымъ образомъ, въ приведеніи въ исполненіе постановленій сельскихъ сходовъ и въ полицейско-административныхъ распоряженіяхъ. Сельские сходы собираются разъ въ недѣлю и на нихъ обсуждаются вопросы и дѣла, касающіеся селенія и его жителей; кроме того, имѣется сельскій судъ изъ трехъ выборныхъ. Въ виду часто совершаемыхъ преступленій въ уроцищѣ, въ сельские старшины поселяне идутъ весьма неохотно, отчего нерѣдко получаются весьма печальные результаты. Съ другой стороны, чтобы не чувствовать надъ собой особенно властную руку, поселяне выбираютъ въ старшины лицъ, завѣдомо неспособныхъ къ выполнению сложныхъ и серіозныхъ обязанностей представителя сельской власти. Въ послѣднее время должности старшинъ занимали люди, завѣдомо нетрезвые и порочные. Немудрено, конечно, что эти должностные лица не дослуживали выборныхъ сроковъ и замѣнялись другими. Частыя смѣны старшинъ вели къ путаницѣ въ отправлении общественныхъ дѣлъ и окончательно подрывали довѣріе къ сельской власти. У многихъ изъ старшинъ проявлялась наклонность къ превышенню власти. Такія лица творили судъ и расправу, не заботясь о нарушеніяхъ закона. Случалось, властью старшины прекращались дѣла криминального характера, подлежащія вѣдѣнію суда, какъ, напримѣръ, кражи со взломомъ, пораненія въ дракахъ кинжалами, нанесеніе тяжкихъувѣчий и пр. Во многихъ изъ этихъ случаевъ дѣло кончалось миromъ при содѣйствіи старшины. Таковъ характеръ мѣстнаго общественного управления.

Не мудрено, конечно, что при такихъ условіяхъ преступленія совершаются довольно часто въ селеніи и носятъ иногда звѣрскій характеръ. Бездействіе мѣстной сельской власти и попустительство ведеть къ тому, что въ уроцищѣ, чуть не стольстіе служащемъ штабъ-квартирою для различного рода частей войскъ, не соблюдаются никакъ даже самыя незначительныя требования санитарной гигиены и дѣятельность военно-санитарной комиссіи сводится къ нулю. Съ каждымъ годомъ поселяне все болѣе и болѣе загаживаютъ селеніе свалкою въ центрѣ его навоза и всевозможныхъ органическихъ отбросовъ и заражаютъ чудный горный воздухъ міазмами, а воду зловоніемъ. Природа не прощаетъ селенію этихъ санитарныхъ грѣховъ и уроцище съ превосходными климатическими условиями испытала нѣсколько (незначительныхъ, впрочемъ) эпидемій.

Изъ числа хорошихъ сторонъ жизни мѣстнаго населенія слѣдуетъ отмѣтить существование общественной помощи во много-

гихъ случаяхъ, вызываемыхъ обстоятельствами, и гостепріимство. Особенно охотно принимаютъ здѣсь гостей во время большихъ праздниковъ. Самый большой изъ нихъ Пасха празднуется особенно пышно. Въ этотъ день во всѣхъ домахъ накрываются столы, уставленные различными закусками, настойками и наливками, которые истребляются усердными посѣтителями. Въ нѣкоторыхъ домахъ зажиточныхъ поселянъ праздничный столъ не уступить въ цѣнности и разнообразіи столамъ богатыхъ горожанъ. Во время пасхальной недѣли здѣшняя молодежь устраиваетъ хороводы и веселится. Хороводы водятъ въ теченіе всего лѣта. Любопытно то обстоятельство, что репертуаръ не только хороводныхъ, но и другихъ пѣсенъ не превышаетъ пяти, шести народныхъ пѣсенъ и поражаетъ своимъ однообразіемъ. Изъ другихъ народныхъ увеселеній слѣдуетъ отмѣтить ряженые во время святоокъ. Въ такие дни парни проявляютъ много изобрѣтательности, ходятъ толпами по домамъ и потѣшаютъ невзыскательную публику пляскою вожаковъ медвѣдя, которые между прочимъ довольно старателю выспрашиваютъ у публики деньги на выпивку. Такіе же поборы практикуются во время гуляній на свадьбѣ. Толпа молодежи во главѣ съ „молодыми“ ходить съ гармониками и плясками по улицамъ, посѣщає чужие дворы, забирая въ нихъ куръ, цыплятъ и утокъ на закуску для выпивки. Въ качествѣ прочно установленныхъ обычаевъ можно отмѣтить празднованіе „родительской“, посѣщеніе женщинами роженицъ съ подарками и проводы всѣмъ селомъ покойниковъ. Похороны здѣсь всегда обставляются торжественно и люди не имущіе хоронятся на общественный счетъ. Жажда болѣе осмысленныхъ и полезныхъ развлечений замѣтно существуетъ въ знѣшнемъ населеніи и жители охотно посѣщають случайно устраиваемые дачниками спектакли и чтенія съ туманными картинами. Но помочь материально этимъ благимъ начинаніямъ пока никто изъ поселянъ не заявлялъ желанія.

П. Басихинъ.

Письма Бетховена^{*}).

Часть первая.

(1783—1815 г.)

14.

Вена, 29 июня 1800 г.

Мой добрый, милый Вегелер!

Какъ я благодаренъ тебѣ за память обо мнѣ.

Несмотря на то, что я такъ мало заслужилъ ее и такъ мало старался достигнуть этого, ты все-же такъ добръ и, не взирая ни на что, даже на мою непростительную небрежность, оставшись моимъ вѣрнымъ, добрымъ, честнымъ другомъ. Повѣрь, что я не могу забыть тебя, ни всѣхъ васъ, милыхъ и дорогихъ мнѣ. Бываютъ минуты, когда я тоскую по вѣсѣ и желалъ бы побывать съ вами. Отчизна моя, эта прекрасная страна, въ которой я узрѣлъ свѣтъ, все еще такъ ясно представляется глазамъ моимъ и притомъ такой же прекрасной, какъ во времія моего съ вами разставанія. Короче сказать, самымъ счастливымъ событиемъ моей жизни сочту я то время, когда въ состояніи буду снова увидѣть васъ и поклониться нашему отцу-Рейну. Когда

^{*}) См. „Кав. Вѣсти“, № 2.

произойдетъ это, не могу я еще опредѣлить. Могу сказать только, что вы встрѣтите во мнѣ не только гораздо болѣе совершенного художника, а также и лучшаго, болѣе совершеннаго человѣка; и если положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ окажется нѣсколько лучше, то я покажу искусство свое, но только въ пользу бѣдныхъ. О, блаженный часъ, какимъ счастливцемъ я сочту себя, когда буду близокъ къ этому событию, когда исполню желанное!

Ты хочешь знать что-нибудь о моемъ положеніи. Ну, оно не очень скверно; начиная съ прошлаго года, Лихновскій, который, какъ-бы тебѣ не показалось это невѣроятнымъ, всегда былъ и остается моимъ искреннимъ другомъ (небольшія столкновенія бывали между нами, нѣсколько не прерывая нашей дружбы), назначилъ мнѣ опредѣленную сумму въ 600 гульденовъ, которую я могу получать до тѣхъ поръ, пока не найду подходящаго для себя мѣста. Композиціи мои приносятъ мнѣ много и могу сказать, что получаю столько заказовъ, что не въ состояніи ихъ удовлетворять. На всяку пьесу имѣю 6—7 издателей; а если пожелаю, то и еще больше. Со мною теперь ужъ не торгаются: платятъ то, что я требую. Ты понимаешь, какъ это хорошо. Если я, напримѣръ, вижу своего друга въ нуждѣ и кошелекъ мой не можетъ ему оказать немедленную помощь, то мнѣ стоитъ только присѣсть и сейчасъ могу ему помочь. Кромѣ того, я сталъ экономнѣе прежняго. Если останусь здѣсь навсегда, то доведу дѣла свои до того, что ежегодно буду устраивать по одному собственному концерту [Akademie]; я уже давалъ ихъ нѣсколько разъ. Только разстроенное здоровье мое сыграло со мною чертовскую шутку: въ продолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ я сталъ слышать все хуже. Причиной этому послужили желудочныя боли, которыми, какъ тебѣ известно, я еще прежде страдалъ, будучи постоянно одержимъ иносомъ.

Франкъ [директоръ общественной больницы] хотѣлъ настроить мой организмъ укрѣпляющими лѣкарствами, а слухъ—миндалевымъ масломъ, но не тутъ-то было! Изъ всего этого ничего не вышло: слухъ мой становился все хуже, а желудокъ оказался въ прежнемъ положеніи.

Такъ это длилось, до осени прошлаго года, приводя меня по временамъ въ отчаяніе. Тогда одинъ медицинскій осель [medizinischer Asinus] посовѣтовалъ мнѣ купаться въ холодной водѣ, а другой, менѣе глупый—въ обыкновенныхъ тепловатыхъ ваннахъ изъ дунайской воды. Эффектъ былъ чудный: брюшныя страданія уменьшились, а слухъ остался безъ измѣненія, или, вѣрнѣе, сталъ еще хуже. Этую зиму провелъ я дѣйствительно

самымъ жалкимъ образомъ: страдалъ ужасной коликой и снова впалъ въ мое прежнее состояніе, отъ котораго освободился лишь около четырехъ недѣль тому назадъ, благодаря Верингу [штабъ-лѣкарю], къ которому я, имѣя довѣrie, и обратился, предполагая, что болѣзнь моя требуетъ помочи хирурга. Ему удалось почти совершенно остановить поносъ, прописавъ для этого тепловатыя дунайскія ванны, въ которыхъ я всякий разъ вливалъ еще бутылочку крѣпительного вещества. Онъ не давалъ мнѣ никакого лѣкарства и только дня четыре тому назадъ прописалъ пилюли для желудка и какой то чай для уха. Теперь могу сказать, что чувствую себя здоровѣе и лучше; только въ ушахъ шумъ и ревъ продолжаются день и ночь. Признаюсь, жизнь моя жалка: почти два года избѣгаю всякаго общества, такъ какъ не могу открыться въ томъ, что я глухъ. Если-бы у меня было другое занятіе, то бѣда была-бы не велика, но при моей специальности —это ужасное положеніе. Къ тому-же еще враги мои, число которыхъ довольно значительно.... Что они скажутъ!

Чтобы дать понятіе тебѣ обѣ этой удивительной глухотѣ, скажу, что въ театрѣ, чтобы понять исполненіе артистовъ, я вынужденъ садиться какъ можно ближе къ оркестру. Несколько удалившись, я уже не слышу высокихъ тоновъ инструментовъ и пѣнія.

Удивительно, что находятся такие, которые въ разговорѣ со мною этого не замѣчаютъ, приписывая все моей постоянной разсѣянности. Иногда я слышу даже тихій разговоръ, но одни лишь звуки, не понимая словъ; если-же начинаютъ кричать, то это становится для меня невыносимымъ. Что будетъ дальше—Богъ его знаетъ. Верингъ говоритъ, что навѣрное станетъ лучше, хотя не совсѣмъ. Я уже не разъ проклиналъ свое существованіе; благодаря чтенію Плутарха я покорился Провидѣнію. Удастся-ли, не знаю, но хочу бороться съ судьбой, хотя, конечно, будуть минуты, когда я буду чувствовать себя несчастнѣйшимъ существомъ въ мірѣ. Прошу тебя о состояніи моемъ никому, даже Лорхѣ [Леонорѣ Брейнингъ], ничего не говорить, такъ какъ только тебѣ довѣряю это, какъ тайну. Мнѣ хотѣлось-бы, чтобы ты по этому предмету списался при случаѣ съ Верингомъ. Если состояніе мое останется такимъ-же, то будущей весной пріѣду къ тебѣ. Ты наймешь мнѣ дачу въ какой нибудь красивой мѣстности и я проживу тамъ крестьяниномъ съ полгода. Можетъ быть состояніе мое измѣнится. Терпѣніе и покорность! Какое жалкое убѣжище, а все-же оно остается для меня единственнымъ.

Надѣюсь, ты не станешь меня винить за то, что, несмотр-

ря на печальное твое положение, навязываю я тебе еще эти приятельскія заботы. Стеф. Брейнингъ находится теперь здѣсь и мы почти ежедневно видимся; мнѣ такъ пріятно снова вызывать въ себѣ прежняя чувства. Онъ дѣйствительно сдѣлался добрымъ, прекраснымъ малымъ, кое чemu научился и, подобно многимъ изъ насть, имѣеть болѣе или менѣе чуткое сердце.

У меня теперь прекрасная квартира [у барона Паскалати] съ видомъ на бастіонъ и полезная вдвойнѣ для моего здоровья. Думаю, что мнѣ удастся устроить, чтобы Брейнингъ перешелъ ко мнѣ. Твоего Антіоха [картина] получишь и, кроме того, еще множество моихъ нотъ, если это не покажется тебѣ дорогимъ. Откровенно говоря, любовь твоя къ искусствамъ меня продолжаетъ очень радовать. Напиши только, какимъ образомъ высказать тебѣ всѣ мои сочиненія, число которыхъ, разумѣется, не малое и возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Взамѣнъ портрета моего дѣдушки, о скорѣйшей присылкѣ котораго по почтѣ прошу тебя, посылаю тебѣ портретъ его внука, твоего преданнаго тебѣ сердечно Бетховена; портретъ этотъ продается здѣсь у Артарія (который обѣ этомъ такъ часто просилъ меня) и въ другихъ магазинахъ художественныхъ произведеній. Стефеллю [Христофору фонъ-Брейнингу] я вскорѣ буду писать и немножко проберу за его упрямство. Напомню ему прежнюю дружбу и потребую клятву въ томъ, что онъ не станетъ беспокоить своими жалобами васъ, достаточно уже удрученныхъ горемъ вашимъ. Также и доброй Лорхенъ напишу я. Никогда, милые мои, не забывай я кого-бы то ни было изъ васть, даже если и ничего не писать. Но писать (вѣдь это тебѣ извѣстно) я небольшой охотникъ; самые лучшіе друзья мои по цѣлымъ годамъ не получали отъ меня писемъ. Я живу только среди своихъ нотъ, и едва кончаю съ однѣми, какъ ужъ приступаю къ другимъ.

Подобно тому, какъ пишу вотъ теперь, сочиняю я иногда три, четыре пьесы одновременно.

Пиши мнѣ по-чаще; я ужъ постараюсь и тебѣ писать по временамъ. Кланяйся отъ меня всѣмъ, доброй госпожѣ придворной совѣтницѣ [фонъ-Брейнингъ] тоже и скажи ей, что у меня по временамъ бываетъ еще raptus. Что касается К., то я вовсе не удивляюсь тому, что она измѣнилась; счастіе—шарообразно и не всегда падаетъ на лучшее, благороднѣйшее. Еще одно слово насчетъ Риса [придворный музыкантъ въ Боннѣ], которому передай мой сердечный поклонъ.

Относительно его сына [Фердинанда] напишу тебѣ подробнѣе, хотя думаю, что для карьеры Парижъ лучше Вѣны. Вѣна

переполнена дѣятелями, вслѣдствіе чего даже самыи выдающімся трудно здѣсь жить. До осени или до зимы подумаю, какъ ему помочь, потому что тогда всѣ возвратятся въ городъ. Прошай, добрый, вѣрный Вегелеръ! Будь увѣренъ въ любви и дружбѣ

твоего

Бетховена.

15.

Къ графинѣ Джульеттѣ Гуичарди.*)

6-го іюля, утромъ.

Мой ангелъ, мое все, мое я! Сегодня лишь нѣсколько словъ и притомъ карандашемъ (твоимъ), такъ какъ только завтра рѣшился окончательно вопросъ о моей новой квартирѣ. Какое злоупотребленіе временемъ!... Къ чему эта глубокая скорбь, если обстоятельства требуютъ иного; вѣдь любви нашей не нужны жертвы....

Не требуя всего, ты можешь измѣнить обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ ты не вся принадлежишь мнѣ и не весь я твой..... Ахъ, Господи! взгляни на чудную природу и успокой свое сердце. Любовь требуетъ всего и это совершенно правильно; тоже самое происходитъ у меня съ тобою, у тебя со мною. Однако, тебѣ не надо забывать, что я обязанъ жить для себя и для тебя..... Если бы не существовало препятствій къ нашему взаимному влечению, то боль эта была бы для тебя также не чувствительна, какъ и для меня...

Путешествіе мое было ужасное, я только вчера, въ 4 часа утра, прибылъ сюда. Такъ какъ оказался недостатокъ въ лоша-

---

*) Эти письма къ „безсмертной возлюбленной“, которой посвящена Cis-moll—соната (Quasi una fantasia или лунная, оп. 27, № 2), изданы впервые Нолемъ безъ малѣйшихъ отступлений отъ оригинала, писанаго карандашемъ на тонкой почтовой бумагѣ и находящагося въ коллекціи, принадлежащей Шиндлеру. О томъ, когда именно эти письма написаны, было не мало споровъ. Но констатировано, что Julietta въ 1801 году вышла за графа Галленберга, а 6-е іюня приходилось на понедѣльникъ въ 1800 году. Другія причины, понудившія Л. Ноля полагать, что письма эти писаны именно въ 1800 году, будуть указаны во второй части собранія писемъ. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что Бетховенъ находился тогда въ водолѣчебномъ заведеніи въ Бенгрии и буква K. (во второмъ письмѣ) быть можетъ означаетъ городъ—Коломбъ.

дяжъ, то почту направили другимъ путемъ, но самымъ ужаснымъ; на послѣдней станціи предостерегали меня не ѻхать ночью, пугали меня, но я отправился и—напрасно: экипажъ мой сломался на этомъ ужасномъ пути и я очутился среди болотъ проселочной дороги. Не будь у меня хорошихъ ямщиковъ, я и остался бы среди дороги. Эстергази, съ восьмеркою лошадей, на другомъ, обыкновенномъ пути, постигла та же самая участъ, какая меня постигла съ четверкою. Однако, съ удовольствіемъ все это забылъ, какъ и всегда забываю непріятность, которую удастся преодолѣть.

Теперь отъ виѣшникъ дѣлъ къ внутреннимъ. Мы вскорѣ увидимся, но я все еще не въ состояніи сообщить своихъ мыслей за послѣдніе дни. Если бы наши сердца были всегда неразлучны, я, конечно, ничего не скрываль бы. Много накопилось въ груди такого, что стремлюсь разсказать тебѣ. Ахъ, бываютъ моменты, въ которые я нахожу, что слова мои бессильны. Будь весела и оставайся моимъ вѣрнымъ, единственнымъ сокровищемъ, моимъ всѣмъ; я же весь твой. Остальное, что насть ожидаетъ,—да ниспошлютъ боги.

Твой вѣрный *Людвигъ*.

Понедѣльникъ, 6-го іюля, вечеромъ.

Ты страдаешь, дрожайшее созданіе. Только что узналъ я, что письма слѣдуетъ подавать на разсвѣтѣ по понедѣльникамъ и четвергамъ—это единственные дни, въ которые почта идетъ отсюда въ К. Ты страдаешь! Ахъ, гдѣ бы я не находился, всегда ты со мною. Мы устроимъ съ тобою жизнь неразлучную. Какая жизнь!!!! Да!!!! Тяжко безъ тебя тому, кто всюду подверженъ, по милости людской, преслѣдований, которыхъ я никакъ не заслуживаю. Униженіе одного человѣка предъ другимъ огорчаетъ меня, въ особенности при мысли о томъ, что именно я представляю собою среди окружающихъ и что представляетъ тотъ, котораго всѣ называютъ величайшимъ. При всемъ томъ, все таки я признаю въ человѣкѣ божественное начало: я подразумѣваю любовь твою и еще болѣе сильную любовь мою къ тебѣ! Я плачу при мысли, что ты, вѣроятно, только въ субботу получишь отъ меня первое извѣстіе. Не скрывай отъ меня ничего.

Спокойной ночи! По обязанности пользующагося водами, мнѣ уже необходимо лечь. [Здѣсь самимъ Бетховеномъ зачер-

кнuto три или четыре слова]. Ахъ, Господи! Какъ близко и какъ далеко! Не есть ли любовь наша настоящее небесное зданіе и такое же прочное, какъ твердь небесная.

7-го июля.

Доброго утра!

Лишь только проенусь, уже мысли мои стремятся къ тебѣ, моя безсмертная возлюбленная, тутъ и тамъ, то радостно, то печально, и въ постоянномъ ожиданіи: услышитъ-ли наконецъ насть судьба? Или мы должны быть неразлучны, или я готовъ умереть. Да, я рѣшилъ странствовать до тѣхъ поръ, пока меня не примутъ твои объятія; тогда стану я вполнѣ твоимъ и, окруженный ласками твоими, буду готовъ перейти въ царство тѣней. Да, быть по сему. Ты должна успокоиться; вѣдь вѣрность моя тебѣ извѣстна: другая сердцемъ моимъ никогда владѣть не можетъ—никогда, никогда. О, Боже! почему любимое постоянно удаляется? Жизнь моя, въ настоящее время, въ В. такъ жалка. Любовь твоя сдѣлала меня счастливѣйшимъ и въ то же время несчастнѣйшимъ. Въ мои годы необходима нѣкоторая равнѣрность въ жизни. Но возможно ли думать о ней при настоящемъ нашемъ положеніи? Только что узнать я, ягненокъ ты мой, что почта отходитъ ежедневно и посему спѣшу кончить и отправить это письмо. Будь спокойна, только спокойнымъ отношеніемъ къ нашему положенію можемъ достигнуть своей цѣли—жить вмѣстѣ. Будь спокойна, люби меня. Сегодня и вчера—какія слезы, какая тоска по тебѣ, тебѣ, тебѣ, жизнь моя, мое все!

Прощай. О, продолжай любить меня. Не забывай никогда вѣрнѣйшаго сердца

твоего возлюбленаго

Л.

Вѣчно твой.

Вѣчно свой.

Вѣчно нашъ.

16.

Къ Маттисону.

Глубокоуважаемый!

При семъ получите отъ меня пьесу, которая уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ появилась въ печати и о которой, можетъ

быть, вамъ, къ стыду моему, еще ничего неизвѣстно. Извиняться предъ вами въ томъ, что я сдѣлалъ вамъ посвященіе отъ всей души, ничего не сообщивъ объ этомъ, считаю невозможнымъ; это произошло отчасти потому, что мнѣ неизвѣстенъ былъ вашъ адресъ, а отчасти вслѣдствіе опасенія, что опрометчивость моя не вызоветъ вашего одобренія. Да и теперь посылаю вамъ „Аделаиду“ не безъ боязни. Вы сами знаете, какая разница можетъ произойти за нѣсколько лѣтъ въ художникѣ, постоянно подвигающемся впередъ: чѣмъ больше успѣваешь въ искусствѣ, тѣмъ менѣе начинаютъ удовлетворять прежнія произведенія. Мое искреннее желаніе заключается въ томъ, чтобы музыка моя къ вашей небесной „Аделаидѣ“ хоть сколько нибудь понравилась вамъ и если она побудитъ васъ создать въ скорости подобное же стихотвореніе, то (если не найдете просьбу мою нескромною) я желать-бы немедленно его получить; употреблю тогда всѣ свои силы, чтобы вполнѣ постичь прелесть вашей поэзіи. Дедикацію мою считайте, отчасти, какъ знакъ удовольствія, которое испытать я, сочиняя музыку къ вашей „Аделаидѣ“, а отчасти, какъ знакъ моей глубокой благодарности за блаженство, доставляемое мнѣ вашей музой и ожидаемое мною отъ нея впредь.

Вѣна, 1800 года, 4-го августа.

Вспоминайте иногда, при разыгрываніи „Аделаиды“, вашего искренно уважающаго васъ

Бетховена.

17.

Къ госпожѣ Франкъ, въ Вѣнѣ *).

Нахожу необходимымъ напомнить вамъ, моя добрѣйшая, что вы должны предупредить забывчивость супруга относительно предстоящаго второго концерта и что лица, содѣйствующія своими дарованіями этому концерту, вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствуютъ собственной популярности; таковъ общій взглядъ. Да, по моему,

*) Подлинникъ этого письма находится въ Вѣнѣ, у директора больницы, совѣтника д-ра Гельма (Helm), женатаго на воспитанницѣ той личности, которой оно адресовано и которая, будучи замужемъ за директоромъ Франкомъ (см. письмо № 14), въ свое время извѣстна была какъ пѣвица-дилетантка. Оно написано, надо полагать, въ сентябрѣ или октябрѣ 1800 года, такъ какъ Пунто тогда концертировалъ въ Вѣнѣ. Соната оп. 17 впервые издана въ 1801 году.

иначе невозможно было бы увеличить число посетителей, что, конечно, составляет главную цель этого концерта. Пунто [занемитый волторнистъ, для которого Бетховенъ написал сонату ор. 17.] очень сердитъ по поводу отсутствія супруга вашего и совершенно правъ. Поэтому я нарочно, прежде чѣмъ его увижу, рѣшилъ напомнить вамъ, полагая, что только какое нибудь спѣшное дѣло или особенная забывчивость могли вызвать это отсутствіе. Постарайтесь-же, добрѣйшая, сдѣлать это теперь, такъ какъ въ противномъ случаѣ вы, навѣрно, подвергнетесь непріятностямъ. Такъ какъ я лично убѣжденъ и знаю отъ другихъ, что могу содѣйствовать успѣху этихъ концертовъ, то посему я, равно какъ и Пунто, Симони (тенористъ) и Гальвани требуемъ, чтобы публика познакомилась съ нашимъ усердіемъ въ устройствѣ концертовъ съ благотворительною цѣлью, въ противномъ случаѣ окажется, что наши труды бесполезны.

Весь вашъ
Л. ф. Бетховенъ.

18.

Вильна, 16 ноября 1800 года.

Мой добрый Вегелерь!

Благодарю за новое доказательство твоей заботливости обо мнѣ, тѣмъ болѣе, что я этого такъ мало заслужилъ. Ты хочешь знать, какъ я поживаю, въ чемъ я нуждаюсь. Хотя вообще я не люблю обѣ этомъ вести бесѣду, но съ тобою охотно поговорю.

Верингъ уже нѣсколько мѣсяцевъ накладываетъ мнѣ на обѣ руки шпанскія мушки, которыхъ, какъ ты знаешь, дѣлаются изъ извѣстной коры. Это весьма непріятное лѣченіе, такъ какъ всякий разъ, пока пластырь не нарветъ, я лишаюсь дня на два свободнаго движенія рукъ, ужъ не говоря о боли. Дѣйствительно, не могу отрицать того, что шумъ и гулъ нѣсколько уменьшились, въ особенности въ лѣвомъ ухѣ, съ которого собственно болѣзнь и началась, но служъ мой никакъ не улучшился. Не рѣшаюсь утверждать, но, кажется, что онъ скорѣе ухудшился. Съ желудкомъ дѣло идетъ лучше, въ особенности отъ употребленія теплыхъ ваннъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, я чувствую себя затѣмъ отъ 8 до 10 дней прекрасно. Весьма рѣдко принимаю что либо укрепляющее желудокъ. Теперь начи-

наю, согласно твоему совѣту, прикладываніе травъ къ животу. О душахъ Верингъ ничего слышать не хочетъ. Вообще я имъ очень недоволенъ: онъ проявляетъ слишкомъ мало заботливости и терпѣнія; но еслибы я не ходилъ къ нему (что мнѣ крайне трудно), то никогда и не видѣлъ-бы его. Какого ты мнѣнія о Шмидтѣ [штабъ-лѣкарѣ]? Хотя я не склоненъ къ перемѣнамъ, но мнѣ кажется, что Верингъ слишкомъ преданъ практикѣ, не следить за наукой, не пользуется новыми изслѣдованіями. Шмидтъ представляется мнѣ въ этомъ отношеніи совсѣмъ другимъ человѣкомъ и не столь нерадивымъ. О гальванизмѣ разсказываютъ чудеса; каково обѣ этомъ твоє мнѣніе? Одинъ медикъ сказалъ мнѣ, что этимъ способомъ слухъозвращенъ глухонѣмому ребенку (въ Берлинѣ) и одному человѣку, который семь лѣтъ былъ глухимъ. Только что узналъ я, что твой Шмидтъ занимается этими опытами.

Теперь я чаще бываю въ обществѣ и потому жизнь моя стала нѣсколько веселѣе. Ты не можешь себѣ представить, какъ одиноко и печально провелъ я послѣдніе два года. Глухота, точно призракъ какой то, преслѣдовала меня повсюду; я избѣгалъ людей, прикидываясь мизантропомъ, каковымъ никогда не былъ. Эту перемѣну произвела во мнѣ милая, очаровательная девушка [Guicciardi Julietta], которая любитъ меня и которую я люблю. За два послѣдніе года—нѣсколько блаженныхъ минутъ! Я чувствую впервые, что женившись могу быть счастливымъ. Къ сожалѣнію, она не моего званія и теперь я, конечно, не могъ бы жениться; мнѣ предстоитъ еще много борьбы и хлопотъ. Еслибы я не страдалъ глухотой, то ужъ давно обѣхалъ бы полсвѣта; это мнѣ необходимо. Для меня нѣть высшаго удовольствія, какъ заниматься своимъ искусствомъ и показывать его. Не думаю, что у васъ мнѣ было-бы лучше. Да и что можетъ сдѣлать меня счастливѣе? Даже заботливость ваша только стѣсняла бы меня. Ежеминутно видѣлъ-бы я на вашихъ лицахъ состраданіе и считать бы себя еще болѣе несчастнымъ. Что можетъ мнѣ дать прекрасная моя отчизна? Ничего, кроме надежды на лучшее въ будущемъ. Оно осуществилось-бы, еслибы не эта болѣзнь! О, спасите меня отъ нея и я заключу весь міръ въ свои объятія! Моя молодость—да, я это чувствую,—она только теперь начинается. Вѣдь прежде я постоянно хворать, теперь-же, съ нѣкотораго времени, мои физическія силы, а вмѣстѣ съ ними силы духовныя, болѣе чѣмъ когда-либо стали крѣпнуть. Съ каждымъ днемъ приближаюсь я все больше къ цѣли, которую чувствую, но не въ состояніи опредѣлить. Только

такимъ образомъ жить можетъ твой Бетховенъ. Прочь спокойствіе! Кромѣ сна, я не признаю никакого отдыха и мнѣ весьма больно, что я долженъ теперь посвящать ему больше времени, чѣмъ прежде *). Хоть бы на половину только освободиться отъ недуга, чтобы отправиться къ вамъ, чтобы представть предъ вами въ полномъ расцвѣтѣ силъ и возобновить прежнія дружескія отношенія.

Вы должны видѣть меня счастливымъ, насколько это мнѣ суждено въ земной жизни, но никакъ не несчастнымъ; нѣть, этого я не могъ бы перенести. Я схвачу судьбу за горло и не допущу, чтобы она сокрушила меня. О, какъ прекрасно тысячи разъ переживать волнующія насъ чувства! Для жизни безмятежной,—да, я это чувствую—я болѣе не годенъ.

Пиши мнѣ какъ можно скорѣе. Позаботьтесь, чтобы Степка [Брейнингъ] непременно поступилъ въ какую нибудь нѣмецкую общину. Жизнь здѣсь слишкомъ тягостна для его здоровья. Кромѣ того, онъ живетъ такъ уединенно, что и думать не можетъ о карьерѣ. Тебѣ вѣдь известна здѣшняя жизнь. Я даже не рѣшаюсь утверждать, что общество могло бы ослабить упадокъ его духа; да и уговорить его пойти куда нибудь невозможно. Я какъ то устроилъ у себя музыкальный вечеръ, но нашъ малійший Степка не явился.

Посовѣтуй ему побольше отдыха и спокойствія, безъ которыхъ ему никогда не быть счастливымъ и здоровымъ; я, съ своей стороны, приложилъ къ этому уже всѣ усилия. Напиши мнѣ въ слѣдующемъ письмѣ, не обременяетъ ли тебя присланная мною масса нотъ. Тѣ изъ нихъ, которыя тебѣ не нужны, а также портретъ мой, можешь продать и такимъ образомъ выручить почтовые расходы. Лорочки, маменьки и Христофору мои привѣтствія и лучшія пожеланія. Вѣдь ты хоть немного любишь меня? Будь-же увѣренъ также въ любви и дружбѣ

твоего Бетховена.

---

*) Въ пѣснѣ XV „Одиссеи“ Бетховенъ подчеркнулъ слова: „сонъ неумѣренный вреденъ“ (См. соч. Жуковскаго т. V, „Одиссея“ XV, 394).

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѦНИЕ.

Всѣ наши окраины, вообще, отличаются крайнею скудостью проявлений общественной жизни. Кавказъ не только не составляетъ исключенія въ этомъ отношеніи, но даже, несомнѣнно, поскольку это касается европейскихъ окраинъ, занимаетъ послѣднее мѣсто по степени развитія общественной жизни. Это объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что здѣсь сфера дѣятельности правительственной власти значительно шире, чѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ имперіи, а, съ другой стороны, тѣмъ, что населеніе Кавказа недостигло еще повсемѣстно той стадіи культурнаго развитія, на которой общественная дѣятельность является естественной функцией общественнаго организма. Въ виду этого, на Кавказѣ рѣдко приходится отмѣтить факты, въ которыхъ бы проявлялась общественная самодѣятельность; тѣмъ не менѣе такие факты отъ времени до времени наблюдаются и здѣсь, и именно тогда, когда имъ даетъ толчекъ какое-нибудь выходящее изъ ряда обыкновенныхъ событий.

Такимъ событиемъ было ужасное, по своимъ размѣрамъ, землетрясеніе, постигшее 19-го декабря прошлаго года Ахалкалакскій уѣздъ. Мы не будемъ повторять подробности страшной катастрофы, весьма обстоятельно отмѣченныя мѣстной ежедневной прессой и потому въ достаточной мѣрѣ извѣстныя читателямъ. Насъ это прискорбное событие интересуетъ постольку, поскольку оно вызвало общественную дѣятельность для смягченія послѣдовательныхъ катастроф. Эта дѣятельность проявилась въ

обильныхъ пожертвованіяхъ какъ деньгами, такъ и натурою, въ несеніи врачебной помощи и уходѣ за больными и ранеными.

Нельзя не указать характерной черты этого общественного движенія: всѣ классы мѣстного общества горячо отзывались на тяжелое бѣдствіе, и едва-ли въ жизни Кавказа былъ когда-либо другой моментъ, когда-бы эллинъ и іудей чувствовали себя болѣе близкими другъ къ другу.

Сумма пожертвованій достигла до 180 тысячъ, и благодаря этому, явилась возможность въ значительной мѣрѣ облегчить страданія и печальную участъ жертвъ землетрясенія.

Правительственная власть шла рука объ руку съ общественнымъ движеніемъ. Въ гор. Тифлісѣ образовался главный комитетъ по оказанію помощи пострадавшимъ отъ землетрясенія, действующій подъ предсѣдательствомъ тифлісскаго губернатора и руководящій дѣятельностью мѣстного ахалкалакскаго комитета, во главѣ котораго стоять власти уѣзда, пострадавшаго отъ бѣдствія.

Одно только темное пятно омрачаетъ трогательную картину дружной помощи жертвамъ землетрясенія—отношеніе къ нимъ крупнаго капитала, сосредоточеннаго въ гор. Баку. Правда, Баку пожертвовать на дѣло помощи три-четыре десятка тысячъ, но какой ничтожной кажется эта сумма при сопоставленіи съ миллионами нефтяныхъ крезовъ! Намъ хотѣлось-бы думать, что денежный кризисъ, а не иные причины, окказалъ сдерживающее вліяніе на проявленіе благотворительности бакинского финансово-промышленного міра.

Присматриваясь подробнѣе къ общественной жизни Кавказа, нельзя не замѣтить, что несмотря на неблагопріятныя условія для ея развитія, она, тѣмъ не менѣе, движется впередъ, и мы можемъ дать цѣлый рядъ косвенныхъ указаній на это поступательное движеніе.

Однимъ изъ мѣрилъ культурности страны можетъ служить, несомнѣнно, степень развитія книжного дѣла, а въ этой области мы съ удовольствиемъ можемъ отмѣтить значительный прогрессъ: въ послѣднее время на Кавказѣ появилось, почти одновременно, четыре новыхъ журнала. Въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ г. Баку А. М. Мишонъ сталъ издавать ежемѣсячный иллюстрированный журналъ подъ названіемъ „Кавказъ и Средняя Азія“ въ фотографіяхъ и описаніяхъ. Въ Тифлісѣ, съ октября мѣсяца прошлаго года, сталъ издаваться органъ кавказскаго отдѣла Императорскаго россійскаго общества садоводства „Кавказскій Вѣстникъ Практическаго Садоводства“, подъ редакціею

автора многихъ монографій по различнымъ отраслямъ сельского хозяйства Н. Н. Шаврова и тифлисскаго садовода К. И. Квеса. Здѣсь-же, съ января текущаго года, стала издаваться К. Н. Бѣгичевымъ „Кавказскій Книжный Вѣстникъ“, библіографический журналъ, одно появление котораго на нашей окраинѣ указываетъ уже на значительное развитіе у насъ книжнаго дѣла. Четвертымъ является нашъ журналъ.

Кромѣ того, въ послѣднее время возобновлено изданіе выходящаго въ Тифлисѣ журнала „Le Caucase Illustré“ и предвидится появленіе въ гор. Баку газеты на татарскомъ языке подъ названіемъ „Газа-Хабаръ“ („Новыя Вѣсти“).

Это развитіе газеты и журнала объясняется тѣмъ, что потребность въ нихъ охватываетъ все шире и шире разные классы населенія и проявляется даже въ мѣстахъ, значительно удаленныхъ отъ вліяній центра—Тифлиса. Какъ подтвержденіе, можемъ привести, напр., тотъ фактъ, что жителемъ сел. Ецери, Кутаисской губерніи, В. А. Каладзе въ январѣ этого года открыта бесплатная народная читальня въ мѣстечкѣ Самтреди.

Какъ на доказательство прогрессивнаго движенія нашей общественной жизни, нельзя не указать и на сознательное отношение общества къ необходимости развитія у насъ школьнаго дѣла. Благодаря щедрой субсидіи города, въ скоромъ времени Авlabаръ, этотъ пасынокъ Тифлиса, будетъ имѣть прогимназію. А вотъ и другой фактъ: собраніе уполномоченныхъ Петровска возбудило ходатайство о преобразованіи мѣстнаго Николаевскаго училища въ шестиклассное реальное, съ открытиемъ въ первый годъ первыхъ двухъ классовъ, а остальныхъ—въ теченіе четырехъ лѣтъ, ежегодно по одному классу. Всѣ расходы по содержанію учебнаго персонала городъ принимаетъ на себя при условіи, что плата за право ученія будетъ обращаема въ доходъ города.

Вмѣстѣ съ тѣмъ общество не перестаетъ заботиться о дѣятяхъ, нуждающихся въ материальной помощи и материальной поддержкѣ. Къ числу обществъ, престѣдующихъ эти цѣли, недавно прибавилось „Черноморское общество содѣйствія воспитанію и защитѣ дѣтей“.

Успѣхи общественнаго развитія не ускользаютъ и отъ высшей власти и она послѣдовательно привлекаетъ общество къ участію въ трудахъ по увеличенію благосостоянія края.

Главнымъ кавказскимъ начальствомъ возбуждено предъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ ходатайство о введеніи въ мѣстечкѣ Зугдидахъ, Кутаисской губерніи, городскаго обществен-

наго управлениі въ упрощеной формѣ, а на разсмотрѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ уже находится вопросъ объ обращеніи сел. Самтреди въ посадѣ съ упрощеннымъ общественнымъ управлениемъ.

Успѣхи просвѣщенія и общественнаго развитія, обыкновенно, не самостоятельны, по своему происхожденію, и то чекъ имъ дается, въ большинствѣ случаевъ, усложненіемъ экономическихъ условій края, развитіемъ его торговли и промышленности. Это общее правило находитъ себѣ полное примѣненіе въ настоящее время на нашей окраинѣ. Не преувеличивая, можно сказать, что Кавказъ стоитъ на порогѣ грандиознаго развитія своихъ неисчерпаемыхъ естественныхъ богатствъ. Въ этомъ убеждаетъ насъ та кипучая дѣятельность, которая проявляется въ послѣднее время въ разныхъ отрасляхъ хозяйства этого края.

Первое мѣсто въ дѣлѣ оживленія производительныхъ силъ края, несомнѣнно, слѣдуетъ отвести желѣзнымъ дорогамъ. Сѣть которыхъ увеличилась баладжаро-петровскою и тифлисо-карсской линіями, изъ которыхъ первая соединила Кавказъ удобнымъ сообщеніемъ съ западомъ, а вторая приблизила къ востоку. Но въ близкомъ будущемъ предвидится новое развитіе сѣти кавказскихъ желѣзныхъ дорогъ: 21-го января, въ комиссіи о новыхъ желѣзныхъ дорогахъ при департаментѣ желѣзнодорожныхъ дѣлъ министерства финансовъ, подъ предсѣдательствомъ Э. К. Циглера, рассматривались два вопроса о новыхъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ на Кавказѣ: 1) на сѣверномъ Кавказѣ — отъ ст. Даргъ-Кохъ владикавказской желѣзной дороги черезъ сел. Алагиръ до Садонскаго моста, на военно-осетинской дорогѣ, протяженіемъ въ 57 верстъ, и 2) въ Закавказье — кахетинской — отъ Тифлиса черезъ Верхніе Авчалы, Тіонеты, Ахмети и Телавъ, Цинондалы и Мукузань до сел. Сакобо (Сигнахскаго уѣзда), протяженіемъ въ 186 верстъ.

Особенно велико значеніе кахетинской линіи: она окажется могучимъ рычагомъ въ дѣлѣ эксплоатации природныхъ богатствъ Алазанской долины и выведетъ Кахетію изъ состоянія того материальнаго упадка, въ которомъ она находится въ настоящее время.

Какое вліяніе оказываетъ желѣзная дорога на развитіе торговли и промышленности, можно судить по тѣмъ дебатамъ, которые происходили недавно въ Петербургѣ на съездѣ представителей кавказско-закаспійскаго сообщенія, по вопросу объ измѣненіи строя тарифовъ этого сообщенія, въ виду соединенія

закавказской желѣзной дороги съ рельсовою сѣтью черезъ Баладжары-Петровскъ.

Въ настоящее время, замѣчаетъ газета „Новости“, закавказская желѣзная дорога отрѣзана отъ сѣти, и Закавказье обмѣнивается грузами съ европейской Россіей черезъ посредство пароходства по Черному и Каспійскому морямъ и по Волгѣ. Для доставленія же большихъ удобствъ торговымъ фирмамъ, отъ всѣхъ станцій закавказской желѣзной дороги установлено прямое сообщеніе, то есть отправитель можетъ съ любой станціи сѣти на любую станцію закавказской дороги отправить грузъ, какъ если бы эта дорога была непрерывно связана съ остальными. Желѣзныя дороги принимаютъ всецѣло на себя передачу груза одному изъ черноморскихъ или волжскихъ пароходствъ въ выходныхъ портахъ Чернаго моря—Одесѣ, Николаевѣ, Севастопольѣ, Феодосіи, Ростовѣ, Таганрогѣ или Новороссійскѣ, или въ пристаняхъ Волги: Саратовѣ, Камышинѣ, Царицынѣ, или, наконецъ, въ Петровскѣ, и, затѣмъ, приемъ груза отъ пароходства, соотвѣтственно въ Батумѣ, Поти или Баку. Такимъ порядкомъ перевозится весьма значительное количество товаровъ, и для нихъ установлены особые пониженные тарифы. Понижение это состоить, главнымъ образомъ, въ томъ, что тарифъ разсчитывается не по сложности тарифовъ закавказской дороги и общей сѣти, а за сплошное протяженіе желѣзодорожной перевозки, причемъ къ желѣзодорожной платѣ прибавляется морской фрахтъ.

Съ соединеніемъ закавказской желѣзной дороги сплошнымъ желѣзодорожнымъ путемъ съ общею сѣтью, на первый взглядъ, какъ будто уничтожается необходимость имѣть еще смѣшанныя желѣзодорожно-морскія сообщенія и примѣнять къ нимъ пониженные тарифы. Такъ посмотрѣли на это дѣло и нѣкоторая желѣзная дороги, предлагавшія если не вовсе уничтожить прямое кавказско-закаспійское сообщеніе, то, по-крайней мѣрѣ, прекратить исчислѣніе провозныхъ платъ въ этомъ сообщеніи за сплошное протяженіе пути, и разсчитывать желѣзодорожные платы отдельно за перевозку по сѣти и по закавказской дорогѣ. Такимъ образомъ, по мнѣнію этихъ желѣзныхъ дорогъ, товары были бы привлечены на свой естественный путь — исключительно по желѣзнымъ дорогамъ.

Съ другой стороны, выяснилось, что тарифы отъ важнѣйшихъ станцій, съ которыми Закавказье обмѣнивается товарами—съ Лодзью, Варшавой, Петербургомъ, Москвою и станціями, близъ которыхъ расположены сахарные и желѣзные заводы въ

южной Россіи, до станцій закавказской дороги, разсчитанные въ направлениі черезъ Петровскъ-Баладжары, дадуть провозныя платы не меныше тѣхъ, которыя взимаются теперь при перевозкѣ товаровъ въ смышанномъ сообщеніи черезъ Черное море, такъ что получается значительное, иногда до 50 проц., повышение тарифовъ.

Такимъ образомъ, при принятіи предложенія этихъ дорогъ выходило-бы, что съ открытиемъ новой желѣзной дороги промышленность не выигрываетъ, а проигрываетъ, такъ какъ тарифы повышаются.

Нельзя не обратить вниманія и на ухудшеніе положенія черноморскихъ пароходствъ, которыя лишаются грузовъ, и черноморскихъ портовъ, которые лишаются транзитной торговли, ведшейся черезъ нихъ.

Всѣ эти соображенія заставили представителя казенныхъ дорогъ, а также и незначительного числа частныхъ, протестовать на съѣздѣ противъ отмѣны кавказско-закаспійского сообщенія черезъ Черное море, находя полезнымъ сохранить наряду съ новымъ сплошнымъ желѣзнодорожнымъ протяженіемъ—прежнее, черезъ Черное море, съ разсчетомъ платы на прежнихъ основаніяхъ за сплошное желѣзнодорожное протяженіе, отмѣнить лишь нѣкоторыя искусственныя пониженія, введенныя въ прежнее время, когда Закавказье не считалось еще частью Россіи, а колоніальною страною.

Мы видимъ, какой переворотъ производить проведеніе желѣзной дороги въ народномъ хозяйствѣ. Если предложенія съѣзда не осуществляются, и будутъ установлены тарифы, неблагопріятные для грузовъ, направляемыхъ въ Закавказье изъ промышленныхъ центровъ имперіи, то, весьма, вѣроятно, здѣсь возникнетъ самостоятельная обрабатывающая промышленность для удовлетворенія нуждъ мѣстнаго населенія.

Съ сожалѣніемъ, однако, мы должны констатировать, что то оживленіе, которое замѣчается въ послѣднее время въ промышленной дѣятельности нашего края, лишь въ незначительной степени можетъ быть приписано мѣстнымъ силамъ, главную же причину этого явленія слѣдуетъ усматривать въ громадномъ притокѣ посторонняго не кавказского капитала въ наиболѣе доходныя отрасли этой дѣятельности. Въ то время, какъ нефтяная промышленность и горное дѣло въ значительной мѣрѣ отошли въ руки иностранного капитала, побережье Чернаго моря, съ его роскошнымъ климатомъ, тропическою растительностью и громадными естественными богатствами, скрытыми въ нѣдрахъ зем-

ли, все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе русскаго общества, и этому обстоятельству всесфѣро долженъ быть приписанъ замѣчаемый тамъ въ послѣднее время быстрый ростъ культуры вообще и сельскохозяйственной культуры въ частности.

Такимъ образомъ, и въ нашей промышленности замѣчается то-же явленіе, что и въ кавказовѣдѣніи: и тутъ, и тамъ посторонніе источники знакомятъ насъ съ краемъ. Насколько, однако, это въ первомъ случаѣ оправдывается нашою исторически обоснованною отсталостью, настолько-же во второмъ объясняется индифферентнымъ отношеніемъ нашего общества къ наукѣ. Правда, у насъ нѣтъ того запаса знаній, который накопляется вѣками культурной жизни, и потому мы менѣе другихъ подготовлены къ научнымъ обобщеніямъ; но мы могли-бы своими трудами доставлять богатый сырой матеріалъ людямъ, вооруженнымъ болѣе полными источниками знанія. Между тѣмъ, въ теченіе всего 1899 года у насъ появился чуть-ли не одинъ всего трудъ, посвященный мѣстному фольклору—„Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“!

Въ виду этого кавказское общество должно быть особенно признательно тѣмъ ученымъ, которые знакомятъ его съ роднымъ краемъ. Въ ряду этихъ ученыхъ почетное мѣсто занимаетъ профессоръ московскаго университета, директоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и предсѣдатель этнографического отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, состоящаго при Императорскомъ московскомъ университѣтѣ, Всеволодъ Федоровичъ Миллеръ. 29-го января исполнилось 30 лѣтъ плодотворнаго служенія профессора Миллера русской наукѣ, и этнографической отдѣль отмѣтилъ этотъ день выпускомъ „юбилейнаго тома“ „Трудовъ этнографическаго отдѣла“.

Среди трудовъ поченнаго ученаго видное мѣсто занимаютъ изслѣдованія, касающіяся Кавказа: „Осетинскіе этюды“, очерки „Въ горахъ Осетіи“ и много другихъ, которые проили свѣтъ на темные до тѣхъ поръ вопросы языкоznанія и дали обширные матеріалы для исторіи кавказскихъ племенъ, изученія ихъ языковъ и религіозныхъ вѣрованій. Между прочимъ, профессоръ Миллеръ является первымъ изслѣдователемъ татскаго языка горскихъ евреевъ, представляющаго немаловажный интересъ для сравнительного языкоznанія.

Особеннаго вниманія эти труды заслуживаютъ благодаря тому, что всѣ они написаны общедоступнымъ, изящнымъ язы-

комъ, и потому составляютъ достояніе широкаго круга читателей. Очерки-же „Въ горахъ Осетіи“ читаются съ такимъ-же захватывающимъ интересомъ, какъ лучшее беллетристическое произведение.

Этими трудами не закончилось изученіе В. О. Миллеромъ Кавказа. Сгруппировавъ цѣлую серію молодыхъ ученыхъ, онъ ежегодно формируетъ изъ ихъ состава экспедицій, изслѣдующія, преимущественно, Кавказъ и Закавказье.

Празднованіе юбилея В. О. въ Москвѣ отличалось большою торжественностью; въ немъ приняли участіе многочисленныя учрежденія и частныя лица. Почтенный ученый получилъ массу поздравленій со всѣхъ концовъ Россіи и изъ за-границы. Между прочимъ, на поздравленіе, принесенное редакціею „Кавказскаго Вѣстника“ отъ В. О. полученъ слѣдующій отвѣтъ:

„Приношу уважасмой редакціи „Кавказскаго Вѣстника“ глубокую благодарность за любезный привѣтъ по случаю исполнившагося 30-лѣтія моей научной дѣятельности. Читаю съ удовольствиемъ новый серіозный научно-литературный органъ Кавказа и желаю ему полнаго успѣха“.

X.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѦНИЕ.

Когда мы пишемъ эти строки, весь міръ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за событиями въ южной Африкѣ. Объясняется это тѣмъ, что, судя по послѣднимъ телеграфнымъ извѣстіямъ съ театра войны, успѣхъ, неизмѣнно сопутствовавшій буровъ до послѣдняго времени, начинаетъ покидать ихъ, и боевое счастье начинаетъ улыбаться англичанамъ. Къ такому заключенію приводятъ насъ слѣдующіе факты съ театра военныхъ дѣйствій: освобожденіе генераломъ Френчемъ Кимберлея, отступленіе генерала оранжевыхъ буровъ Кронье вглубь Оранжевой республики и преслѣдованіе его войсками фельдмаршала Робертса и новый переходъ генерала Буллера черезъ рѣку Тугелу, ради освобожденія Лэди-Смита.

Правда, объ этихъ благопріятныхъ для британского оружія событияхъ нась извѣстили англійскіе источники, пользующіеся, съ самаго начала военныхъ дѣйствій, вполнѣ заслуженною репутацией въ высшей степени невѣрныхъ и тенденціозныхъ, тѣмъ не менѣе настойчивость, съ которой телеграфъ передаетъ эти события, позволяетъ предполагать, что, въ данномъ случаѣ, англійскіе источники представляютъ положеніе дѣлъ близкимъ къ действительности. Во всякомъ случаѣ, не подлежатъ сомнѣнію самые факты освобожденія Кимберлея, отступленія генерала Кронье и нового наступательного движенія Буллера къ Лэди-Смиту, и можно съ сомнѣніемъ относиться лишь къ тому освѣщенію, въ которомъ эти факты представляются по англійскимъ источникамъ. Дѣло въ томъ, что, съ самаго начала войны, бу-

ры держатся, послѣдовательно и неуклонно, своеобразной тактики: избѣгая сраженій съ непріятелемъ въ открытомъ поѣздѣ, они завлекаютъ его въ мѣстность, неблагопріятствующую его движеніямъ и укрѣплению въ позиціяхъ, въ то время, какъ сами они замыкаютъ неприступныя позиціи, и, пользуясь преимуществами своего положенія, уничтожаютъ непріятеля убийственнымъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ. Принимая во вниманіе, что буры, въ виду ихъ малочисленности, должны дорожить жизнью каждого своего солдата и стараться уничтожить возможно большее число непріятелей, вдвое превосходящихъ ихъ численностью, тактику ихъ слѣдуетъ признать не только вполнѣ рациональной, но даже единственно возможной. Если имѣть въ виду это основное начало стратегіи буровъ, то событія, указываемыя англичанами, какъ признаки поворота военного успѣха въ ихъ сторону, принимаютъ нѣсколько иную окраску, и, пока не получится дальнѣйшихъ, вполнѣ вѣрныхъ доказательствъ успѣха британского оружія, на нашъ взглядъ, слѣдуетъ воздержаться отъ оцѣнки этихъ событій. Особенно теперь, когда английскія силы на театрѣ войны доведены до 200,000 человѣкъ, когда ими командуютъ лучшіе военные таланты Великобританіи —фельдмаршалъ Робертсъ и лордъ Китченеръ— и когда англичане уже ознакомились съ тактикой буровъ, послѣдніе должны стараться сохранять въ цѣлости свои силы, уничтожая, по мѣрѣ возможности, непріятеля.

Эти соображенія подтверждаются, отчасти, послѣдними телеграфными сообщеніями, изъ которыхъ можно усмотрѣть, что Кимберлей опять окружается бурами, Буллеру приходится выдерживать жестокія стычки съ непріятелемъ, а войска генерала Кронье пробились сквозь кольцоанглійскихъ отрядовъ, окружившихъ его въ руслѣ Моддеръ-Ривера, и идутъ вглубь Оранжевой республики. Эти извѣстія позволяютъ съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ предполагать, что событія, признаваемыя англичанами побѣдами ихъ оружія надъ бурами, являются лишь новыми ходами въ той убийственной шахматной игрѣ, которую такъ обдуманно и выдержанно ведутъ буры.

Во всякомъ случаѣ, настоящему моменту приписывается всюду значеніе кризиса, отъ которого зависитъ окончаніе войны въ близкомъ будущемъ. Вотъ почему эта война теперь болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, сосредоточивается на себѣ общее вниманіе.

Особенно вниманіе это напряжено въ Англіи, которая, увлекшись неосмотрительно имперіалистскими тенденціями, поставила на карту свои наиболѣе существенные интересы. Страна соз-

наетъ весьма ясно, что позорный миръ можетъ положить начало отпаденію отъ нея не только африканскихъ, но и другихъ ея колоній, лишивъ ее того престижа, который до сихъ поръ удерживалъ въ повиновеніи сотни миллионовъ ея колоніальныхъ подданныхъ. Востаніе въ Каплэндѣ, броженіе умовъ въ Индіи, Египтѣ и Суданѣ, значеніе которыхъ умаляется въ англійскихъ соображеніяхъ, рисуютъ весьма печальная перспективы будущаго, ожидающаго Англію въ случаѣ окончательнаго пораженія.. И во внутренней жизни страны война, особенно, при неблагопріятномъ для англичанъ исходѣ, не пройдетъ безслѣдно. Непредвидѣнная въ началѣ войны необходимость бросить на театръ военныхъ дѣйствій 200-тысячную армію доказала странѣ неудовлетворительность существующей въ Англіи системы формированія войска путемъ найма, и на очереди стоитъ вопросъ о введеніи всеобщей воинской повинности. Если принять во вниманіе привязанность англичанъ къ исторически сложившимся установленіямъ и отвращеніе ихъ къ континентальному милитаризму и идеѣ воинской повинности, то легко понять, съ какимъ нетерпѣніемъ ждутъ они побѣдъ надъ бурами, побѣдъ, которая могутъ спасти англійскій народъ отъ милитаризма.

Важность настоящаго момента сознается всей страной. На это указываетъ послѣдняя парламентская сессія. Оппозиція, нападавшая и въ верхней палатѣ, и въ палатѣ общинъ на членовъ кабинета и, въ частности, на главнаго виновника теперешняго положенія—Чемберлена, тѣмъ не менѣе сходилась съ правительствомъ во мнѣніи о необходимости напряженія всѣхъ силъ страны для побѣдоноснаго окончанія войны, и требованіе новаго военнаго кредита въ размѣрѣ 13,000,000 фунт. стерл. не встрѣтило въ парламентѣ никакихъ препятствій.

Говоря о событияхъ внутренней жизни Англіи, мы не можемъ не указать на состоявшееся въ январѣ объединеніе всѣхъ ирландскихъ партій, причемъ главою ирландскихъ націоналистовъ избранъ Джонъ Редмондъ. Несомнѣнно, толчекъ этому объединенію данъ былъ трансваальскою войною, пробудившою надежды ирландцевъ добиться политической свободы. Съ этимъ фактомъ англійскому правительству, вѣроятно, придется считаться въ недалекомъ будущемъ.

Въ то время, какъ Англія напрягаетъ всѣ свои силы для поддержанія своего международнаго положенія, по сю сторону Ламанша, во Франціи, вниманіе общества и правительства сосредоточивается, преимущественно, на вопросахъ внутренней политики. Правда, французскій народъ съ живымъ интересомъ на-

блюдаетъ перипетіи трансваальской войны и, съ присущей ему экспансивностью, не скрываетъ своей радости при каждой новой побѣдѣ буровъ, тѣмъ не менѣе правительство не поддается враждебному Англіи настроенію умовъ и не предпринимаетъ ничего, что могло бы указывать на желаніе его выйти изъ границъ строгаго нейтралитета. Лишь пожалованіемъ ордена Почетнаго Легіона карикатуристу Леандру, избравшему мишенью своего Ѣдкаго карандаша современныхъ англійскихъ дѣятелей, правительство подчеркнуло свои симпатіи къ бурамъ. Событіе это, однако, повело лишь къ тому, что великобританскій посолъ Монсонъ временно оставилъ Парижъ. Этадержанность правительства Вальдекъ-Руссо объясняется желаніемъ какъ правительственныхъ сферъ, такъ и французского народа довести до конца грандиозную всемірную выставку, отъ открытія которой насы отдѣлять уже небольшой промежутокъ времени. Съ другой стороны, министерство Вальдекъ-Руссо, сумѣвшее сплотить всѣ республиканскіе элементы и даже привлечь къ участію въ правлѣніи соціалистовъ, пользуется минутой пробужденія республиканскихъ началь во французскомъ обществѣ, куеть жеизо, пока оно горячо, и послѣдовательно уничтожаетъ тѣ элементы, которые грозятъ установившемуся государственному строю. Въ настоящее время пришла очередь на клерикаловъ. Первымъ актомъ этого французскаго „Kulturkampfa“ является процессъ ассомпціонистовъ. Этотъ процессъ начался въ парижскомъ исправительномъ судѣ 10-го января. Обвиняемые явились въ судъ въ числѣ десяти человѣкъ. Среди нихъ фигурировалъ и настоятель ордена Пикаръ. Обвинялъ прокуроръ Бюло, который выставилъ на видъ политическую агитацию ордена, стараніе его вліять на выборы въ палату и сенатъ и поддержку имъ нѣсколькихъ органовъ печати, враждебныхъ республикѣ и носящихъ общее название „Сроіхъ“. Однимъ изъ пунктовъ обвиненія было также то, что орденъ, давшій обѣтъ бѣдности, но тѣмъ не менѣе располагавшій огромными суммами, скупаль, где только могъ, земельные участки на имя подставныхъ лицъ. Вступивъ въ союзъ съ другими орденами, онъ, при содѣйствіи ихъ, распространялъ свое вліяніе на католическая семья, въ особенности на женщинъ, и доставлялъ воспитанниковъ монастырскимъ школамъ. Такимъ способомъ ассомпціонистамъ удалось широко раскинуть свою сѣть, работая для клерикальныхъ цѣлей. Говоря о политической дѣятельности ордена, прокуроръ сказалъ, что въ настоящее время онъ вліятельнѣе даже ордена іезуитовъ и придерживается системы подпольной дѣятельности, уклоняясь отъ всякой ответственности.

передъ закономъ. Въ каждомъ департаментѣ онъ имѣеть свой органъ „*Croix*“, и вѣтъ эти листки получаютъ приказанія отъ центральной редакціи, которая находится въ Парижѣ. Всѣ они подкапываются подъ республику и клевещутъ на республиканцевъ. Но издательская дѣятельность отцовъ этимъ не ограничивается: имъ принадлежитъ еще фирма „*Bonne Presse*“, издающая брошюры въ клерикальномъ духѣ по всевозможнымъ вопросамъ: земледѣлію, политической экономіи, литературѣ, наукахъ и по поводу всякихъ интересовъ дня. Чтобы добыть денегъ, ассомпціонисты не разбирали способа. Такъ, напримѣръ, они внушаютъ вѣрующимъ, что если тѣ хотятъ имѣть успѣхъ въ своихъ дѣлахъ, найти потерянную вещь, добиться чьего нибудь расположения, получить облегченіе отъ болѣзни, то должны послать свою лепту св. Антонію Падуанскому. Лепта посыпалась и поступала въ кассу братства, которое собирало, такимъ образомъ, около 1½, милл. фр. ежегодно. Мало того, отцы-ассомпціонисты принимали на храненіе денежныя бумаги, и очень нерѣдко случалось, что впослѣдствіи эти бумаги завѣщались въ пользу братства. Прокуроръ подвелъ обвиняемыхъ подъ 2 ст. закона объ ассоціаціяхъ, которая гласитъ, что всякий, вступившій въ неразрѣшенное правительствомъ сообщничество, подвергается тюремному заключенію отъ 2 мѣсяцевъ до 1 года и штрафу отъ 50 до 1000 франковъ. Однако, судъ смягчилъ наказаніе и приговорилъ каждого изъ обвиняемаго къ штрафу въ 16 франковъ, но въ то же время высказался за распущеніе братства. Анти-клерикалы очень довольны разоблаченіями прокурора Бюло, но клерикалы, националисты, роялисты приведены приговоромъ суда въ страшное негодованіе и кричатъ, что правительство старается подавить свободу совѣсти. Прокурора Бюло они укоряютъ во лжи и подтасовкѣ фактовъ. Поводъ къ этому дала имъ ошибка Бюло, назвавшаго имена 25 депутатовъ, будто бы пользовавшихся поддержкой ассомпціонистовъ на выборахъ 1898 г. Большинство этихъ депутатовъ, въ числѣ которыхъ есть и республиканцы, обнародовали энергичное опроверженіе. Этотъ инцидентъ вызвалъ въ палатѣ запросъ националиста Мотта и чрезвычайно бурную сцену, во время которой Бюло быть осыпанъ уличными ругательствами. Скандалъ дошелъ до того, что президентъ велѣлъ очистить трибуны, и въ залу вступилъ отрядъ стражи, который силою вывелъ депутата Бернара, отказавшагося уйти послѣ того, какъ онъ былъ подвергнутъ временному исключению изъ засѣданій.

Французское духовенство не осталось равнодушнымъ къ

осужденію братства ассомпціонистовъ. Многіе изъ епископовъ и священниковъ заявили гласный протестъ противъ него, и самъ парижскій архіепископъ Ришаръ посѣтилъ въ Парижъ монастырь братства, а также помѣщеніе газеты „Сроіх“ и ея типографію. Это посѣщеніе произвело сильную сенсацію, какъ явная демонстрація противъ республиканского правительства и его судовъ. Анти-клерикалы внесли въ палату запросъ по поводу образа дѣйствій духовенства, и правительство потребовало объясненія у архіепископа. Тотъ отвѣтилъ, что его посѣщеніе ассомпціонистовъ не имѣло никакого политического значенія, и протестовать противъ обвиненія его въ непріязни къ республикѣ. Епископы и священники, протестовавшіе противъ осужденія монаховъ, временно лишены казеннаго содержанія.

Германію не перестаютъ волновать вопросы, связанные съ колоніальной политикой, ставшій осью, вокругъ которой вращаются события вѣнчаней и внутренней политики этого государства. Особенно много шума надѣлали секвестръ, въ африканскихъ водахъ, германскихъ судовъ англійскими, подъ предлогомъ нахожденія на германскихъ судахъ военной контрабанды. Статья-секретарь фонъ-Бюловъ, отвѣчая въ имперскомъ сеймѣ на запросъ фонъ-Меллера о мѣрахъ, которыя германское правительство намѣreno предпринять для пресѣченія секвестровъ, высказалъ мысль, что, за отсутствіемъ юридической регламентациіи вопроса о секвестрѣ, онъ разрѣшается въ настоящее время силою, и правительство, въ случаѣ повторенія секвестра, намѣreno отвѣтить на насилие силою же.

Этотъ отвѣтъ, указавшій вмѣстѣ съ тѣмъ на отношеніе Германіи къ Англіи, вопреки слухамъ объ англо-германскомъ соглашенії, встрѣченъ былъ весьма сочувственно не только въ Германіи, но и за-границей.

Увеличеніе флота является въ настоящее время ближайшею задачею германского правительства. Этого вопроса касался императоръ Вильгельмъ II въ рѣчи, произнесенной въ цейхгаузѣ при открытии нового столѣтія; этому-же вопросу посвящена была и рѣчь ministra иностранныхъ лѣтъ фонъ-Бюлова, сказанная имъ въ Штеттинѣ, во время торжества спуска парохода „Германія“. Подготовивъ такимъ образомъ народъ къ новымъ денежнымъ жертвамъ на флотъ, правительство внесло въ январѣ на обсужденіе имперского сейма законопроектъ объ увеличеніи флота, принятый уже въ союзномъ совѣтѣ. Сущность его сводится къ слѣдующему: законопроектъ требуетъ разрѣшения второго боевого флота, равной силы съ существующимъ; кроме

того, требуется постройка шести большихъ и семи малыхъ крейсеровъ; двѣ эскадры составятъ активный флотъ, двѣ другія—резервный флотъ. Средства будутъ ежегодно ассигноваться бюджетомъ. Въ объяснительной къ законопроекту запискѣ предусмотрѣно выполненіе его къ 1916 году, причемъ ежегодно расходы будутъ увеличиваемы на 11.000,000.

Законопроектъ вызвалъ протестъ лишь со стороны соціаль-демократовъ и поляковъ, остальная же парламентская группы отнеслись къ нему съ большимъ или меньшимъ одобрениемъ, и, въ резултатѣ, сеймъ постановилъ передать его въ бюджетную комиссию.

Говоря о колоніальной политикѣ Германіи, нельзя не упомянуть о событии, которое не лишено болѣе широкаго значенія; мы говоримъ о состоявшемся 4-го февраля въ Берлинѣ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, обмѣнѣ ратификаций, по соглашенію относительно Самоа, между германскимъ правительствомъ и представителями американского и англійского правительствъ. Это соглашеніе отводить Германіи часть самоанскаго архипелага и кладетъ предѣль существовавшему до сихъ поръ на островахъ Самоа неопределенному порядку вещей.

Австро-Венгрія до сихъ поръ не можетъ покончить съ „вопросомъ о языкахъ“, хотя въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-бы то ни было, возможно разрѣшеніе этого вопроса. Объясняется это тѣмъ, что въ настоящее время всѣ руководящія сферы Австріи пришли къ убѣждѣнію, что антагонизмъ между чехами и нѣмцами, проявляющійся въ парламентѣ въ видѣ то чешской, то нѣмецкой обструкціи, не только тормозитъ правильное теченіе государственной и общественной жизни габсбургской монархіи, но и подкапываетъ коренные основы ея существованія, такъ какъ, вслѣдствіе этого антагонизма, развиваются центробѣжныя стремленія какъ у славянъ, такъ и у нѣмцевъ, входящихъ въ составъ монархіи. Это настроеніе руководящихъ сферъ Австріи не осталось не замѣченнымъ министерствомъ фонъ-Кербера, смѣнившимъ неудачное министерство Виттека, и, идя на встрѣчу примирительнымъ тенденціямъ общества, министерство созвало чешско-нѣмецкую конференцію для улаженія злосчастнаго вопроса. Совѣщанія конференціи еще не закончены и, пока, они не дали положительныхъ результатовъ, тѣмъ не менѣе осуществленіе мысли чешско-нѣмецкой конференціи, казавшейся еще недавно утопіей, весьма знаменательно. Весьма краснорѣчивымъ signum temporis является и живое участіе въ конференціи представителей младочеховъ, на ряду съ представителями чешскихъ феодаловъ.

Нѣкоторые приписываютъ примирительное направление въ области чешско-нѣмецкихъ отношеній тому, что въ общество проникли толки о намѣреніи императора Франца-Іосифа, разочаровавшагося въ конституционализмѣ, вернуться, путемъ соорд'ѣтат, къ самодержавной формѣ правленія. Намъ кажется, однако, что это объясненіе настолько-же маловѣроятно, какъ и самые слухи о предполагаемомъ переворотѣ, такъ какъ престарѣлый монархъ едва-ли рѣшился на шагъ, который можетъ омрачить смутою закатъ его царствованія.

Если, несмотря на расовой антагонизмъ, народы, населяющіе Австро-Венгрию, могутъ стремиться къ объединенію на почвѣ общегосударственной идеи, для упроченія и продленія существованія имперіи въ теперешней ея формѣ, то подобная стремленія непримѣнны къ Турціи, гдѣ по прежнему царствуетъ полный произволъ въ отношеніяхъ къ народностямъ, не исповѣдующимъ ислама. Вотъ почему то и дѣло, съ новою силой, вспыхиваютъ въ имперіи османовъ албанскій, македонскій и другіе „вопросы“. Особенно печально положеніе армянъ, живущихъ по сосѣству съ курдами.

Одна изъ издающихся на Кавказѣ газетъ недавно выразила мысль, что, благодаря германскому вліянію и германскимъ капиталамъ, Турція оживаетъ и сумѣеть вновь занять потерянное ею положеніе среди другихъ державъ. Намъ, однако, кажется, что, доколѣ христіанскія народности Турецкой имперіи будутъ находиться подъ гнетомъ привилегированныхъ народностей, которые не могутъ создать сильной государственной организаціи, Турція не перестанетъ быть „больнымъ человѣкомъ“.

Сосѣдня съ Турціей Персія въ послѣднее время заставила много говорить о себѣ по поводу русско-персидского займа. 18-го января „Правительственный Вѣстникъ“ опубликовалъ слѣдующее сообщеніе: „Императорское россійское правительство, вслѣдствіе ходатайства шахскаго персидскаго правительства и въ силу искони существующихъ между ними дружбы и согласія, разрѣшило ссудному банку въ Персіи покупку выпускаемаго персидскимъ правительствомъ займа на 22½ миллиона рублей, подъ наименованіемъ „персидскій 5% золотой заемъ 1900 года“. На основаніи сего разрѣшенія, правительство ссуднаго банка въ Персіи заключило съ уполномоченнымъ шахскаго правительства контрактъ о покупкѣ вышеозначенного займа на слѣдующихъ условіяхъ: уплата процентовъ и погашеніе персидскаго 5% золотого займа 1900 года, въ теченіе 75-ти лѣть, гарантированы всѣми персидскими таможенными доходами, за исключеніемъ отъ таможень-

Фарса и портовъ Персидского залива. Означенные доходы нынѣ значительно превышаютъ размѣръ предстоящихъ по займу платежей. Если-бы тѣмъ не менѣе, во взносы платежей по займу наступило промедленіе, то ссудному банку въ Персіи предоставлено право установить контроль надъ таможнями, доходомъ которыхъ упомянутый заемъ гарантированъ. Персидское правительство обязалось изъ выручки персидскаго 5% золотого займа погасить всѣ прежнія свои вѣнчнія обязательства и безъ соглашенія съ ссуднымъ банкомъ не заключать какого-бы то ни было вѣнчнаго займа ранѣе погашенія 5% золотого займа 1900 года. Персидское правительство предоставило также ссудному банку въ Персіи, если онъ признаеть это нужнымъ, выпустить на денежній рынокъ облигации персидскаго займа въ размѣрѣ оставшагося за нимъ долга, съ присвоеніемъ этимъ облигаций полной гарантіи Императорскаго россійскаго правительства“.

Содержаніе этого акта произвело сильное впечатлѣніе заграницей, особенно въ странахъ, имѣющихъ свои денежные интересы въ Персіи. Политическая пресса этихъ странъ указываетъ на то, что заемъ упрочиваетъ русское вліяніе въ Персіи и вмѣстѣ съ тѣмъ вытѣсняетъ изъ этой страны англійское вліяніе, причемъ особенно важными пунктами договора признаются предоставление ссудному банку права контроля надъ таможнями и обязательство персидскаго правительства не заключать какого бы то ни было новаго вѣнчнаго займа безъ соглашенія съ банкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ многіе представители прессы указываютъ на корректность русскаго правительства, которое исключило изъ числа таможень, доходы которыхъ гарантируютъ заемъ, таможни Фарса и Персидского залива, т. е. той области Персіи, где оперируютъ другіе иностранные капиталы.

Кромѣ Персіи, и другое азіатское государство, Китай, привлекло къ себѣ въ недавнее время вниманіе странъ, имѣющихъ тамъ свои интересы. Поводомъ къ этому послужилъ дворцовыи переворотъ, произведенный въ январѣ властолюбивой вдовствующей императрицей. Размѣры переворота были первоначально преувеличены телеграфомъ; именно: оказались невѣрными свѣдѣнія объ отречениіи императора Куангъ-Су отъ престола и самоубійствѣ его. Тѣмъ не менѣе переворотъ представляеть несомнѣнныи интересъ, такъ какъ, благодаря ему, императоръ всецѣло устраниенъ отъ правленія, которое сосредоточилось въ рукахъ императрицы. Эта перемѣна равнозначуща, во внутренней жизни Китая, отказу отъ реформъ молодого императора и возврату къ прежнимъ, исконнымъ порядкамъ поднебесной имперіи;

въ иностранной же политикѣ эта перемѣна поведеть къ враждебному отношенію къ европейцамъ и, быть можетъ, вызоветъ непредвидѣнныя осложненія. Всѣдѣ за переворотомъ императрица издала рядъ эдиктовъ, которыми отмѣняются новшества злосчастнаго императора, и вмѣстѣ съ тѣмъ во многихъ провинціяхъ Китая начались беспорядки, направленные противъ европейцевъ. Можно думать, что, по окончаніи трансваальской войны, Китай сдѣлается ареной событій высокаго политического значенія.

Критика и библіографія.

А. М. Мельниковъ. Иногородніе въ Кубанской области.—
Издание кубанского областного статистического комитета. Ека-
теринодаръ 1900.

Иногородними называютъ въ Кубанской области тѣхъ жите-
лей, которые, не принадлежа къ казачьему сословію, пребываютъ
на войсковой территории либо постоянно, занимаясь ремеслами,
торговлею и разными промыслами, либо временно, являясь сюда
на лѣтніе заработки. По закону иногородніе могутъ на войско-
выхъ, городскихъ и станичныхъ земляхъ имѣть на правѣ соб-
ственности дома и всякаго рода строенія; но земля подъ усадь-
бою, оставаясь собственностью войска или же городского и ста-
ничного общества, находится только въ постоянномъ пользованіи
иногородняго, обязаннаго взносить за нее ежегодно въ войско-
вую, городскую или станичную кассу periodически установленную
посаженную плату.

Со времени издания закона 29-го апрѣля 1868 г., впервые
допустившаго не-казаковъ къ поселенію и пріобрѣтенію усадеб-
ныхъ построекъ на казачьихъ земляхъ, число иногороднихъ въ
Кубанской области возросло до нѣсколькихъ сотъ тысячъ. Съ
тѣхъ поръ, къ числу многихъ другихъ мѣстныхъ вопросовъ,
присоединился еще и „иногородній вопросъ“. Въ зависимости отъ
преобладанія того или другого взгляда на этотъ вопросъ въ
высшихъ правительственныхъ сферахъ измѣнялось, если не са-
мое законодательство обѣ иногороднихъ, то практическое его

примѣненіе. Въ восьмидесятыхъ годахъ, при покойномъ князѣ Дондуковѣ-Корсаковѣ, иногородніе считались элементомъ вреднымъ, развращающимъ истинное казачество, подрывающимъ его древнія доблести, добрую нравственность, благочестіе, уваженіе къ старшимъ, чинопочитаніе и т. д. Сторонники этого крайняго мнѣнія, закрывая глаза на дѣйствительность, вѣрили въ возможность сохраненія *стараю казачество* даже тогда, когда самыя условія, его создавшія, давно измѣнились и сдѣлались достояніемъ исторіи. Неудачу своей попытки идти противъ времени и новыхъ условій быта эти теоретики казачества объясняли дурнымъ вліяніемъ иногороднихъ. Отсюда желаніе по возможности стѣснить пришельцевъ и практически ограничить даже тѣ имущественные права, которыя предоставлены имъ закономъ. Нынѣ, кажется, сознана тщетность борьбы съ ходомъ исторіи.

А. М. Мельниковъ даётъ очень интересный очеркъ законодательства обѣ иногородніхъ въ Кубанской области, безпристрастно взвѣшиваетъ всѣ pro и contra и предлагаетъ свое мнѣніе о способѣ примиренія интересовъ казачества и иногородніхъ. Содержаніе книги видно изъ перечисленія ея главъ: 1. Иногородніе до семидесятыхъ годовъ. 2. Ближайшія слѣдствія закона 29-го апрѣля 1868 г. въ судьбѣ иногородніхъ. 3. Роль иногородніхъ въ экономическомъ развитіи Кубанской области. 4. Причины ненормальности взаимныхъ отношеній казаковъ и иногородніхъ. 5. Реакція противъ иногородніхъ. 6. Интерпретація закона 29-го апрѣля 1868 г. во второй половинѣ 80-хъ годовъ. 7. Иногородніе и положеніе 3-го юня 1891 г. обѣ общественнымъ управлѣніи станицъ. 8. Станичная дѣйствительность. 9. Новые вѣянія. 10. Что-же дѣлать съ иногородними?

E. B.

---

*Живѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи
при Императорскомъ казацкомъ университѣтѣ. Т. XV,
1—5 в.*

Бытъ калмыковъ Ставропольской губерніи Я. П. Дубровы. Казань 1899.

Предъ нами пятнадцатый томъ „Извѣстій“ ученаго общества при казанскомъ университетѣ, посвящающаго свои труды вопросамъ археологии, исторіи и этнографіи. Обыкновенно такого рода труды отличаются сухостью, присущею многимъ ученымъ рабо-

тамъ, мало интереснымъ для большинства читающей публики. А следствиемъ этого бываетъ малоизвѣстность ихъ даже въ кругу образованнаго общества. Органъ казанского общества археологіи, исторіи и этнографіи тоже не пользуется большею распространенностю, хотя въкоторыхъ выпусковъ первыхъ томовъ въ продажѣ уже нѣтъ. На всемъ Кавказѣ, напр., „Извѣстія“ этого общества получаются только въ 4-хъ экземплярахъ. Но многія книжки „Извѣстій“ полны большого интереса не только для ученыхъ людей, специалистовъ въ данной области, но и для общества и гражданскихъ дѣятелей. Большая часть „Извѣстій“ посвящена изученію быта племенъ, живущихъ въ Поволжье, въ восточной Россіи, напр., чувашей, черемисовъ, вотяковъ, татаръ-мусульманъ и татаръ-крепченыхъ, башкировъ, киргизовъ, пермяковъ и т. п. Первые-же два выпуска послѣдняго, т. е. XV тома, посвящены народу, кочующему въ степяхъ Предкавказья, именно: они содержатъ описание „Быта калмыковъ Ставропольской губерніи“. На немъ мы и остановимъ наше вниманіе.

Калмыцкая степь до сихъ поръ является непочатымъ изслѣдователями уголкомъ. Историческихъ и этнографическихъ изслѣдований этого края въ нашей литературѣ нѣтъ, и казанскому „обществу“ принадлежитъ починъ въ этомъ дѣлѣ. Въ разматриваемомъ трудѣ быть калмыковъ изображается въ историческомъ и соціально-экономическомъ отношеніяхъ.

Калмыцкій народъ пришелъ изъ Тартаріи въ степи Астраханской и Ставропольской губерній въ 1630 году и подчинилъ своей власти кочевавшихъ въ этихъ степяхъ татаръ, туркменъ, ногайцевъ, кара-ногайцевъ, эдишкульцевъ, эдисанцевъ и др. Въ 1771 году часть калмыковъ возвратилась въ Азію, въ предѣлы Китайской имперіи, где и теперь живетъ, сохранивъ свой прежний бытъ. Оставшіеся въ южной Россіи калмыки должны были примѣняться, съ одной стороны, къ мѣрамъ русскаго правительства, вызывавшимся участіемъ калмыковъ въ пугачевскомъ бунтѣ и частыми грабежами ихъ, разбоями и разгромомъ крѣпостей и городовъ; а съ другой стороны, къ неудержимому движению въ ихъ степи русскихъ переселенцевъ изъ Полтавской, Черниговской, Киевской, Курской, Орловской, Тамбовской, Рязанской и др. губерній. Въ настоящее время, послѣ отдѣленія части калмыковъ въ вѣдѣніе Ставропольской губерніи (1860 г.), послѣ образования въ обширныхъ ихъ кочевьяхъ двухъ уѣздовъ—Медвѣжинскаго и Георгіевскаго—изъ русскихъ переселенцевъ, у 10,000 ставропольскихъ калмыковъ остается 500,000 десятинъ земли, раздѣленной между ними по сословіямъ. Теперь у

калмыковъ уже нѣтъ прежняго простора для кочевій; имъ приходится постепенно переходить къ осѣдлому быту.

Главное препятствіе къ этому остается въ силѣ вѣковѣчной привычки. Привыкли, напримѣръ, калмыки въ теченіе многихъ вѣковъ къ кибиткамъ, и теперь, несмотря на очевидную экономическую и гигіеническую выгоду жить въ избахъ, они не могутъ разстаться съ кибиткой. Въ избѣ скорѣе можно встрѣтить отелившуюся корову, овцу, телятъ, ягнятъ, но не калмыковъ (48 стр.).

По внѣшнему своему виду калмыкъ грязенъ до невозможности, грязно и все то, что есть у него въ домашнімъ обиходѣ. Посуда никогда не моется и не вычищается, если не вылижутъ собаки, почему всегда и покрыта толстымъ слоемъ грязи, образующейся изъ молочныхъ и другихъ осадковъ. Молоко, эта единственная повседневная пища, съ навозомъ и волосами; одежда всегда перепачкана, засалена и въ дырахъ, исправляется рѣдко; лицо, въ особенности же голова, шея, уши и руки, покрыты грязью; вши вездѣ въ неимовѣрномъ количествѣ. Все пропитано непріятнымъ запахомъ копоти, который присущъ каждому калмыку, какъ нѣчто специфическое (54 стр.).

Въ пищѣ калмыкъ нераазборчивъ и есть все и во всякомъ видѣ, не исключая даже падали. Только собаки и кошки не идутъ ему въ пищу. Всему-же, какъ гастрономическое блюдо, предпочтается козье и баранье мясо. Самой-же обычной, постоянной и незамѣнимой пищей служитъ „калмыцкій чай“. Для приготовленія его покупаются большія плиты прессованного чайного сора, въ которомъ попадаются прутья, мыши и даже, хотя и рѣдко, змѣи. Нужная для заварки часть плиты мелко крошится ножемъ и затѣмъ толчется въ порошокъ и бросается въ кипящую въ котлѣ воду. Послѣ достаточнаго кипѣнія къ чайному навару прибавляютъ соль, муку, бараний жиръ или масло. Всѣ вообще калмыки очень любятъ такой чай. Нѣкоторые-же особенные любите этого питья выпиваютъ его за каждый изъ двухъ обязательныхъ въ день разъ по полуведру (57 стр.).

Въ нравахъ этого народа много дикаго и первобытнаго, какъ это видно изъ ихъ отношенія къ больнымъ и умершимъ. Больныхъ людей калмыки бросаютъ на произволь судьбы. Въ случаѣ заболѣванія, напр., оспой, которая часто свирѣпствуетъ между калмыками, они въ паническомъ страхѣ снимаютъ свои кибитки и удаляются возможно дальше отъ зараженнаго мѣста. Больные-же оставляются умирать безъ всякаго ухода, если за таковой не возьмется кто-нибудь изъ русскихъ.

„Я зналъ,—говорить авторъ,—калмычку, болѣвшую оспой, перенесшую ее и затѣмъ, въ силу отсутствія ухода, буквально съѣденную червями. Еще при жизни страдалицы черви обглодали мясо на кистяхъ рукъ и ступняхъ ногъ“ (65 стр.).

Въ случаѣ смерти калмыка, его не зарываютъ въ землю, а, завернувъ въ старый войлокъ и обвязавъ веревкой, бросаютъ трупъ въ первую попавшуюся яму, а зимой въ сугробъ снѣга и рѣшительно не обращаютъ вниманія на то, что собаки, отыскавъ трупъ, таскаютъ части его по степи.

Конокрадство, похищеніе и грабежъ скота и овецъ---природная страсть калмыковъ. Прежде они отнимали у сосѣдей цѣлые табуны и стада. Теперь-же, когда площадь ихъ кочевій сузилась настолько, что съ цѣлымъ стадомъ укрыться стало негдѣ, они перешли къ мелкому воровству. Неспособные къ воровству презираются среди нихъ.

Казалось бы, что по отношенію къ этому отсталому и по составу своему небольшому народу должна примѣняться особенная заботливость, чтобы привить къ нему понятія правильной гражданской жизни. Къ сожалѣнію, въ дѣйствительности этого нѣтъ. Сосѣди калмыковъ, и инородцы, и русскіе, относятся къ нимъ съ презрѣніемъ и иногда звѣрски расправляются съ виновными изъ нихъ. Бывали, напр., такие случаи, когда пастухи овечьихъ отаръ, убивъ промышлявшего на ихъ счетъ калмыка, тѣло сго жарили на угляхъ аргала и жаренымъ калмыцкимъ мясомъ кормили своихъ собакъ-овчарокъ. Жарили для того, чтобы собакамъ непротивно было ёсть вонючее мясо „поганой твари“ (86 стр.). Въ составѣ лицъ, коимъ принадлежало управлѣніе калмыками, не было такихъ, которые-бы интересовались особенностями ихъ исторіи и быта, изучали ихъ и основывали свое отношеніе къ нимъ на этомъ изученіи. Представители калмыцкой администраціи относились къ задачамъ цивилизаціи среди этихъnomadovъ или съ полнымъ невниманіемъ, или съ полнымъ равнодушіемъ. Напримеръ, на все кочевое населеніе Ставропольской губерніи, т. е. не только для калмыковъ, но и для магометанъ—татаръ, туркменовъ, ногайцевъ, эдисанцевъ, эдишкульцевъ, джембулакцевъ и ачикулакцевъ—существуетъ только одинъ врачъ, да и тотъ живеть не гдѣ-либо въ центральномъ мѣстѣ инородческихъ стойбищъ, а въ гор. Ставрополѣ, аккуратно получаетъ присвоенное ему жалованье, сопровождаетъ главнаго пристава въ его поездкахъ по кочевьямъ—и только (67 стр.). Или, напримѣръ, для образования калмыковъ устроили школу, но не среди калмыцкихъ поселеній, а совершенно вдали отъ нихъ, почему она и

является скорѣе продолженіемъ канцеляріи администраціи, съ которой помѣщается въ одной квартирѣ. А отъ этого въ этой школѣ изъ года въ годъ училось только по десяти мальчиковъ, единственно благодаря тому, что они получали по пяти рублей въ мѣсяцъ. Между тѣмъ своихъ дѣтей калмыки обучаютъ грамотѣ, понимаютъ пользу ея и сознательно раптали на волю начальства, *de facto* затруднившаго имъ пользованіе улусной школой (180 стр.).

Вообще въ разсматриваемой нами книгѣ содержится много горькой правды, но, по нашему мнѣнію, авторъ преувеличиваетъ роль сосѣдей калмыцкаго народа и начальниковъ, управляющихъ имъ, когда низкую степень культурнаго и экономического состоянія калмыковъ объясняетъ отсутствиемъ положительного воздействиія первыхъ на послѣднихъ. Въ то-же время онъ, мы думаемъ, умаляетъ значеніе вѣками сложившагося нравственнаго и духовнаго склада калмыцкаго народа въ дѣлѣ развитія его.

Въ частности нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы деспотическая власть надъ калмыками привилегированныхъ у нихъ нойоновъ и раболѣпное отношеніе къ нимъ со стороны непривилегированной массы до освобожденія послѣдней отъ „крѣпостничества“ (1892), были привиты калмыкамъ ошибочной системой управлениія ими, а не коренились въ ихъ характерѣ и бытѣ такъ же, какъ, напримѣръ, авторитетъ ламайскаго духовенства и благоговѣйное почитаніе его.

Фасъ.

Мутазилиты. Догматико-историческое изслѣдованіе въ области ислама. Составилъ П. Жузе. Казань 1899. Стр. II+269.

Извѣстно, что двѣ важнѣйшія на Востокѣ религіи буддизмъ и исламъ, болѣе или менѣе серіозно, изучаются у насъ въ Россіи только въ казанской духовной академіи. Наибольшую учено-литературную дѣятельность академія проявляетъ по отношенію ко второй изъ названныхъ религій. Кромѣ отдѣльныхъ сочиненій, здѣсь издается еще единственный въ своемъ родѣ „Миссіонерскій Сборникъ“ трудовъ студентовъ академіи по изслѣдованію вопросовъ, относящихся къ области мусульманской религіи. Настоящая книга, заглавіе которой мы выписали, представляетъ собою послѣдній, т. е. 22-ї выпускъ этого сборника.

Книга эта отличается отъ всѣхъ предыдущихъ выпусковъ „Миссіонерскаго Сборника“ тѣмъ, что она составлена преимуще-

ственno по арабскимъ источникамъ, тогдa какъ тѣ писались преимущественно по европейскимъ. Авторъ ея по происхожденю природный арабъ изъ Иерусалима, закончившій свое образованіе въ каз. дух. академіи въ 1896 г. При составленіи изслѣдованія о мутазилитахъ онъ имѣлъ возможность воспользоваться не только книгами, но и арабскими рукописями, хранящимися въ книгохранилищахъ Египта, Сиріи и Палестины (47 стр.).

Названное сочиненіе состоить изъ 9 главъ. Въ первой говорится о причинахъ появленія мутазилитской секты въ исламѣ, изъ которыхъ главная двѣ: встрѣчающіяся въ коранѣ противорѣчія и свободолюбіе арабовъ. Въ слѣдующихъ 3 главахъ рассматривается по периодамъ исторія мутазилитской секты: ея возникновеніе, процвѣтаніе и упадокъ. Затѣмъ идутъ 4 главы, въ которыхъ излагается ученіе мутазилитовъ, параллельно съ учениемъ сунитовъ о Богѣ, о божественныхъ свойствахъ, о коранѣ, о предопределѣніи и свободной волѣ. Здѣсь мы узнаемъ, что мутазилиты, вопреки апологетамъ сунитского ученія, отстаивали чистую духовность божественного существа, отвергали вѣчное существование корана на небѣ въ особыхъ свиткахъ, отрицали предопределѣніе и настаивали на ученіи о свободѣ воли и ответственности человѣка за свои дѣла и свое спасеніе.

Послѣдняя глава содержитъ въ себѣ заключеніе, въ которомъ авторъ говоритъ о значеніи мутазилитской секты, какъ философской попытки арабовъ въ цвѣтущее время ихъ образованности внести лучи разума человѣческаго въ пониманіе догматовъ мусульманской вѣры. Здѣсь же попутно авторъ доказываетъ въ противовѣсь мнѣнію Ренана, что у средневѣковыхъ арабовъ дѣйствительно процвѣтали науки и философія въ лицѣ арабскихъ же, хотя и не аравійскихъ представителей ихъ.

Какъ видно, и предметъ разсматриваемой нами книги, и обслѣдованіе его имѣютъ серіозный интересъ. Нельзя поэтому не пожалѣть, что въ ней встрѣчается много виѣшнихъ недостатковъ, свидѣтельствующихъ о какой то торопливости въ изданіи ея; таковы, напр., постоянно встрѣчающіяся опечатки, растянутость въ изложеніи, отсутствіе перевода арабскихъ текстовъ, излишнее употребленіе латинскихъ выражений и др.

Фасъ.

Le beau et loi, l'esthétique nouvelle, par Azbel. Paris, 1899 г. 330 pp.

Мистицизмъ, какъ слѣдствіе естественной потребности человѣка къ познанію того, что еще не поддается научному изслѣдованию, появляется въ исторіи умственного развитія народовъ довольно часто, но порою становится интенсивнѣе, слагается въ болѣе законченныя, опредѣленныя системы, увы, рѣдко подвигающія впередъ разрѣшеніе вопросовъ, волнующихъ человѣчество. Эстетика, какъ одна изъ отраслей философіи, заключаетъ въ себѣ немало вопросовъ, также не изслѣдованныхъ наукою и также волновавшихъ умы мыслителей; не касаясь наивныхъ отвѣтовъ, удовлетворявшихъ Аристотеля и Платона, напомнимъ мистическую аргументацію въ разрѣшениі этихъ вопросовъ учеными средневѣковыми.

Въ наши дни такихъ вопросовъ въ области эстетики, конечно, больше, чѣмъ было ихъ въ IV вѣкѣ до Р. Х., и пытливый умъ человѣка съ еще большей страстью обращается къ разрѣшенію ихъ. Извѣстны читателямъ, конечно, многочисленные трактаты по эстетикѣ, появившіеся за послѣднія 10—20 лѣтъ, извѣстны разнообразные труды многихъ современныхъ писателей оть Л. Толстого до Шербулье. Рядомъ съ этими трудами преимущественно метафизического свойства, появляются нынѣ обстоятельные трактаты, напоминающіе по наивности „Науку чиселъ“ Эккартсгаузена (1801 г.) и подобные ей глубокомысленные разсужденія исторического свойства. „Три есть первое совершенное число, ибо оно равно въ длину, ширину и глубину“, объясняетъ Эккартсгаузенъ.

Нынѣ E. Guyot говоритъ въ своемъ трактатѣ „La Boussole de l'harmonie universelle“, что цвѣтъ синій соответствуетъ тону la—діезъ и что эстетическая формула, примѣнимая ко всѣмъ искусствамъ, выражается такъ $X=2+n$ (1.3.5.17)... Азбель, сочинившій новую эстетику, положилъ не мало труда на составленіе мудреныхъ чертежей, на измышленіе новыхъ терминовъ. Его эстетика называется альтеикой (Altneique, оть altas—высокій) и заключаетъ въ себѣ всѣ высшіе законы о прекрасномъ въ мірѣ, всѣ основныя положенія науки, изслѣдующей міровую гармонію.

Категорические императивы этой новой высшей науки, изложенные безаппеляціоннымъ, лаконическимъ слогомъ, едва-ли могутъ убѣдить кого-либо въ правоспособности альтеики разрѣшать вопросы, занесенные сюда изъ области эстетики. Можете судить по слѣдующимъ отвѣтамъ.

Абсолютное добро исходитъ: изъ 1) газообразной массы и 2) колебанія частицъ этой массы (21 стр.). Затѣмъ, помѣстивъ „чертежъ идей“, болѣе и менѣе родственныхъ, авторъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы: Миръ существуетъ (Or, l'Univers existe. Donc il est l'Etre, dont el a l'idée) и Миръ-колебаніе (L'Univers est une vibration). Далѣе рисунки, чертежи, разсужденія и выводы идутъ crescendo. На стр. 70 авторъ видитъ въ числахъ 8 и 10 нѣчто капистическое: музыкальная гамма, состоящая изъ 8 тоновъ, имѣеть въ каждой нотѣ 10 гармоническихъ (верхнихъ) тоновъ; музыкальное предложеніе состоитъ изъ 8 тактовъ и „напрасно нѣкоторые композиторы хотятъ кого-то обмануть, (?)!“ нарушая такое равновѣсіе“. Тутъ же берется тема (8 тактовъ) andante изъ „Патетической сонаты“ Бетховена, выворачивается наизнанку, т. е. пишется вся слѣва направо и затѣмъ въ такомъ видѣ раскладывается отдельными тактами по трафареткѣ автора, долженствующей служить уясненію всѣхъ загадочныхъ мировыхъ явлений.

Нужно-ли понять поэтическую прелестъ различныхъ стихотвореній, подкладываемыхъ авторомъ подъ andante изъ той-же сонаты Бетховена, и связь текста ихъ съ мелодіею,—сейчасъ является на помощь чертежъ съ треугольниками, ломанными линіями и прочей абракадаброй. Но блестящій апофеозъ альтеики представляеть чертежъ на 299 стр.; чего только нѣть здѣсь? Земной шаръ, эстетическое (или альтеическое) равновѣсіе, соотвѣтствующее 45° широты и подходящее къ тону sol (доминанта); тутъ и магнитические токи, и солнечный спектръ и модуляція (переходъ въ тонѣ), совпадающая съ 11-мъ гармоническимъ тономъ (fa отъ do) и родственная переходу къ иной солнечной системѣ (2° Soleil); тутъ и процессъ мозговой дѣятельности, и связь цветовъ, запаховъ, звуковъ; тутъ и космическая явленія и игра цифрами. Слогъ напыщенный, темный, часто лаконический; идеи туманныя, мистическая. Такова новѣйшая эстетика или альтеика г. Азбеля, изячно изданная, но едва-ли достойная серьезнаго вниманія читателей.

XIII.

С М Ъ С Ъ.

Похороны въ Персії.

Когда больному становится плохо и окружающие ожидаютъ, что онъ скоро умреть, то посылаютъ немедленно за муллой, если имѣютъ средства заплатить ему. Обязанность муллы состоитъ въ чтеніи корана у умирающаго правовѣрнаго, вплоть до послѣдней минуты его жизни,

Если пригласить муллу средствъ нѣтъ, то коранъ читаетъ кто либо изъ родственниковъ или сестръ. Умирающій обязанъ самъ произносить нѣсколько разъ шитскій символъ вѣры; иногда объ этомъ напоминаютъ умирающему его родственники. Въ случаѣ, если умирающій не успѣлъ прочесть символъ вѣры, то окружающие считаютъ его за очень грѣшнаго человѣка; успѣвшій прочесть символъ вѣры пользуется, по мнѣнію персовъ, особой благосклонностью архангела, являющагося отнимать у умирающаго душу. Архангель легче отнимаетъ душу у прочитавшаго символъ вѣры. Умершаго кладутъ въ особый ящикъ, служащій для переноски всѣхъ вообще умершихъ, и несутъ для омовенія къ какому либо источнику; иногда обмываютъ умершаго у себя во дворѣ. Впереди гроба идутъ всегда муллы, громко читая молитвы. Для обмыванія покойника употребляютъ воду съ камфорой; послѣ обмыванія завязываютъ покойнику ротъ платкомъ; большиіе пальцы ногъ привязываютъ шнуркомъ къ другимъ пальцамъ и заворачиваютъ покойника съ ногъ до головы въ бѣ-

лый коленкоръ, а болѣе богатыхъ въ коленкоръ съ написанными на немъ молитвами. Подобный коленкоръ имѣется въ продажѣ готовый. Обмытаго покойника снова кладутъ въ гробъ, покрываютъ его различными тканями и несутъ къ могилѣ. Могилу роютъ глубиной аршина $1\frac{1}{2}$. Покойника кладутъ въ могилу въ одномъ коленкорѣ на голую землю. Когда покойникъ положенъ уже въ могилу, подходитъ мулла, и, трогая покойника палкой, подсказываетъ ему слова, которыя тотъ долженъ произнести при разспросѣ архангела. Около покойника кладутъ палку съ раздвоеннымъ концомъ, чтобы онъ опирался на нее, когда привстанетъ для отвѣта архангелу. Могилу прикрываютъ досками и засыпаютъ землей; сверху обкладываютъ камнемъ или кирпичомъ и ставятъ стоймѧ соотвѣтственно головѣ погребеннаго большой узкій камень. На этомъ камнѣ или на положенномъ на могилѣ другомъ камнѣ выдалбливается надпись, обозначающая имя покойника, годъ и число смерти, а иногда еще молитвы и изречения корана. Родственники умершаго, жившіе съ погребеннымъ до его смерти, не должны выходить два дня изъ дома, гдѣ произошла смерть: они принимаютъ многочисленныхъ посѣтителей, являющихся съ соболѣзваніемъ по поводу смерти ихъ родственника. Проѣздомъ по одному селенію, мнѣ,—разсказываетъ врачъ Рубіо въ „Асх.,“—удалось видѣть патріархальную сцену, какъ старики и взрослые мужчины, обнявъ другъ друга, плакали и громко причитали по умершемъ ребенкѣ у входа въ домъ, гдѣ помѣщались родители его. На третій день по погребенію умершаго, родственниковъ выводятъ на базарь въ знакъ окончанія первого траура. Обмытій покойника получаетъ въ награду за свой трудъ часть одежды покойника и около 2 кранъ деньгами. Гостей родственники умершаго угощаютъ чаемъ, кальяномъ, кофе и пловомъ. Въ комнатѣ, гдѣ умеръ больной, кладется на средину коранъ, раздѣленный на Зо отдѣльныхъ книжечекъ. Всякій грамотный изъ гостей долженъ, чтобы не обидѣть родственниковъ покойнаго, прочесть, по крайней мѣрѣ, хоть одну изъ этихъ книжечекъ, во славу погребеннаго. Мулла за труды получаетъ часто одежды умершаго и около 11 кранъ (2 р. 20 к.), самое дешевое. Существуютъ мѣстами арендаторы похороннаго обряда, берущіе въ свою пользу, кромѣ 11 кранъ, еще одежду умершаго. Если у умершаго нѣть болѣе или менѣе состоятельныхъ родственниковъ и имущества на погребеніе не осталось, то сосѣди или, вообще, знакомые вытаскиваютъ покойника на базарь или на бойкую улицу, гдѣ собираютъ доброхотныя подаянія отъ прохожихъ на погребеніе, неимущаго. Когда скопится необходимая сумма для

погрѣбенія, покойника немедленно погребаютъ. Само собою разумѣется, что раздача одежды послѣ умершаго, тризна въ его домѣ, вытаскиваніе покойника на базаръ все это способствуетъ распространенію заразныхъ болѣзней. Однако, какъ рассказываютъ, въ Тегеранѣ ловкіе жулики ухитряются такимъ образомъ надувать легковѣрныхъ жителей: они выдаютъ одного изъ своей компаний за покойника, тащатъ его на базаръ и просятъ помоши для погребенія бѣднаго покойника. Полученные дѣнги идутъ на куреніе терьяка ловкимъ золоторотцамъ Тегерана и ожившему въ удобную минуту покойнику. Богатыхъ умершихъ везутъ для погребенія въ ящикахъ въ какое-либо священное мѣсто.

Болѣе бѣдные, желая быть погребенными, напримѣръ, въ Мешедѣ, собираютъ послѣднія средства и просятъ везти ихъ въ Мешедѣ, какъ только почувствуютъ, что ихъ жизни наступить скоро конецъ.

Умерший поминаютъ на кладбищахъ вечеромъ по четвергамъ каждой недѣли. Тогда на кладбищахъ можно видѣть постѣтелей, читающихъ или распѣвающихъ молитвы и коранъ.

Анекдоты муллы Насръ-Эддина.

Однажды мулла собрался со своими учениками на богомолье. Мулла вывелъ своего осла, сѣдѣлъ его, но сѣгъ лицомъ не къ головѣ, а къ хвосту.

— Зачѣмъ ты садишься такимъ образомъ?—спросили его ученики.

— Иначе нельзя!—ответилъ мулла.—Если я сяду лицомъ къ головѣ осла, а вы будете слѣдовать за мною, то покажу вамъ свою спину—это невѣжливо; если самъ буду слѣдовать за вами, то увижу ваши спины, что будетъ опять таки невѣжливо съ вашей стороны. Поэтому лучше, если я сяду на осла лицомъ къ хвосту.

Однажды Насръ-Эддинъ сѣлъ обѣдать съ женой. Она принесла супъ и, позабывъ остудить его, обожгла себѣ ротъ.

— Что съ тобою?—спросилъ мулла.

— Ничего, господинъ мой.

— Отчего-же ты такъ покраснѣла и прослезилась? Можетъ быть ты обожглась горячимъ супомъ!

— О, нѣтъ, супъ совсѣмъ не горячъ,—отвѣчала жена, желая подшутить надъ муллою.—Я вспомнила, что моя покойница мать очень любила такой-же супъ и мнѣ стало грустно.

Мулла взялъ ложку супу и обжегъ себѣ ротъ.

— Что съ тобой?—спросила жена.—Ты весь покраснѣлъ и прослезился..

— Мнѣ тоже стало грустно... Отчего твоя скверная мать, умирая, не прихватила и тебя вмѣстѣ съ собою?

Въ садъ муллы забрелъ чужой быкъ и сталъ портить деревья. Увидавъ это, Насръ-Эддинъ схватилъ дубину и хотѣлъ пропустить быка, но послѣдній успѣхъ убѣжать.

Черезъ нѣсколько дней онъ встрѣчаетъ того-же быка на улицѣ, запряженного въ арбу. Не говоря ни слова, онъ бросился къ нему и сталъ бить.

— За что ты бѣшь моего быка?—спросилъ хозяинъ животнаго.

— Оставь! Онъ самъ отлично знаетъ, за что я его бью.

Идя однажды по пути въ городъ, Насръ-Эддинъ встрѣтилъ совершенно незнакомаго ему человѣка и сталъ удивленно на него смотрѣть.

— Чему ты такъ удивляешься, глядя на меня?—спросилъ незнакомецъ.

— Видишь-ли: чалма на твоей головѣ совершенно такая-же какъ у меня, и плащъ на тебѣ такой же, какъ у меня, я и подумалъ: не встрѣтился ли я самого себя.
